МАРИЯ ЧОКАЙ

DK
908.863
C49
C49217
2001

пишу Вам из Кожана ...

Chelles, 22. II 68.

Сегодня 22 февраля день моего рождения
мне исполнилось 80 лет, я была очень
тронута полу от вас дорогие мои
ваше письмо в котором вы выражаете
беспокойство обо мне по поводу моего
дурного самочувствия. Дело в том, что я
упала на улице и растянула себе на
правой руке сухожилия к кисти и
пело не сломала и мне трудно писать
на левой ноге циколодку и мне трудно
ходить. Упала я перед рождеством
почти два месяца отлежала инвалидом
у меня накопилась масса писем на
которые надо ответить и я не могу
собраться на это денег голова пухнет
глаза плохо видят, ноги плохо ходят
совсем я стала дряхлая старуха.
Ваше письмо и карточку поздравление
тельную получила своевременно
Благодарю и крепко всех
целую. Посылаю фотографию
сделан под новый год 1968 г. Я
на лице у меня раны
редлежен от болезни
наступившей
расстройства

M. Mustafa Fazıl
7, Square de la Fo
Nogent S. Ma

Ваш
работа
Вы
ка
ем
ногие
ка
ве
ру
ра
ко
ка
ва
ва

68.

рождения

а очень

ы мои

вы выросли

поводу моего

ном, что я

шла себе не

частью ни

трудно писать

мне трудно

рдцестве

нывали до

е письма не

ь и я не

ловка пуста

ни плоть

ая открыт

ртонку по

ременно

нко всех

нографию

1968 й. Д

ие

Nogent 27.11.63.

Родные мои Дети.
Таня и Маё как чувствуете
Таня, Таня и Маё как чувствуете
эту суровую зиму? Здоровы?
Слышала по радио что во
мои знакомые
Франции
кн. не пускайте
как путь
Посылаю
Котором
Одновременно посылаю
Ветрянки, Зеленку. Витаминов Бол.
ек. Рукими, и еще конечно книжек
по, по тонкому
не
дублекаты
Получила письмо от Нюры
11. где не пишет, что получила от Кокуева

АЛМАТЫ
"КАЙНАР"
2001

МАРИЯ ЧОКАЙ

Я пишу Вам из Кожана ...

(воспоминания,
письма,
документы)

Mustafa T[illegible]kai-Ogly
7, Square de la Fontaine
NOGENT-sur-MARNE
SEINE FRANCE

АЛМАТЫ
"ҚАЙНАР"
2001

ББК 84 Р 7-4
Ч-75

Составление и перевод
кандидата филологических наук, доцента
Б.Садыковой

Научный консультант
доктор исторических наук,
профессор КазГУ им. Аль-Фараби
М.Койгельдиев

Выпускается по программе
Министерства культуры, информации
и общественного согласия
Республики Казахстан

ISBN 5-620-01031-7

© «Кайнар», 2001
© Составление, перевод
Б. Садыковой, 2001

Слово к читателю

Мустафа Чокай является знаковой фигурой в политической жизни не только Казахстана, но и всего тюркского мира. Он родился в аристократической семье казахских кочевников, а по материнской линии был в родстве с Хивинской ханской династией.

Личность Мустафы стоит в одном ряду с такими видными политическими деятелями как Алихан Бокейханов, Ахмет Байтурсынов, Мухамеджан Тынышпаев, которые составили плеяду высокообразованной казахской интеллигенции начала XX века, возглавившей движение за национальную независимость своего народа.

Признанный лидер национально-освободительного движения тюркских народов, Мустафа Чокай известен в первую очередь как глава Кокандской (Туркестанской) Автономии, ставшей первым опытом восстановления туркестанской государственности ненасильственным, демократическим путем.

В наше время интерес к политической деятельности и трудам Мустафы Чокая чрезвычайно высок, так как его имя связано с малоизученным периодом нашей истории. Тем ценнее сейчас, в год десятилетия независимости Республики Казахстан, постижение истины, и тем важнее не упустить на этом пути и не исказить ничего в фактах биографии нашего народа.

Высокая политическая культура, масштабность мышления, блестящая образованностью, знание европейских и тюркских языков по праву выдвинула его в ряды крупнейших идеологов национально-революционного движения тюркских народов и снискали заслуженный авторитет в европейском и тюркоязычном мире.

UNIVERSITY OF WASHINGTON LIBRARIES

Имя Мустафы Чокая олицетворяет такое явление как казахская политическая эмиграция в Европе. В этой связи его уникальность заключается в том, что за двадцатилетний период своей эмигрантской жизни во Франции Чокай оставил огромное теоретическое наследие, которое бережно хранится в библиотеках стран Европы и Америки. Уверен, что его труды займут достойное место у себя на Родине, в Казахстане, и станут объектом исследования новой отрасли исторической науки – чокаеведения.

Правительство Республики Казахстан считает своим долгом восстановить историческую справедливость, объявив о гражданской реабилитации лидера национально-освободительного движения Туркестана Мустафы Чокая.

Имангали ТАСМАГАМБЕТОВ,
заместитель Премьер-министра
Республики Казахстан

От составителя

«Для меня оставить страну, давшую мне политическое убежище, – все равно что покинуть Родину», – говорил Мустафа Чокай в то время, когда гитлеровцы оккупировали Францию и начался массовый отъезд из Парижа и окрестных городов.

Одна из причин выхода в свет книги воспоминаний Марии Яковлевны Гориной-Чокай – это желание отдать дань уважения Франции, стране, которая на долгие годы стала второй родиной Мустафе Чокаю и его супруге, обосновавшимся в 1921 году в небольшом городке Ножан-сюр-Марн под Парижем.

Мы выражаем глубокую признательность нашему соотечественнику Алиму Алмату, проживающему ныне в Турции. В послевоенные годы его приютила у себя Мария Яковлевна. Благодаря ее помощи молодому Алиму удалось окончить Парижскую консерваторию по классу скрипки и получить гражданство Турции, где он долгое время работал в Государственном симфоническом оркестре. Незадолго до кончины, Мария Яковлевна, передав ему многочисленные документы, письма и фотографии, просила донести до Родины Мустафы историю его жизни.

Мы сердечно благодарим французского историка, профессора Высшей школы Социальных исследований (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales) Шанталь Лемерсье-Келькежей: ее бескорыстная помощь облегчила нам исполнение последней воли Марии Яковлевны.

Публикуя письма Марии Яковлевны семье Алима Алмата, письма туркестанцев, называвших Марию Чокай мамой, мы стремились с наибольшей полнотой воссоздать образ замечательной женщины, которой суждено было занять особое место в жизни Мустафы Чокая.

Мария Горина родилась 22 февраля 1888 г. в г. Вильно, умерла 15 апреля 1969 г. в городке Шелль под Парижем в приюте Русской православной церкви. Имя ее отца – Яков, имя матери – Анастасия. На надгробной плите Марии Гориной-Чокай по ее просьбе была сделана надпись: «Прошу помолиться за Якова и Анастасию».

Книга Марии Чокай впервые увидела свет в 1971 году. Поиски оригинала ее воспоминаний, к сожалению, результатов не дали, и потому перевод на русский язык был сделан с опорой на казахский и турецкий тексты.

Первое стамбульское издание книги пришлось на тридцатилетие со дня смерти Мустафы Чокая, первое русское издание выходит в свет через шестьдесят лет после его кончины – в год десятилетия независимости Республики Казахстан.

ВОСПОМИНАНИЯ
О МУСТАФЕ ЧОКАЕ

Предисловие

Перед вами книга воспоминаний Марии Яковлевны Чокай о годах, прожитых вместе с ее покойным супругом Мустафой Чокайулы, который всю свою жизнь, до последней минуты, отдал борьбе за независимость Туркестана и являлся организатором и идейным вдохновителем журнала «Жас Туркестан».

М.Я.Чокай начала вести свои записи уже после горькой утраты супруга 27 декабря 1941 года, отправляя их много-уважаемому доктору А.Октаю, бывшему в то время секретарем и заведующим отделом журнала «Жас Туркестан». Поскольку воспоминания были написаны на русском языке, я переводил их на турецкий, а доктор А.Октай печатал на машинке. Печально, что еще не закончив перевода, мы потеряли нашего любимого друга доктора А.Октая.

Еще раз выражаю соболезнование его многоуважаемой жене, доктору Саиде Октай. С тоской вспоминаю двух достойнейших людей – Мустафу Чокая и доктора А.Октая. После смерти Мустафы доктор А.Октай неоднократно приглашал к себе Марию Чокай, однако она не пожелала покинуть Париж – город, полный воспоминаний о самом близком ее сердцу человеке. Там она и скончалась два года назад. Да будет ей земля пухом...

Считаю долгом выразить глубокую благодарность доктору Саиде Октай, оказавшей в память о покойном супруге и ради успокоения души его, материальную помощь в издании этой книги. Оно совпадает с 30-летием со дня кончины лидера Туркестанских патриотов Мустафы Чокайулы.

Туркестанец.
1971 г.

Прошу читателей не искать в этом произведении красивых литературно-художественных приемов, поскольку даром сочинительства я не обладаю. Писать биографии весьма нелегкое дело, писать же о самом близком тебе человеке, не впадая при этом в душевное волнение, кажется почти невозможным.

Жизнь покойного, пережитое им возникают в памяти так ярко, что, читая уже написанное, находишь упущенные моменты того или иного периода его жизни. Когда же хочется восстановить эти пробелы, мысли начинают скакать то туда, то сюда, словно кузнечики в поле. По этой причине читатель обнаружит некоторую бессвязность в виде то резких переходов, то повторений.

Я постараюсь представить вам образ своего покойного мужа как можно полнее, по мере своих способностей и возможностей, как мне велит совесть, конкретно и искренне, не прибавляя и не убавляя ни достоинств, ни изъянов.

Пишу свои воспоминания спустя сорок лет после происшедших событий. Если бы я знала раньше, что когда-нибудь от меня потребуется написание биографии супруга, то вела бы точный дневник каждого события, каждого дня. А сейчас ворошу свою память, которая подобна чердаку со сваленными в беспорядке нужными и ненужными вещами.

Из осколков памяти и из прожитой жизни требуется преподнести одно целое. И сделать это так, чтобы это было описанием не только нашей совместной жизни, но и нашего окружения. Писать такое сложное произведение мне не по силам, но, с другой стороны, уверяю, что все описания верны, без внесения обмана.

С Мустафой Чокаем мы прожили 23 года совместной тяжелой и счастливой супружеской жизни. В эмиграции нам приходилось играть самые разные, порой физически непривычные роли. Бог миловал нас: низкие роли клеветников, мошенников и подхалимов мы никогда не играли. Наша совесть чиста.

М.Я.Чокай,
1958 год.

РОДОСЛОВНАЯ МУСТАФЫ

Мне хотелось бы дать несколько биографических строк о Мустафе-бее. Постараюсь в точности изложить то, что слышала из его уст.

Мустафа происходит из Кыпчакского племени Среднего жуза, Торайгырского клана, Шашты подклана, Бошай колена, Жанай подколена. Родился он 25 декабря 1890 года (*по старому стилю – Б.С.*) в Акмечети (ныне Кызылорда) в знатной, аристократической семье.

Предки его были кочевниками, а отец Мустафы вел оседлый образ жизни: занимался земледелием. Дед Мустафы по отцовской линии был датхой у Хивинского хана. Мать Мустафы, звали ее Бакты, — из потомков известного хана Батыя. Мустафа не раз рассказывал, как она семилетней девочкой на коне держала знамя во время боя. Была она хорошо образована: владела арабским и персидским языками, писала стихи, читала дастаны. В ауле была своя школа и учитель-мулла, старый турок. Была также в ауле довольно приличная библиотека старинных рукописей, которую большевики разгромили. Некоторые рукописи были впоследствии опубликованы большевиками без указания того, откуда они были взяты. Я сейчас не могу припомнить, какие это были рукописи, но в его записях об этом упоминается.

Семья Чокай и около тридцати его родственников жили в одном ауле. До переворота 1917 года аул располагался в 5 километрах от станции Сулу-Тобе. Зимой они жили в кирпичном доме, а лето проводили в юртах. Степные казахи делали юрты с деревянным каркасом, накрывая его плотным войлоком. Интерьер юрты украшали домотканными узорными коврами. Юрты очень

удобны в летнюю жару, да и при переездах кочевников легко собирались. Сбором и установкой юрты обычно занимались женщины. Аул Чокая не считался богатым. Вообще богатство кочевников исчислялось скотом: овцами, верблюдами, конями, коровами. Скот нуждался в обширном пастбище. Поэтому кочевые казахи слыли богатыми, а оседлые – бедными.

Отец Мустафы имел двух жен. От первой жены детей у него не было, а вторая жена родила пятерых: двух дочерей и трех сыновей. Но всех детей воспитывала старшая жена, и они почитали ее как свою родную мать. Мустафа был младшим в семье, у него со старшим братом Сыдыком была разница в пятнадцать лет. Другого брата звали Нуртаза.

Сестры Мустафы были замужем и жили далеко от родителей. Точно не помню, но жили они недалеко от озера Тел-Куль. Семьи сестер вели кочевой образ жизни, были довольно состоятельными.

Часто родители обменивали выращенное зерно и овощи на скот. По рассказам Мустафы, каждую весну из аулов сестер к ним прибывали караваны верблюдов, которые затем возвращались груженые пшеницей, рожью, рисом, луком, картошкой и арбузами. За это из аулов дочерей в родительский дом пригоняли мелкий и крупный рогатый скот: овец, коров, верблюдов. Обмен шел и с русскими переселенцами: зерно и прочие продукты обменивались на мед и оборудование, необходимое для земледелия.

По словам Мустафы, их семья не очень заботилась об экономии. У них часто останавливались знакомые и незнакомые люди. Семья Чокая не скупилась на угощенье. Бывало, что некоторые всей семьей неделями гостили у них. И отец, и мать Мустафы при этом не выказывали и тени недовольства. Дважды русские переселенцы отбирали у них дом, который, по их мнению, лучше всего подходил для обустройства в нем школы или же для проживания школьного персонала. Взамен ничего не предлагалось. Родители Мустафы без всякого сопротивления переезжали в другое место. Были случаи, когда после уборки русские переселенцы и чиновники забирали у них урожай и делили между собой. Управляющие делами русских переселенцев вытворяли все, что им вздумается. Жители аула были бесправны и не могли оказывать даже малейшего сопротивления. Поэтому казахи не-

взлюбили русских, в особенности тех, кто работал в полиции. Гнев и возмущение росли. Русские мужики жили припеваючи при поддержке местных чиновников. Нередко они отбирали у бедных казахов скот, уводили овец, коров. Незнание русского языка не позволяло казахам жаловаться на них. И это обстоятельство полностью развязывало мужикам руки. Казахи пытались сопротивляться, но при их бесправном положении рядовые десятники могли через суд добиться их отправки на каторгу в Сибирь. Видя такие бесчинства со стороны русских переселенцев и чиновников, отец Мустафы решил найти средство противостоять такому произволу. Решено было одного из сыновей отдать на учебу в Ташкент. Ташкент находился далеко от их аула, в 1067 километрах. Жены отца не хотели далеко и надолго отпускать Мустафу. В итоге решили, что Мустафа поедет на учебу в Акмечеть.

ШКОЛА

По словам Мустафы, читать и писать его научила мама в самом раннем детстве – ему тогда не было и пяти. В пять лет он научился играть на домбре. У Мустафы был великолепный слух и он очень любил музыку. Помню, как в 1922 году мы с ним зашли в этнографический музей на площади Трокадеро. Там Мустафа увидел домбру и обомлел. Попросив разрешения у сотрудника музея, он взял в руки инструмент, настроил его и исполнил удивительно красивую казахскую мелодию. Потом он бережно положил домбру на место. Он был взволнован и печален, глаза его были полны слез. Ни до, ни после я его таким не видела.

Он рассказывал, что в детстве все любили и баловали его, и потому он считал себя выше всех, был очень чувствительным и обижался по пустякам. Любил, когда его хвалили, старался во всем быть первым. Память у него была очень хорошая: запоминал очень быстро. В ауле у них был учитель турок, блестящий знаток Корана. Он обучал аульных детей. Мустафа выделялся среди них: был самым смышленым и знал наизусть многие суры Корана. И он сам, и его родители гордились этим. С каждым, кто приходил к ним в дом, Мустафа старался поделиться своими познаниями и

начинал декламировать, не дожидаясь даже, когда его об этом попросят.

В семь лет его повезли в Акмечеть записывать в школу. «Мои матери, обе стали плакать, понимая, что я вскоре покину аул. Плакали, будто прощались навсегда. Я сам стал тревожиться. Даже потерял интерес к предстоящей учебе, потому что мои младшие братья и родственники в один голос твердили: «В Акмечети ты будешь учиться по-русски. На тебя наденут русскую фуражку, а из-под козырька ты и солнца не увидишь. Будешь говорить по-русски и перестанешь быть казахом» Учитель турок тоже вторил им: «Да, да. В школе на всех надевают крест, и тебе придется его носить». Все эти разговоры о моем будущем сильно задевали меня. Я умолял отца не отправлять меня на учебу в Акмечеть. «Я не хочу быть русским», – твердил я. Отец принялся успокаивать меня: «Вот выучишься, станешь большим человеком, очень полезным для всех казахов. Слушайся только моего совета и не обращай внимания на то, что говорят другие. Не бойся, что не будешь видеть солнце. Какой глупец сказал тебе это?» Я побоялся сказать, что это говорил учитель-турок в красной феске, так как его уважал весь аул. Наконец наступил день моего отъезда. Прощаясь с родственниками, близкими и друзьями, старался не показывать своих слез. Отец сел верхом на коня, а впереди усадил меня. Отец был рядом со мной и это придавало мне уверенности. Хоть и на время, но все же я забыл о расставании с аулом.

Мы прибыли в Акмечеть. Остановились в огромном доме. Город показался мне большим и шумным. Испугался, что могу в нем заблудиться. Крепко держался за руку отца и не отпускал ее. Здесь я впервые услышал русскую речь. Подумал, что, наверное, никогда не смогу научиться так говорить по-русски. Увидел людей в шапках и фуражках. Заходили в дома с разными вывесками. Люди в них ели из посуды, которую я раньше никогда и не видывал. Когда они подносили ко рту вилку, я боялся на них смотреть. Они ели, постукивая вилками по столу и порой отчаянно жестикулируя ими. И я, и отец устали от сидения на стульях и вышли на улицу.

День был воскресным, и от множества людей, снующих там и тут, у меня закружилась голова. Откуда-то слышалась музыка. Я стал просить отца вернуться, твердил, что не смогу жить в таком шумном месте. Однако отец принялся успокаивать и уговаривать меня. Я слушал его и немного успокоился.

Зашли в магазины, поразившие меня богатством товаров. Отец сделал какие-то покупки. И тогда я впервые увидел деньги. Он снял с пояса маленький мешочек с монетами-копейками и расплатился с продавцом. Все это было мне в диковинку. В школу мы в тот день не пошли. Спросить, почему, я не осмелился. Он сообщил мне, что мы оставим покупки в большом доме, где мы остановились, и пойдем в гости. В Акмечети жил его друг-татарин, занимавшийся торговлей. Пошли к нему. Он встретил нас радушно и угощал нас в соответствии с нашими обычаями. Тут я пришел в себя, страх понемногу уходил. В разговоре отец сказал и обо мне. Что привез меня обучать в русской школе. Татарин обрадованно закивал, сказав, что это правильное решение. «На праздники обязательно приходи к нам», – сказал он, похлопывая меня по плечу. Мне это придало уверенности. В тот вечер мы заночевали у татарина. Я подружился с его детьми. У них были друзья из русских семей. Я был страшно удивлен, впервые увидев русских детей, да к тому же говоривших по-казахски. Даже обрадовался. Среди них был один, которого звали Васькой. Он спросил у меня: «А что ты знаешь по-русски?» Я промолчал. Тогда он сказал, что берется научить меня. В дальнейшем, когда я учился в школе, узнал, что этот Васька слыл в школе хулиганом.

– Как будет по-казахски «отец»? – продолжал донимать Васька.

– Ата, – ответил я.

– А «мать»?

– Шеше.

– Ну, если так, тогда запомни, что по-русски «ата» – атец, а «шеше» – шешец. Понял?

– Понял.

– Не забудешь?

– Нет.

На следующий день мы с отцом отправились в школу. Он представил меня учителю. Учитель мне очень понравился. Он говорил с нами по-казахски. Погладил меня по голове и сказал, что я умница, и что он научит меня читать и писать по-русски. Затем добавил, что после Акмечети мне предстоит еще учиться в Ташкенте. Надо только быть дисциплинированным и послушным учеником, не водиться с плохими детьми. Я похвастался, что уже знаю по-русски два слова. «Какие?» – спросил он, и я сказал,

что ата – это атец, а шеше – это шешец. Учитель рассмеялся, а отец удивился: «Откуда ты знаешь эти слова?» «От Васьки», – сказал я.

Учитель объяснил, что с ним не надо мне водить дружбу и что ничему хорошему он меня не научит.

Мы вернулись в аул. Через месяц мне предстояло вернуться в Акмечеть. В ауле меня встретили настороженно и стали расспрашивать о том, что я видел в городе, что делал. Я, конечно же, рассказал обо всем. Все слушали с интересом. А услышав их похвальные слова, вконец утвердился в мысли, что не надо бояться учиться в русской школе. Это было мое последнее лето в ауле, и я решил перед отъездом в Акмечеть воспользоваться им вволю. Мы, дети, обожали скачки. У моего дяди Сыдыка была пара породистых скакунов. Он их готовил к скачкам. У одной из лошадей был жеребенок, которого я сам выводил на пастбище, ездил даже на нем верхом. Я не понимал тогда, что жеребенок был еще мал и очень быстро уставал. Дядя запретил мне садиться на него. Но несмотря на его запреты, я выводил его далеко за аул и вволю катался на нем. Однажды, когда садился на него, жеребец споткнулся и я упал. От боли я не смог вернуться в аул. Домашние, увидев, что жеребец вернулся один, бросились искать меня и нашли лежащим на земле. Оказалось, что я растянул ногу. После этого случая мне окончательно запретили пасти коней. Я стал пасти телят. Мы, дети, не понимали, что такое жалеть этих бедных животных, и катались на них верхом. Теленок – очень упрямое существо и не так-то легко заставить его скакать. Поэтому решили из дома тайком прихватить немного перца. Обычно трудно найти перец в степных аулах. Его используют при простудах как лекарство. В нашем доме перец водился всегда. Я знал, где его хранили. Я припрятал немного перца, чтоб потом смазать им под хвостом у теленка. Теленок тогда бежит во всю прыть. Мы такое развлечение устраивали на берегу Сырдарьи. Вначале мы отгоняли телят подальше от берега реки. Затем мы, 8-10-летние дети, отбирали самых сильных и выносливых телят, смазывали перцем у них под хвостами и садились верхом, как будто бы они были нашими конями. Телята пытались изо всех сил сбросить нас. Тут требуется, конечно, большая ловкость, чтобы суметь на телятах доскакать до реки и спрыгнуть с них. Иначе телята вместе с седоками заскакивали в воду и могли очень

долго стоять в воде, чтобы избавиться от жжения под хвостом. Иногда телята могли стоять в реке часами. Были случаи, когда телята тонули. Нас это страшно забавляло. Но и от родителей нам за это крепко попадало. Очень скоро мы об этом забывали и принимались вновь за свое. Иногда мы играли так у железной дороги, которая проходила в некотором отдалении от нашего аула. Мы скакали вдоль телеграфных столбов, которые постоянно гудели от ветра. Взрослые говорили, что по этим проводам можно было переговариваться с городом, где жил русский царь Николай. Мы же пытались залезть на столб, чтобы отругать русского царя. Но никому из нас так и не удалось добраться до провода. И мы в отчаянии били камчой по столбам. Нам казалось, что тем самым мы совершали нечто значительное и, гордые тем, возвращались домой.

Так прошло мое последнее перед школой лето в ауле. Пришла осень и вместе с ней пора собираться в Акмечеть. Неожиданно я заболел и чудом остался жив. Черная оспа надолго свалила меня в постель, и поездка в Акмечеть была отменена. Пришлось учиться в школе, расположенной на станции Сарышыганак. Она хоть и была далеко от нас, но все же была ближе, чем Акмечеть».

Здесь мне кажется уместным привести письмо Мустафы Чокая, адресованное мне в 1923 году, когда я ненадолго выезжала из Парижа в Берлин. Это письмо автобиографического характера и в нем он тоже рассказывает о своих школьных годах.

Париж, 6 июня 1923 г.

Я уже ответил на твое последнее письмо от 30 мая. И вот пишу снова, так хочется с тобой поговорить. Разные мысли приходят в голову, когда остаешься один. Часто я думаю о родном ауле, о том, что, сам того не желая, причинил немало страданий родным. Мне больно сознавать, что брат мой умер, так и не сумев повидаться со мной. Он знал, что мы с тобой поженились. Помнишь, я говорил тебе о его приезде. Это было 1 мая 1918 года. Он увидел на столе твою фотографию и спросил: «Это твоя жена?» Я ответил «да». Он кивнул головой, словно одобряя, и пожелал счастья. Перед уходом сказал: «У тебя становится все больше недругов. Если Аллаху будет угодно, твоя жена будет тебе

настоящим другом». Надеюсь, ты не обижаешься, Мусинька. Он отказывал себе во многом, чтобы дать мне возможность общаться с людьми. Я помню, как он радовался, когда в 1916-м я вмешался в дело о наборе в солдаты казахов и узбеков. А когда в 1917-м я возглавлял Мусульманский Совет, и позже, когда я был в составе Правительственного Комитета, он был так счастлив, словно видел результаты собственного труда. Когда после Кокандского правительства я избежал виселицы, он сказал: «Надо благодарить случай, давший возможность понять, что такое добро и зло». Я часто вспоминаю его, а недавно даже видел во сне. Сердце щемит при мысли о его судьбе. Он прожил всего 45 лет и покинул нас, забрав с собой 16-летнего сына. Сын был талантлив, прекрасно говорил по-русски. Никому не понять страданий матери, которая враз потеряла и сына, и внука. К тому же я, ее любимый сын, так далек от нее. Ты же знаешь, что хоть и неродной была она мне, я ее люблю как родную. Она была идеальной матерью. Помнится, в детстве я болел оспой, и она в течение трех недель не отходила от меня, выхаживала меня, и все время держала меня на коленях. Благодаря ее заботам мы все выросли крепкими и здоровыми душой и плотью. Когда по утрам я собирался в школу, она меня кормила блинами с ливером, поила молоком. Это была моя любимая еда. Она сама умывала и одевала меня, провожала школу. Радовалась каждому моему успеху. А я не смог исполнить ее единственную просьбу: ей хотелось жить с моей семьей. Ничего не поделаешь: судьбе было угодно разлучить меня с матерью. Уезжая в 1917-м из дома, я положил в карман горсть родной земли. Попросил, если она умрет в мое отсутствие, положить за меня эту горсть земли на ее могилу. Таков обычай. Привез ей как-то Коран и одеколон. Умерла она в 75 лет. До сих пор перед глазами ее образ: среднего роста, полноватая, светлокожая, с необычайно добрыми глазами. Руки у неё были мягкие, а пальцы – хрупкие. Мы верили в целительную силу ее рук. Каждый раз, когда у нас что-либо болело, мы просили ее приложить к больному месту руки. С ней мы по-настоящему жили в уюте.

Передо мной фотография дяди Оспана. При росте в 3 аршина и 2 вершка (это примерно 2 метра) он весил почти 155 кило. Голос у него был низкий. Настоящий казах. Расскажу тебе один случай. Однажды хивинский хан, зная, что он сын датхи Торгая, не уделил ему должного внимания. Обиженный 13-летний Оспан стал играть

с ним в какую-то игру и в итоге увел у него трех прекрасных коней. Это случилось как раз в то время, когда русские стали заполонять Туркестан. В Акмечети тогда правил кызылординский хан Еликей, но наш род кипчаков ему не повиновался. И все же хивинский хан, не желая унижаться перед кипчаками, пошел к хану Еликею с жалобой на 13-летнего Оспана, сына датхи. Хан и его приближенные, никогда ранее и не слышавшие о таком дерзком поступке, только развели от бессилия руками. Они не могли ничего с ним поделать, так как дядя Оспан заявил, что коней не вернет и убьет всякого, кто к ним приблизится. С тех пор и началась его степная карьера. Люди боялись и уважали его. Такой человек просто необходим в роду. Я же, видимо, вкусив культуры, немного «испортился», потому что иногда восставал против его жестких правил. Но в тогдашней жизни казахов без таких правил было не обойтись. Он был самым младшим братом моего отца. С кончиной дяди стали забываться наши родовые обычаи, ибо некому стало следить за их соблюдением. Потерять такого человека как дядя Оспан в то время, когда в «изменившихся» городах стали учащаться случаи безнравственных поступков, было большим горем. Судя по тому, что мне писали, его боялись даже казахские комиссары. Однажды он чуть не задушил в воде двух комиссаров за их скверный поступок. Еще раньше, по-моему это было при царе, его побаивались и полицейские. Хорошо помню, как он ударом плети снял с коня одного из них. Чуть было не подали на него в суд. Помогло коллективное вмешательство жителей. Сам он рассказывал, что хотел усыновить меня, когда мне была 3 или 4 года. Он считал, что я очень похож на него и потому любил меня. Для казахов очень важно внешнее сходство... Нет уже тех, кто был мне так дорог. Я не смог даже ни с кем из них проститься. Если б ты знала об отношениях между нашими родственниками, ты бы поняла, насколько невосполнима эта утрата для меня.

Вдова моего старшего брата еще жива. Как она там? Меня это очень беспокоит, и не могу ничем помочь им. Думаю и о судьбе моих младших братьев. Помочь им некому. Ты мало знаешь обо всем. Пишу о них, потому что считаю, что они тебе так же близки, как мне. Ведь ты – мой друг. Прошу тебя не думать и не писать о моих воспоминаниях, потому что мысли, изложенные в письме, воспринимаются больнее, чем сказанные устно.

Жизнь моя, верю, что ты со мной и понимаешь меня. Хоть ты и не рядом, но сейчас ты мне ближе, чем когда-либо. Ты выслушала, значит, ты поняла меня. И этого мне достаточно. Надеюсь на скорую встречу.

Целую. Мустафа.

ТАШКЕНТСКАЯ ГИМНАЗИЯ

Читатель узнал от него самого о его учебе в школе, о болезни и выздоровлении. Теперь я хочу рассказать о его учебе в лицее. Из-за болезни он несколько отстал в изучении русского языка. Начальную школу Мустафа окончил в 12 лет, поэтому для первого класса лицея он считался переростком. Пришлось сдавать экзамены. Он их сдал очень хорошо и был принят в 1902 году в Ташкентскую гимназию. В 1910 году он окончил гимназию с похвальным листом и был выдвинут на золотую медаль. Генерал Самсонов, недовольный таким оборотом вещей, потребовал поменять медали. Директор гимназии Граменитский этому воспротивился. Однако Самосонов распорядился выписать русскому Зепрометову золотую медаль, а Чокаю – серебряную. Чокай отказался получать ее. Зепрометов заявил, что Чокаю надлежит получить золотую медаль, и взял себе серебряную. Это запомнившееся всем событие состоялось в 1910 году.

Намерение губернатора (управляющего) края отказать в выдаче золотой медали местному юноше, который в течение 8 лет учился лучше всех, вызвало возмущение не только у местной молодежи, но и среди русских. Солоневич в своих воспоминаниях указывает, что «все профессора, русские интеллигенты готовы были объявить забастовку». Я бы сказала, что эту забастовку спровоцировала администрация, проявив несправедливое отношение к ученику в угоду чиновникам и желая за это получить награды и звания.

МУСТАФА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Еще в лицее Мустафа Чокай начал заниматься общественной работой. К нему проходили люди из аулов с разными прошениями. Иногда они просили перевести какую-нибудь бумагу для обращения в краевую администрацию, иногда просили написать

заявление. Так ему пришлось неоднократно бывать на приеме у Самсонова. Генерал, убедившись, что ученик лицея Чокай – отлично знающий свое дело переводчик, предложил ему работать у него переводчиком после окончания лицея. Но Чокай не принял это предложение, пожелав продолжить учебу в Петербурге.

– Где ты хочешь продолжать учебу? Полагаю, не на юридическом факультете.

– Именно на юридическом.

– На юридическом стипендии, предназначенные для Туркестана, дают только русским.

– Все равно буду поступать. Мне обещали стипендию от казанских татар.

Разумеется, Самсонову пришелся не по душе свободный нрав ученика лицея. Он полагал, что, предложив выходцу из степного аула работать в его администрации, оказал ему большую честь. Генерал был не в курсе, что местное население и переводчики не очень-то ладили. Народ их не уважал за их продажность. Они не владели толком ни русским, ни своим родным языком. Поэтому по их вине в учреждениях, судах, банках или в губернских администрациях посетители оказывались в сложных ситуациях и принимались ошибочные решения.

Авторитет Чокая рос. К нему приезжали из дальних уголков степи с просьбой составить прошение. Были дела легкие, были и сложные. Все это однако очень мешало учебе. Особенно, когда он начал учиться в Петербургском университете. К нему часто поступали письма, в которых писали: «Ты находишься рядом с белым царем. Донеси до него наши просьбы. Эта проблема должна была быть решена так, как было обещано, но так не случилось». Для степных казахов жить в одном городе с царем – все равно, что иметь возможность влиять на его решения. «Мы видели, что генерал-губернатор прислушался к твоему мнению. Ты сумеешь поговорить и с белым царем. Нет никого выше его, и как он скажет, так и будет. Ты только донеси до него нашу просьбу», – писали они.

В 1912 году умер отец Мустафы Шокай би, и Мустафе надлежало занять его место (*би – представитель высшего сословия, его решениям в спорных вопросах беспрекословно подчинялись все – Б.С.*). Со всех сторон стали поступать просьбы, чтобы Мустафа продолжил дело отца. Мустафа был вынужден прервать учение и вернуться в аул.

Иногда, занимаясь срочными делами, он сталкивался со множеством трудностей. И все же степные жители верили, что Мустафа мог все. Верили даже, что ему хватит и знаний, и воли решать дела, которые были не под силу судам. Большинство проблем было связано с земельными участками. Часто на земельных участках, отбираемых для передачи русским переселенцам, находились жизненно важные для кочевников зимовки. Споры были трудные, решения принимались не без скандала. Иногда дело доходило до рассмотрения заседаний Сената и месяцами не могло найти своего решения.

Приближалась пора экзаменов, и Мустафе надо было ехать в Ташкент. Заявления можно было отложить, а экзамены откладывать нельзя.

Таким образом Мустафа проучился в университете не шесть, а семь лет и окончил его в 1917 году. Со студентами он всегда был в дружбе, иногда даже сдавал экзамены за других. Однажды его чуть не уличили в этом. Один из его товарищей не смог сдать экзамен профессору Петрожицкому, и на пересдачу он пошел вместо него. Преподаватель что-то заподозрил:

– Вы как будто уже сдавали мне экзамен?

– Да, уважаемый профессор. Я приходил к вам на экзамен, но провалил его, – ответил Мустафа без тени смущения.

Таким образом ему удалось сдать экзамен за своего друга по имени Тасболат. Однако этот случай настолько запал ему в душу, что он заболел даже и дал себе слово больше так не поступать.

В юридических вопросах Мустафе Чокаю очень много помогал адвокат из социал-демократов Николай Дмитриевич Соколов, который работал в Петербургском суде. Позже я с ним встречалась в 1919 году в Тбилиси, а в 1928-1929 годах в Париже. Он приезжал из Москвы по делам Советов. Как старые друзья сиживали в кафе.

Это был тот самый Соколов, который был наказан за издание приказа за номером один. На деле же он не имел никакого отношения к приказу, что и сумел доказать. До начала Второй мировой войны он жил в Варшаве. Умер перед войной. Николай Дмитриевич был идеалистом, человеком сильной воли. Туркестанцы многим обязаны ему, так как Николай Дмитриевич всегда их брал под защиту, помогал в решении споров.

ХАРАКТЕР

Ни в студенческие годы, ни позже, когда Мустафа впервые приобщился к политической работе, он не состоял ни в какой партии. Он был демократом без малейшей примеси социализма, всей душой любившим Родину и свой народ и не щадивший себя во имя будущего своего народа. Среди политиков бывают политики мира и политики войны. Мустафа Чокай принадлежал к политикам мира, к патриотам.

По характеру он был мягок и легко раним. Он знал, что в управлении государством необходимо быть человеком жестким и способным быстро принимать решения. Никогда не уставал учиться и работать над своим характером. Он восхищался и высоко ценил Мустафу Кемаля. Считал, что для Туркестана необходим такой реформатор. И в мыслях у него не было иметь какие-либо враждебные чувства к шовинистам или представителям других наций. Любил спорить и дискутировать с людьми разных политических убеждений. В спорах был спокоен и уважал мнение оппонента. Его большим недостатком была доверчивость, из-за чего ему пришлось испытать большие трудности. Он принимал очень близко к сердцу даже малейшие бесчеловечные поступки. Однако умел прощать ошибки, быстро забывая о них, а позже даже и не вспоминал. Люди полагали, что он этого не заметил. И в политике, и в личной жизни он умел находить путь к сердцу людей благодаря своей честности и умению сопереживать другим. Порой горячился, отстаивая свою позицию, но никогда не задевал при этом чести оппонента. Отличаясь широтой мышления, он легко и в доступной форме излагал свои идеи. При этом, нравилось это собеседникам или не нравилось, он говорил всегда прямо и открыто. Мустафа был противником узколобого национализма. Он стоял на позициях единения народов Туркестана. И русские националисты признавали в нем это, однако не хотели считаться с интересами ни народов Туркестана, ни каких-либо других народов нерусского происхождения. Этот принцип русской демократии глубоко задевал честь Мустафы. И по этой причине в 1923 году он порвал с русскими демократами и русской периодической печатью.

ПЕРВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ УРОКИ

В 1914 году, когда началась война, Мустафа, будучи студентом, вошел в состав Государственной Думы в качестве секретаря. В секретариат мусульманской фракции Государственной Думы его ввели по рекомендации Алихана Бокейхана. Там он впервые приобщился к политической жизни тюрко-татарских народов. Будучи в составе Думы до 1917 года, Мустафа очень хорошо справлялся с поручениями политического характера, которые шли от волжских и крымских татар, от народов Кавказа. Не будь переворота 17-го Мустафа стал бы членом Думы. Туркестан тогда не имел права на членство в Думе. Предполагалось, что Мустафа будет представлять Уфимский округ (уаялат). Один из помещиков уфимского округа казах Салимгерей Жантурин сделал Мустафе дарственную в виде земель и дал свое согласие на выдвижение его кандидатуры. Однако переворот изменил все. Сам Жантурин умер от голода. По матери он был потомком Чингисхана. Его сын Жахангир бежал из России и умер в Турции, дочери Сана и Захида работают учителями в советской России.

В 1916 году было восстание местных жителей против набора на тыловые работы. Восстание было подавлено. Город Жизак был стерт с лица земли. Из горожан в этом бунте участвовало более 10 тысяч человек, включая женщин, детей и стариков. Все они были убиты.

Туркестанцы и русские, проживавшие в Туркестане, были освобождены от воинской повинности. Но поскольку в ходе войны возникла необходимость в дополнительных силах, в Петербурге вспомнили о том, что в Туркестане таковые имеются, и стали искать способы их использования. В самый разгар посевной был объявлен указ о призыве в армию лиц в возрасте от 18 до 45 лет. Эта новость была для жителей словно гром среди ясного дня. Все взбунтовались. Но бунт был подавлен армейскими частями под командованием генерала Иванова-Ринова. В связи с этим было написано обращение в Государственную Думу. Дума направила комиссию, которую возглавили член Сената Кутлуг Мухаммед Тевкелев и член Думы А.Ф.Керенский. В качестве переводчика в думскую комиссию был включен Мустафа Чокай. Я познакомилась с Мустафой Чокаем в этот период. Это произошло в августе 1916 года в Ташкенте. Мой первый муж был членом ташкентской

краевой прокуратуры. Члены прокуратуры тоже приняли живое участие в этом деле. Гости из Петербурга были приглашены к нам на обед. (О своей личной жизни я напишу чуть позже).

Официальная политическая деятельность Мустафы Чокая началась летом 1917 года. Он был делегирован от Туркестана на съезд мусульман в Москву. В 1917 году по его инициативе прошел крупный съезд туркестанцев. Мустафа Чокай был тогда членом Туркестанского комитета Временного правительства, а позже он был избран председателем Туркестанского национального комитета.

10 декабря 1917 года был внесен проект о создании автономии. На IV съезде в Туркестане, на котором председательствовал Мустафа Чокай, была объявлена Туркестанская автономия.

11 февраля 1918 года большевики направили из Ташкента в Коканд войска. Пала автономия, был разрушен город Коканд. Силы были неравные. Большевики были вооружены пулеметами и пушками. Автономное правительство войска не имело. Те, кто сумели спастись, бежали в Фергану, в горы и до 1928 года продолжали партизанскую войну. Большевики прозвали их «басмачами».

В начале 1918 года в Туркменистане был созван съезд туркменских племен. Они ничего не знали об образовании в Коканде автономного правительства. Аксакалы созвали мажилис (совет старейшин). По решению мажилиса Ямудхан стал главой, а генерал Ораз – военачальником. У них было шесть хорошо вооруженных полков так называемой «Дикой дивизии», входившей в состав личной охраны Николая II. Они предпочитали драться с большевиками лишь на границе с Туркменистаном, и на помощь к узбекам и казахам во время кокандских событий не пришли. В течение двух лет, до 1920 года, эти полки при поддержке англичан маневрировали между Кызылсу, Мервом и Ашхабадом. Позже они рассеялись по степям Туркмении и были разгромлены большевиками.

Что касается Чокая, то он через Фергану перебрался в Ташкент. За его голову была объявлена награда в 1000 рублей. Но ему помогли скрыться его друзья. Знавшие его и в политике, и в личной жизни очень уважали, симпатизировали ему.

Мустафе Чокаю было тогда 27 лет, и был он младше всех. Выступая за установление Туркестанской автономии, он в то же время был против идей сепаратизма.

«В ходе подготовки к съезду, провозгласившему автономию, я вынужден был выступить против воли моих избирателей, – вспоминал он позже. – Я осознавал, какую моральную ответственность беру на себя и что наживаю себе врагов и с той, и с другой стороны. Однако считал своим долгом объяснить, что такая поспешность может поставить народ в трудное положение. К тому же мы были еще недостаточно политически образованы. «Вы хотите с ходу построить полнокровное государство, – сказал я им, – но для этого у нас нет ни кадров, ни опыта, ни возможностей, да и армии нет. Как бы ни была ослаблена Россия, она гораздо сильнее нас. Вы задумывались о будущем? Легко объявить автономию, но в наших условиях очень трудно ее сохранить».

Один из смельчаков, кто собирался занять пост министра в Туркестанской автономии, предложил воспользоваться ситуацией и объявить об отделении Туркестана от России. Но когда Мустафа предложил ему свое место, тот тут же покинул зал. В результате во всем обвинили Мустафу.

Политик, Мустафа Чокай был далек от карьеризма. Но вопреки желанию ему приходилось быть в первых рядах. В народе его в основном окружали старые клерикалы. Рядом с ним была неопытная молодежь, которая сама нуждалась в обучении. Мустафе Чокаю был чужд политический эгоизм. Он ненавидел политические интриги, а быть подхалимом означало для него самоунижение. Все его намерения заключались в том, чтобы служить во имя единства своего народа через прессу. Он всегда повторял: «Самое опасное для народов Туркестана – это отсутствие единства. Мы очень слабы. Согласие и мир нам необходимы для построения конфедеративного государства по примеру Швейцарии. Наши внутренние раздоры могут когда-нибудь разгореться. И тогда наши сильные соседи не преминут воспользоваться этим. Политика России – «Разделяй и властвуй». И те, кто думает о завтрашнем дне Империи, будут только рады. Совсем не обязательно иметь 5 республик в Туркестане. Мы все – одна нация, у нас одна религия, один язык, отличающийся лишь диалектами. Мы должны с одинаковым уважением относиться ко всем им.

И с позиции государства нет различия в народах. С Россией мы должны жить в мире и дружбе. Это диктует сама география... Нет плохих народов, есть среди них отдельные плохие люди. И уровень гуманности страны зависит от того, насколько гуманны населяющие ее граждане».

Он был принципиально против власти Советов, и вместе с тем верил, что такое жесткое правление способно в корне изменить старый режим. Ведь сумели же они избавить женщин от рабства, сняв с их лиц паранджу.

Он мечтал об избавлении Туркестана от власти большевиков, и особенно страстно в последние годы жизни. «Если бы по воле Аллаха удалось добиться независимости, я бы занялся пропагандистской работой. Молодые были бы в правительстве, я бы занялся написанием прекрасных книг по истории своего и других народов. Это необходимо для взаимного познания, взаимопонимания. И тогда открылся бы путь к федерации. Для достижения этой цели нужна работа в государственном масштабе. Надо отказаться от войны и уметь предупреждать ее. На земле хватит места всем», – мечтал он.

Он с отвращением воспринимал политические интриги и подхалимство. Он не был врагом ни одной нации. В одной из своих статей он употребил слово «рязанские мужики». Когда я сказала, что это выражение антипатии к русской нации, он мне ответил: «Я выступаю не против народа, а веду идеологическую борьбу с правителями. И надо уметь различать эти понятия. Порой бывает необходимо заняться и политической демагогией. Если я когда-нибудь превращусь в сепаратиста, то в этом будут виновны сами русские. Туркестан лишь на бумаге является федеративной республикой. Случись какое новшество в социальной или экономической области, со стороны Москвы сразу же последует противодействие. Меня заботит не только сегодняшний день. Знаю, что мы слабы. Хотел бы, чтобы отношения между нами нормализовались. Мое оружие – Слово. К тому же наше географическое положение само по себе требует мирного сосуществования с соседями, – говорил он.

МУСТАФА ЧОКАЙ – ПОЛИТИК

Политики бывают двух видов: политики войны и политики мира. Мустафа был сторонником мирной политики. Его политическая вера основывалась на братстве народов в рамках федерации. Он мечтал о построении государства по примеру Швейцарии...

...В своих трудах Мустафа Чокай писал о своей мечте – единстве народов Туркестана. Он понимал, насколько трудно-достижима эта цель. Достичь ее будет еще труднее сейчас, когда политика Советов, опирающаяся на принцип «Разделяй и властвуй», крепнет и находит все больше своих сторонников. «Нет плохих народов в стране, есть отдельные плохие люди». Мустафа не уставал повторять эти слова. Он открыто высказывал свое неприятие диктатуры Советов. Особенно резко он выступал против политики в отношении Туркестана. Вместе с тем Мустафа Чокай не скрывал, что есть и некоторая польза для Туркестана от советского руководства.

Разумеется, такая ситуация была создана не из любви к местному населению, а в целях его колонизации: поначалу использовались мирные средства, затем постепенно они уступали место военным. Мустафа Чокай часто говорил, что империализм при царе – детские игрушки по сравнению с империализмом коммунистов. Цель русской политики – завоевать Туркестан и через Памир выйти к Индии и Ирану. Русские археологи проводят широкомасштабную работу по раскопкам. История Туркестана пополняется новыми сведениями, открываются новые музеи и библиотеки. И все это делали русские.

Мустафа Чокай хотел, чтобы эту работу возглавляли не русские, а сами туркестанцы: узбеки, казахи, туркмены и таджики. Он вел пропаганду против коварства русских, особо акцентируя в своих трудах необходимость участия в государственной работе представителей местных народов.

Пропагандистская работа в «Яш Туркестане» начала давать свои плоды: завязался горячий спор между «Яш Туркестаном» и газетами «Енбекши Казах» и «Кызыл Озбекстан». В советских изданиях давали волю грубостям. Но Чокай не был в обиде. Напротив, он полагал, что «желание, наверняка, сбудется, ведь мои слова возымели действие. Судя по их сердитым ответам, я взял

правильный курс». В политической деятельности он прилагал все силы к тому, чтобы добиться социальных реформ. Свои мысли он излагал в статьях, подвергая критике советское правительство. Очень сожалел, что местное население не участвует в строительстве собственного государства, что нет высококвалифицированных военных кадров из числа местного населения. Все руководящие посты высшего и среднего звена были заняты русскими переселенцами из Центральной России. Вся железнодорожная сеть была под руководством русских. Почта, телеграф, милиция, школы и банки тоже возглавлялись русскими. Суверенная республика существовала лишь на бумаге.

Мустафа Чокай, зная, что русские не жаловали ни образ жизни кочевников, ни их нравы, считал, что было бы лучше приобщить их к оседлости, а также к занятиям торговлей и искусством. Для этого он полагал необходимым открыть школы по коммерции и искусству для подготовки собственных кадров Туркестана, а для их обучения приглашать профессоров из-за рубежа. «Если мы не будем учиться сейчас, то никогда не сможем стать независимыми. Никто со стороны не принесет нам независимость. Мы сами должны постепенно брать в руки руководство государственными органами и управлять сами своим государством», – говорил он. До переворота Мустафа Чокай считал русских, проживающих в Туркестане, туркестанцами, а тех, кто прибыл после переворота, считал пришлыми, но если они желали работать в пользу нашего государства, то считал возможным предоставить им широкий выбор рабочих мест. Им предлагалось признать Туркестанское государство. Однако каждый волен принять или же не принимать это предложение. Но при неприятии их имущество подлежало конфискации. Поступая таким образом, мы приобщаемся к международным законам, действующим в других странах.

«Ты сам говорил, что русские никогда не предоставят независимость Туркестану. А если так, то все сказанное может оказаться лишь мечтой», – заметила я. А он мне: «Да, это так. Но ничто не вечно. В России тоже могут произойти изменения. Мы не можем далеко уйти от соседей. Поэтому, хотим мы того или нет, мы должны жить в дружбе с Россией. Мы должны изменить только одно – добиться независимости нашего государства». Вот так он ответил мне.

ПЕРЕВОРОТ 1917 ГОДА В ТАШКЕНТЕ

С фронта стали прибывать никому неведомые агитаторы и организовывать митинги. Они ходили по домам, приглашали тех, кто был на услужении у хозяев. В то время в Ташкенте, кроме военных и железнодорожников, других представителей пролетариата не было. Моя пожилая кухарка сказала, что весь трудовой народ идет на «митинка» послушать, и спросила, кто же это. (Вместо «митинг» она по незнанию говорила «митинка»). А молодая служанка, жена солдата, от страха заявила: «Мне это ни к чему. Если муж узнает, будет ругать, может даже побить. Он очень строг». Однажды я и кухарка Ивановна решили все же сходить на митинг. На проспекте Койлык у высокого здания была сооружена сцена, на которую один за другим выходили ораторы. Ивановна называла их «ураторами». Все они были ораторы, один хлеще другого. Перекрывая друг друга, они призывали уничтожать буржуев, «отбирать у них все». «Хватит того, что они до сих пор пили кровь народа», – кричали они. Я себя не причисляла к буржуям. Муж был служащим, жили мы на его зарплату. Мы даже не знали, что такое «пить кровь народа». Нашей домработнице Ивановне мы исправно платили жалованье, она состояла у нас на службе 12 лет. Услышав, что надо уничтожать семьи, где есть работники, она плюнула и заявила, что больше никогда не пойдет на митинги. Кухарка решила поскорее уехать к себе в деревню. В городе стала сказываться нехватка продовольствия. Стояла осень. Хлеб в Туркестан поступал из Оренбурга. В связи с переворотом поезда стали ходить очень плохо. Ссылаясь на нехватку вагонов и неполадки на железных дорогах, поставщики зерна отказались направлять поезда в Туркестан. На деле же они боялись местного населения, которое, по слухам, якобы объявило русским «газават», т.е. священную войну. В Туркестане, и особенно в Ташкенте, в то время было очень много военнопленных: австрийцев, венгров, чехов. Немцев было мало. Австрийцы пользовались некоторой свободой, работали поварами, столярами, давали уроки музыки и языка. Чехи тоже занимались этим. По слухам, венгры, а отчасти и турки, собирались служить в узбекской армии.

Русские стали подумывать об отъезде из Туркестана. Однако купить билеты на поезда в Оренбург и Красноводск было

невозможно, да и ходили они теперь очень редко. В обычное, спокойное время поезда в Оренбург и Красноводск ходили 3 раза в сутки туда и обратно. Теперь же курсировали лишь два состава: один пассажирский и один грузовой. Пассажиров стало уже гораздо больше. Поэтому приходилось стоять в очередях, чтобы заранее купить билеты. Зная все это, я пыталась объяснить все мужу. Мы с ним долго спорили и вконец рассорились. Я решила ехать в Москву, поскольку в Ташкенте своего театра не было, а я готовилась стать оперной певицей.

Однажды к нам в дом пришли двое военных, они осмотрели все в квартире, составили опись того, что по их мнению подлежало конфискации, и ушли. Надо признать, что они были вежливы с нами и учтивы. Я окончательно утвердилась в своем решении ехать в Москву.

Стоял сентябрь. Знакомые были не те, что прежде. Изменились. Нет и следов прежней дружбы. В городе появилось много новых, незнакомых людей. Кто они? Откуда? Загадка. Но в городе все было как раньше. Пошли слухи о том, что в Ашхабаде бастуют железнодорожники, но никто не знал, за что и против кого они выступают. Местное население стало скупать восковые свечи, полагая, что зимой их найти будет трудно. Те, у кого были деньги, стали закупать все впрок. Безденежные пребывали в сложной ситуации. Среди местного населения у меня было немало хороших знакомых и друзей. У них стала справляться о мусульманах. Они же тоже ничего о них не знали. Местные газеты я не читала, а достать московские не могла. Однажды до нас дошел слух, что ферганские узбеки готовятся воевать против русских. Были и те, кто покидал Фергану. Мне нужны были деньги на дорогу. У мужа были облигации военного займа на 30 тысяч рублей. Под предлогом, что не может их продать из-за происходивших событий, он мне ничего не дал. Я не поверила, что других денег у него нет. Вот из-за этого-то мы и поскандалили. Он сделал все специально, чтобы я не смогла никуда от него уехать. Тем временем поклонники театра в Ташкенте решили открыть театр. Городские власти поддержали эту идею, даже решили оказать материальную помощь. Я записалась в труппу и стала готовиться к выступлению. Поставили оперу «Лисистрата». Я заработала неплохо и деньгами, и продовольствием. Наши выступления проходили в помещении цирка «Зинзадзе», все 250 мест

заполнялись ежедневно. Все шло хорошо. Появились первые большевики, возглавляемые Колесовым. По ночам были слышны выстрелы, но никто не знал, кто и где стреляет. Выходить ночью из дома стало страшно. После моих успешных выступлений в опере я решила взять судьбу в свои руки и окончательно порвала с мужем. Переехала жить к своей подруге М.А.Белодедовой, муж которой был начальником ташкентского госпиталя. Они меня встретили радушно. Мужа ее арестовали в первые дни переворота. Мы жили вчетвером: моя подруга, две ее дочери 10 и 12-ти лет, и я. Квартира была маленькая. Мы все работали: девочки по хозяйству, я – в театре, а подруга преподавала французский. Зарплату стали выдавать частично продуктами. Хлеб с полок магазина исчез. Доставали мы его через знакомых в старом городе. Муки в продаже тоже не было. Я стала бояться, что могу умереть от голода. Хотелось поскорее уехать. Приехал один знакомый военврач. Он купил билет в Москву и предложил помочь мне достать еще один, если я надумаю тоже ехать. Я согласилась, не раздумывая. Был конец октября, самая прекрасная пора в Ташкенте. Не жарко, временами идет дождь, в городе нет пыли. Знакомый врач приобрел ружье для охоты и к нему около ста патронов. Боясь, что у него могут отобрать, он попросил меня спрятать ружье. Я так и поступила. Договорились о дне, когда он заберет его. Именно в назначенный день утром послышались орудийные залпы и выстрелы. Я вышла на улицу. Недалеко от гостиницы «Регина» на углу проспекта Кауфмана встретила группу кадетов и офицеров. Они перекрыли улицу и никого не пропускали. Петроградский проспект был в двух шагах, но и туда меня не пустили: «Назад!» «Проходите под стеной!» – раздавались возгласы военных. Мне удалось выбраться на какую-то тихую улицу. Двери в домах закрыты, на улице никого. Я направилась к Петроградскому проспекту. На другую сторону улицы перейти невозможно: кругом стрельба и пожары. Какой-то окровавленный человек в шинели зовет санитара и просит сделать перевязку. Я попыталась объяснить, что у меня нет ничего, но тут недалеко должен жить врач. Раненый потерял много крови и был бледен. Кругом снуют солдаты. Размахивая флагом, они делают знак отойти на другую сторону улицы. Тут подъезжает передвижной пункт Красного Креста и начинают подходить раненые. Так я стала сестрой милосердия и до конца войны в Ташкенте

пребывала ею. Знакомый врач научил меня перевязывать раны и делать уколы. Гражданская война в Ташкенте закончилась лишь в начале 1918 года. Отдельные районы города переходили то к красным, то к белым. Наш Красный Крест оказывал медицинскую помощь и тем, и другим. Милосердие не делает никаких различий. Раненые не являются врагами. Война в Ташкенте завершилась лишь тогда, когда большевики одержали победу в Москве и Петрограде. Восстановили сообщение с Оренбургом, и мой знакомый врач уехал в Москву. Я должна была покинуть Ташкент через несколько дней, взяв с собой его ружье с патронами и еще кое-какие вещи. Но мое пребывание в Ташкенте растянулось на четыре месяца. Тем временем у меня украли ружье. В Фергане и других регионах вновь вспыхнула гражданская война. Начался настоящий голод. Умирали массы людей, в особенности казахи, которых кормил их скот. Были страшные случаи людского мора. Это могут понять только те, кто это пережил и видел. Сытые потеряли человеческий облик, начисто лишились сострадания к умирающим. Смотреть на умирающих тяжко. Хочется скорей убежать. Одного милосердия мало, надо было дать им хоть что-то из еды. Питались черствым хлебом. Мы, русские, обменивали вещи на черствый хлеб. А бедным казахам, прибывавшим из степных мест, нечего было и обменивать. Долгий путь, усталость и голод делали свое дело: они падали прямо на улице и умирали. Все жили надеждой на новый урожай. В Туркестане собирали урожай дважды за лето. При раннем севе уже в апреле можно было собирать первый урожай. В Туркестане сеют мало. В основном выращивают хлопок и рис. Такова была экономическая политика. Основное внимание уделялось хлопку. Пшеницу привозили из Актюбинска. Ее было мало. Пшеницу сеяли только русские переселенцы, потому что русские мужики не умели сеять ни рис, ни хлопок.

То, что я пережила в период гражданской войны в Ташкенте, полностью перевернуло мой духовный мир. Раньше я была тихой, кроткой, теперь стала часто выходить из себя, сердиться. После развода с мужем мои прежние друзья перестали знаться со мной. Меня, откровенно говоря, это не очень-то и огорчило. Я была молода. Прожив с мужем 10 лет, мы сумели расстаться с ним друзьями. Но наши чувства друг к другу остыли. Муж понимал, что разница в возрасте тоже сказывалась на наших от-

ношениях. Мне было 30, а ему 52 года. И все же он надеялся, что я когда-нибудь устану от жизни в театре и вернусь к нему. Когда я уходила, он сказал: «Когда тебе надоест сцена, постучись и я открою дверь». Я поблагодарила его и ответила, что этого не будет.

Я и вправду никогда больше не скучала по нему. Женщина, у которой я снимала комнату, тоже жила трудно. Муж был убит во время гражданской войны в Ташкенте. Из Ашхабада приехала ее мать, и ей не понравилось мое присутствие в доме. Видимо, полагала, что я объедаю их. На деле же я зарабатывала больше их и делилась с ними. Я никогда не любила быть лишним ртом для друзей и знакомых, решила сразу же уйти от них. Такой уж у меня был характер. Да и сейчас он такой. Это не высокомерие, а уверенность в себе. Я была в состоянии прокормить себя, поэтому для меня было лучше уйти. Сделала все, чтобы получить разрешение на выезд из Ташкента, купила билет 2-го класса в международном вагоне. Оставалось только, дождавшись разрешения, выехать первым же поездом в Оренбург. Был март. Надо было подумать и о летней одежде. Когда я уходила от мужа, ничего из вещей не взяла, ушла в том, в чем была. Позвонила мужу, сказала, что хочу забрать вещи, но не хочу приходить тогда, когда он дома. Муж мой любил играть в карты. Тогда о бридже не знали, а играли в винт, собираясь вечерами в клубе. Договорились, что приду вечером.

Незадолго до этого скончалась кухарка Ивановна (бедная женщина умерла от отравления водкой). Другая служанка, по имени Пелагея, уехала к себе в деревню. В последние дни на квартире у моего мужа жил курьер прокуратуры, теперь всю работу по дому выполнял он. Он разбирал паркет, чтобы топить печь. Муж велел мне зайти в дом не через главный вход, а со стороны сада, через кухню. Я захотела узнать причину. Прошло уже два месяца, как я оставила его, и теперь я с интересом входила в свой прежний дом. Все мне казалось чужим. Прежде хозяйкой здесь была я, создавала уют, сажала цветы. Теперь от всего веяло холодом. Долго думала, зайти или нет. Даже голова заболела. Заходить в оставленное мной три месяца назад жилище было странно. Я просила свою подругу Марусю пойти вместе со мной. Маруся же решила послать вместо себя старшую дочь Лиду. Я не согласилась, обиделась на подругу за то, что она не понимала и меня, ни мое состояние. «А чего мне бояться? И сопровож-

дающие мне тоже не нужны», — подумала я. В дни переворота собственными глазами видела и смерть. Все эти мысли пронеслись у меня в голове. Вообще-то Маруся была умной, воспитанной женщиной, старше меня на 6 лет. Потому и житейского опыта у нее было побольше. При всем этом она меня не поняла, что меня крайне удивило.

В один из мартовских дней я пришла домой. Мы жили в доме № 1 по Петроградскому проспекту, который принадлежал генералу Еникееву. Сам он был казанским татарином, женат был на узбечке. Очень культурная семья. С меня они денег не брали. У них я познакомилась со многими представителями мусульманской интеллигенции. Часто они бывали и у нас. Хотела под благовидным предлогом заглянуть к ним и сказать, что иду в свой прежний дом. На мой стук никто не ответил. С наступлением темноты люди никому дверь не открывали. Было около восьми, не так уж поздно. Из экономии свет на улицах включали поздно. Решила войти в дом со стороны сада и подошла к веранде. Увидела свет. За занавесками различила фигуры. Это меня напугало, но я все равно постучала. Потух свет и мужской голос спросил: «Кто там?» Я молчала. Открыли дверь. На пороге стояли два знакомых узбека из старой части города. Я спросила, что они тут делают. В этой время из гостиной вышел Мустафа Чокай: «Мария Яковлевна, очень рад видеть вас. Я десять дней ищу ваш адрес. Никто его не знает». Для меня эта встреча была словно гром среди ясного неба.

В Коканде было установлено мусульманское правительство и я слышала, что Мустафа Чокай и другие члены этого правительства были убиты. Увидев его сейчас, да к тому в моем бывшем доме, и узнав, что он разыскивал меня, я не могла долго поверить ни глазам, ни ушам.

Я спросила: «А зачем вы меня искали? И что вы здесь делаете?» Чокай ответил: «Сейчас не время об этом говорить. Я скрываюсь. Выхожу на улицу ночью, чтобы подышать свежим воздухом. А это моя охрана», — показал он на узбека, — «но он не говорит по-русски». Я растерялась и забыла, зачем пришла.

Мустафу Чокая я знала с 1916 года. Тогда он был студентом Петербургского университета, я с ним познакомилась у генерала Еникеева.

В 1916 году вспыхнуло восстание против мобилизации туркестанцев. После подавления восстания в Туркестан из

Петербурга прибыла комиссия, возглавляемая А.Ф.Керенским и сенатором Тевкелевым. Мустафа Чокай был в ее составе переводчиком. Не раз приходил к нам домой и мы интересно проводили время вместе с его друзьями по гимназии. Дети Еникеева были с ним дружны: дочь Еникеева училась на курсах, а сын – в школе. Среди них самой старшей была я. Мне было 28, Мустафе – 26, Марии – 24, а ее сестре – 22. Мустафа очень увлекательно рассказывал о столичной жизни (тогда Петербург был столицей). Одет он был тоже по столичной моде, видно было, что он из интеллигентов. И к тому же был очень внимателен. С ним было очень интересно.

Я дала ему свой адрес. Он предупредил меня, что может прийти только в два часа ночи. «Я должна поговорить с хозяйкой дома М.А.Белодедовой и предупредить ее о вашем приходе. Если она разрешит, то передам это через Еникеевых», – сказала я. На самом деле Белодедова не была против. Она Мустафу не знала, но хотела с ним познакомиться. И все же было страшновато: ведь за Мустафой могли следить. Белодедова жила с матерью и детьми. Я объяснила ей, что речь не идет о каком-то любовном свидании, а необходимо поговорить о серьезном деле. Сказала также и о том, что он в течение 10 дней разыскивал меня.

Накануне ночью, когда должен был прийти Мустафа, мы узнали, что сторож дачи Белодедовой получил сильные ожоги на спине. Бедного сторожа схватили какие-то хулиганы и бросили в огонь. Сторож был жив, но все тело от шеи до пояса было обожжено. Он сильно мучился. Несчастный шел пешком 15 километров, чтобы добраться до Белодедовой и сообщить, что группа хулиганов обокрала дачу, забрала все хранившиеся там продукты. Сторож был казах, лет ему было около сорока. Мы не знали, как его лечить. Да и в аптеках невозможно было что-либо купить, не говоря об ожоговой мази и лекарствах для дезинфекции. От сторожа несло запахом паленой кожи, на ранах были черви. Я стала очищать раны от червей. Боль потихоньку утихала. Мустафа застал меня как раз за этим занятием. Увидев, что я делаю, он страшно поразился. Я сказала, что мне жаль человека и хочу ему хоть как-то помочь.

«Ну, хорошо. Оставим это. Расскажите мне о себе... Расскажите о себе, и почему вы меня искали?» – спросила я. Он стал говорить о себе, о народе. Ему необходимо было найти хотя бы

на время новое пристанище, так как он не мог более находиться на квартире у моего мужа. Он не хотел обращаться за помощью к местному населению, так как рано или поздно кто-то мог проговориться, попросил разрешения пожить у меня. Нужна была европейская одежда, да и неплохо было бы переправить его из Ташкента в другое место. Мы с Марусей взялись за дело. Одели Мустафу в военную форму, которую нашли в вещах моего знакомого военврача. К нашей радости она ему оказалась впору. Он вмиг превратился в военного и его было не узнать.

Нашли для него квартиру одного адвоката. Сам адвокат был на фронте, а его жена Екатерина Ивановна согласилась принять Мустафу. Она ничего не знала о нем, да и не стала меня расспрашивать. В то время на тех, кто жил в частных домах, правила об обязательной регистрации гостей не распространялись, тем более, что речь шла о кратковременном пребывании. Мустафа переехал к Екатерине Ивановне, а я привозила им из старого города продукты. Ташкент тогда делился на старый и новый: в новой части проживало около 75 тысяч жителей, а в старой – около 500 тысяч.

Екатерина Ивановна жила в старом Ташкенте, в тихом месте, при доме был небольшой сад. Все это было как нельзя кстати. Днем Мустафа гулял в саду. Время было весеннее. У меня на руках был один билет на Москву и разрешение на выезд из Ташкента. У Мустафы всего этого не было. Вдоль железной дороги на отрезке Оренбург-Самара шли кровопролитные бои. Поезда ходили плохо, приходилось ежедневно справляться о расписании.

Мы с Мустафой решили пожениться. Мы были разных религий: я – христианка, Мустафа – мусульманин. Мустафа стал настаивать на том, чтобы я приняла ислам. В один прекрасный день мы с ним поехали в старый город к имаму, который скрепил наш брачный союз. Свидетелями были два узбека. Это случилось 18 апреля 1918 года.

МАССОВЫЕ ВОЛНЕНИЯ

О своем решении вывезти Мустафу из Ташкента я не сказала никому, даже самому Мустафе. Задумала переодеть его и выехать вместе с ним в Москву в качестве сопровождающей тяже-

лораненого. О том, что я работала некоторое время сестрой милосердия, знали многие, в том числе и чиновники высокого ранга. Обратилась к начальнику железной дороги с просьбой выдать разрешение на вывоз из города раненого. Разрешение было выдано, и я легко смогла купить билет на поезд. Оставалось только дождаться поезда в Оренбург. Было это в пасхальные дни 1-го мая. Пришло сообщение о том, что Актюбинск взят большевиками. Актюбинск считался одним из важных железнодорожных станций, в особенности по части продовольствия. Жители Ташкента, прежде всего большевики, радовались. В то время было мало неверующих в бога. Поэтому Пасху праздновали все, делали блины, красили яйца. Водку достать было трудно, обходились самогоном. В общем, праздник был в разгаре. Мы решили выехать по возможности в первые дни пасхальных праздников. Мустафе объяснила, как надлежало ему себя вести. Он выполнял все беспрекословно. Поезд уходил в 1 час дня. За несколько минут до отхода поезда прибыли на вокзал, шла проверка билетов и разрешений на выезд. Наши документы были в порядке и бояться нам было нечего. Но если кому-нибудь пришло бы в голову внимательно всматриваться в наши лица, Мустафу могли узнать.

На документах фотографии в то время не приклеивались. А я выписала документы на одного покойного человека. При проверке пояснила, что сопровождаемый мной человек нуждается в срочной операции, которую здесь сделать не могут. Мустафа был перебинтован так, что видны были лишь нос и рот. День был жаркий. Мустафа едва выдерживал жару. К тому же боялся проверки. А она как назло затянулась надолго. Нервы были на пределе. В международном вагоне, где все места были на счету, проверка проходила быстро. В других вагонах народу было много. Поэтому к нашей радости наш международный вагон решено было проверять в последнюю очередь. Контролеры дошли, наконец, и до нашего вагона. Мы волновались. Но проверяющего кто-то отвлек разговорами и он по ошибке прошел мимо нашего купе. Так нам удалось избежать проверки и поезд тронулся.

Некоторые не верят в чудеса. Я верю, иначе как объяснить происшедшее? К тому же нам повезло во второй раз: мы оказались в двухместном купе. В 17 часов поезд тронулся. Долго не могли поверить, что мы в пути. Первая остановка поезда

должна была быть на станции Каргалы, но проехали без остановки. Ночью Мустафа попросил пить. Я сняла повязку, напоила, вновь перебинтовала. Так мы доехали до Акмечети.

Акмечеть – большой город. Там проживают в основном казахи, многие из которых знают Мустафу. Из Ташкента мы выехали почти без денег: на двоих 20 рублей. В обычное время этих денег хватило бы с лихвой, но в то смутное время был риск остаться без средств. Да и вещей практически у Мустафы не было, одна маленькая сумка. Зато у меня вещей было немало: так как я была артисткой, мне пришлось взять с собой реквизит. В надежде увидеть кого-нибудь из знакомых Мустафа в Акмечети стал во все глаза смотреть в окно. И первый, кого он увидел, оказался самым нужным человеком. Мустафа подозвал его и шепотом объяснил, что вынужден тайно выехать в Москву. Знакомый Мустафы был учителем, очень культурным и добропорядочным казахом. За какие-то считанные минуты он сумел найти ему 500 рублей и отдал Мустафе свое пальто. Мы не знали, сколько простоит поезд в Акмечети. Он шел без соблюдения какого-либо расписания. На каких-то станциях он стоял часами, иногда шел со скоростью черепахи. В Актюбинске поезд стоял долго. Дорога в направлении Оренбурга оказалась перекрытой из-за военных действий. Там скопилось уже несколько поездов. Пассажиры неделями жили на станции в ожидании выезда.

На станции было грязно, из-за антисанитарии среди проживавших на станции было немало больных. Мы решили покинуть вагон и найти пристанище в городе. В Актюбинске гостиниц не было, но мы вдруг наткнулись на нашу знакомую по имени Сиегель. Она вместе с родителями выехала несколько месяцев назад из Коканда, чтобы устроить больных родителей в одной из московских больниц. В ожидании открытия железнодорожного сообщения на Москву она устроилась работать учительницей в Актюбинской школе. Мы все обрадовались неожиданной встрече. Устроились жить вместе с ними в здании школы.

В старой России каникулы начинались с 1 Мая, школа пустовала И это было как нельзя кстати. Сиегель была богатой. Она сразу же сняла три комнаты в школе и заплатила за них. Сами они занимали две комнаты, а одна досталась нам. Кровати нет, спали на полу. Так мы прожили в Актюбинске 10 дней. Из Уральска дошли вести о приближении отряда Жлобы. Отряд

направлялся против армии генерала Дутова. Партизаны бесчинствовали: грабили и убивали местное население. Сиегель боялась и переживала за больных родителей. Они были не в состоянии ходить, а нанять лошадей тоже было невозможно. И мы были бессильны им помочь. Оставалось только молить бога о помощи. Мы простились с Сиегель и ее родителями. Решили ехать в Темир, расположенный в пяти километрах от станции. Нам казалось, что Жлоба до Темира не доберется. Темир представлял собой районный центр и проживало там около трех тысяч жителей. Управляющий районом хорошо знал Мустафу. Остановились у него. Встретил он нас радушно. Мустафа не стал говорить, что мы женаты. Представил меня как хорошую знакомую. Разместились в разных комнатах. Дом у наших хозяев был большой, двухэтажный. Моя комната была на втором этаже с окнами в сад. Под окном протекала речка.

Здесь мы провели три дня. На четвертый день словно из-под земли появились солдаты. Стали всех подряд арестовывать. Оказалось, что они из отряда Жлобы. В тюрьму загнали всех известных в райцентре людей. Мы ареста избежали, так как в их списках мы не значились. Управляющего районом тоже арестовали. Дома остались жена и дети. Тюремные камеры были переполнены. Тюрьма размещалась в здании районного управления. Огласили приказ сдать оружие всем, у кого оно есть. Надо было сообщить управляющему района вымышленное имя Мустафы. Иначе скажи он свое настоящее имя, нас ожидали бы крупные неприятности. Рядом с тюрьмой была яма, где хранили лед для замораживания продуктов. Я подошла к этой яме и, словно напевая, попыталась обратить на себя внимание тех, кто был за решеткой. Кричу время от времени «Жанай, Жанай». Я видела нашего друга в окне. Он разговаривал с кем-то. Но меня он не видел. Стекол в окне нет, только решетка. Можно было бы подойти и поближе. Дверь на замке, сторожа поблизости нет. Всю ночь люди из отряда Жлобы обыскивали дома и забирали продукты у местного населения. Наутро они покинули райцентр. Людей из тюрьмы выпустили. Однако перед уходом жлобинцы предупредили, что вернутся, так как не успели взять все.

Мы были рады такому завершению событий. Мы с Мустафой решили поскорее убраться, пока не нагрянул еще кто-нибудь.

Среди заключенных в тюрьме Темира Мустафа встретил своего бывшего одноклассника Сережу Ковалевского. Решили пойти к нему. Ковалевский работал инженером в нефтяной компании Нобеля, расположенной на Эмбе. Жили они в Темире. Мустафа не видел его со времени окончания школы, потому не знал, что Ковалевский был женат и имел ребенка. Встрече оба обрадовались. Рано утром мы вышли в дорогу. Решили во что бы то ни стало добираться до Уральска.

В СТЕПИ

Тяжело ехать на телеге летом по степи. Когда пустились в путь, было раннее утро, даже звезды на небе не погасли. Утренний воздух пьянит. Кучер говорил с Мустафой только по-казахски. Я упивалась степным воздухом. Еще несколько недель назад я себя ощущала европейкой, теперь же я почувствовала себя частью востока. Мустафа сообщил, что первую остановку мы сделаем в ауле имама. Имам – это духовный глава у магометан. Мустафа объяснил мне, что я с ним не буду встречаться лицом к лицу. Мы в его аул пойдем пешком, и должна буду надеть на голову платок, облачиться в камзол как казахские женщины и прикрыть руки и ноги. По традиции казахские женщины носят на голове жаулык (большой платок из белого коленкора). У меня с собой не было ничего кроме простыни, что можно было бы завязать как платок. Решила сделать платок из этой простыни. На себя надела свою лисью шубу. Кроме нее, никакой другой верхней одежды не было. В аул имама прибыли к обеду. Жара. Арба остановилась за полкилометра от аула. Мустафа и кучер на коне, я следую за ними. При входе в аул нас громким лаем встретили собаки. На лай вышли люди. Встретили нас. Мустафа показал мне дом имама, а сам с людьми куда-то ушел. Я в нерешительности остановилась. В жару, одетая в лисью шубу, я чуть ли не задыхалась. Я была зла, но делать нечего, пришлось ждать. Казахские женщины не закрывают лица, мужчины их очень уважают, никогда не говорят между собой о женщинах. Встречаясь, они ведут речь о конях и гончих, но никогда не упоминают женщин. Вместе с тем, если жена хочет пригласить кого-нибудь в гости, муж не перечит. Потому что домом и хозяйством ведает

жена и она вправе отказаться готовить ему еду и может даже закрыть дверь перед его носом. Муж по этой причине подчиняется жене.

Мустафа все еще говорит с имамом, я на улице. Через некоторое время из дома вышли люди и я направилась к ним. Старалась делать все так, как сказал Мустафа. Девушки взяли меня под руки и завели в юрту. Они о чем-то говорили и смеялись, но я ничего не поняла. Зашла в юрту и с облегчением сняла свою шубу. В юрте были постелены ковры. Уютно. Я впервые видела казахскую юрту. Была поражена чистотой. Но мы ведь были не у кого-то из рядовых жителей, а у имама. Быт его, по правде говоря, был мало похож на быт кочевника. Девушки время от времени что-то говорят и улыбаются, показывая свои белые жемчужные зубы. Я тоже улыбнулась им. Так между нами возникла некая симпатия. Я попросила воды помыться с дороги. Показала все жестом. Мне принесли два чайника воды. В одном была холодная вода, в другом – горячая. Попросила их выйти. Умылась. Прошло немного времени. Мужа нет. Изнываю от одиночества. Увидела возле юрты на привязи верблюжат и телят. В городе я ничего кроме кошек и собак не видела. Телята стали вытягивать шеи в мою сторону. Меня это напугало. От неожиданности я вскрикнула, и они, испугавшись, отпрянули. Тут и муж подошел. Сказал, что пробудем здесь до утра. Скоро должны принести нам поесть. Сказал также, что нет оснований для беспокойства, все складывается хорошо, в юрту поставят кровать. «Полежи немного, отдохни», – добавил он и ушел. Я снова осталась одна. Никакого понятия о времени. Но судя по тому, что хотелось есть, поняла, что уже поздно. Казахи обычно перед едой подают чай. Пока гости пьют чай, успевают выбрать из стада какого-нибудь барашка. Показывают его гостю и, получив его одобрение, закалывают. В юрту внесли самовар и чайную посуду. Я предполагала, что за чаем соберется большая семья. Но соседи, узнав, что к имаму пришли гости, стали собираться в юрте. Мое присутствие, видимо, вызвало большой интерес: все поглядывали на меня. Мустафу посадили рядом с имамом. Я оказалась в окружении женщин. Встречавшие меня девушки оказались внучками имама. Они стали разливать чай. Как он был вкусен! Казахи, как англичане, пьют его со сливками. Вообще в степи чай очень любят.

Вскоре привели белого барашка. Сидевшие за столом гости ос-
мотрели его, потрогали. Я сначала подумала, что барашка
привели на продажу. Завязалась беседа. Говорил в основном
Мустафа; его слушали внимательно, не перебивая. Из юрты мы
вышли, когда солнце уже садилось. У юрты была расстелена
белая кошма, на ней белая скатерть и салфетки. Степной воздух
необычайно свеж по вечерам, его ни с чем не сравнить: аромат
трав, пение птиц и непередаваемое ощущение живности, символа
мира и покоя.

Гости после омовения рук приступили к намазу (молитве).
Затем мужчины направились к верблюдам, а женщины принялись
доить коров. Мустафа подозвал меня. Мы немного прогулялись.
Он сказал, что все остались довольны тем, как я была одета и
как вела себя. «До сих пор они были другого мнения о русских
женщинах. И хотя они несколько огорчились, что я не взял в
жены девушку своей национальности, все же с уважением отно-
сятся к тебе за то, что ты в короткий срок сумела узнать наши
обычаи и придерживаешься их. Благодаря этому я и прощен», –
сказал Мустафа. Он продолжил: «Я долго говорил с имамом о
своей жизни в Петербурге. Он очень умный человек. Трижды был
в Мекке, знаком с людьми из многих стран. Говорил и о мусуль-
манах из других стран. Пожелал нам счастья и не расставаться до
конца дней наших. Видишь, дорогая, наш союз находит поддерж-
ку и благословение самых влиятельных людей. Это же прекрасно!
Вот почему нас посадили за стол, покрытый новой скатертью, а
также на белую кошму».

Мы вернулись к застолью. Двое молодых казахов посреди
комнаты занимались борьбой. Болельщики горячо реагируют на
каждое движение, спорят, кто из них победит. Борьба закон-
чилась и все вернулись на свои места за столом. Я тоже села.
Справа от имама, рядом с Мустафой. Внесли чайник с теплой
водой и тазик для мытья рук. Каждому дали полотенце. На
огромном деревянном блюде внесли вареную баранину. Мустафа
взял баранью голову и отрезал уши. Затем голова перешла к
имаму и тот угостил каждого сидящего за столом. Остальное
мясо тоже нарезали на мелкие куски и смешали с вареным
тестом, и залили соусом из бульона с луком и перцем. Хозяин
дома обнес всех мясом. Каждый брал руками столько, сколько
хотел. В глубине юрты сидела полноватая казашка. Когда оче-

редь дошла до нее, она взяла мяса побольше. Завернула его в тесто и подала мне. Мясо было жирное. Казахи очень любят жирное мясо. Я же не ем жирное мясо и не люблю вареную баранину. Я приняла мясо из рук женщины, но есть не смогла. Жестом объяснила, что плохо себя чувствую, болит голова. Принесли бульон, кумыс. Кумыс оказался крепким напитком. После выпитого бульона и кумыса захотелось спать. Мне принесли подушку и одеяльце и разрешили прикорнуть. Муж даже не взглянул на меня, словно я была для него чужая. В степи темнота наступает очень поздно. Чувствовала себя необычайно счастливой. Казалось, что именно здесь в степи я испытываю самые блаженные моменты в своей жизни. Наверно я это запомню на всю жизнь. В полудреме я слышала голоса мужчин, но не понимала о чем они говорили. Оказалось, что в это время начинался айтыс. Об этом мне позже сказал Мустафа. Айтыс – это песенное состязание мужчин в импровизации. Внучка имама Кольгуль оказалась не только смекалистой и умной девушкой, но и поэтессой. Ее мать тоже, как мне объяснили, не знала равных в чтении дастанов. На празднествах казахи непременно устраивают песенные состязания, а тематика импровизации всегда связана с поводом торжества. В тот вечер песни слагались в нашу честь. Сколько бы ни длилось состязание, пусть даже несколько дней, его нельзя прерывать. Кольгуль оказалась победительницей. «Она много песен посвятила тебе», – пояснил Мустафа. Мы с Мустафой расстались далеко за полночь. Это был незабываемый вечер. Мы с ним долго говорили. Мустафа рассказывал о пережитом, был необычайно счастлив. По казахской традиции в обществе малознакомых людей не принято шутить и даже разговаривать с женой.

Мы вошли в юрту. Мустафа сразу же уснул, а я же не сомкнула глаз до утра. Всю ночь слышала как, шурша, жевали что-то телята и верблюжата.

Рано утром собрались в дорогу. Люди из окружения имама подготовили нам еду и питье в дорогу и проводили нас. Мы прибыли в аул Кызылкурт. Население смешанное: казахи и татары. Летом в этом ауле проходит ярмарка. Казахи привозят на продажу шерсть и шкуры. В Кызылкурте жил друг Мустафы Халел Досмухамед. Остановились у него. Надо было вернуть телегу и лошадь в Темир. По дороге в Кызылкурт мы проезжали местечко

под названием Ойыл. Ойыл – название речки, которая там протекает. Впечатление от местности тяжелое: пыльные бури, очень много мух и слепней, от которых страдали больше всего кони. Никогда в жизни я больше не видела такого роя мух и слепней. Мне казалось, что Аллах собрал здесь всех этих летающих насекомых. В водах речки Ойыл казахи моют шерсть и сушат шкуры на берегу. Видимо поэтому так много мошкары. Я стала умолять Мустафу скорей покинуть это злосчастное место. Что мы только не делали, чтобы отогнать мошкару, но даже дым не спасал нас.

Добрались до дома Досмухамеда. Одно название, что он врач, никакой чистоты в доме. И хотя он от души просил нас остаться, мы постарались поскорей унести ноги. Арба наша была старенькой, купили где-то подстилку и решили продолжить наш путь. Надо было оставить арбу в ближайшем месте и искать другое средство передвижения. Наше путешествие по степи было в какой-то мере нашим свадебным путешествием. Забыли о большевиках, о бушующей кругом гражданской войне, об опасности, которая может свалится на голову в любую минуту. Мы были молоды и хотелось жить лучшими мгновениями жизни. По мере того как мы приближались к русским поселениям, стали ощущать, насколько жизнь в аулах тяжела: видели, как безденежье заставляло людей заниматься обменом. Все чаще к нам стали обращаться с просьбами дать чай, сахар, нитки, иголки и прочее. Но у нас всего этого не было.

РОСПУСК СЪЕЗДА В ЕКАТЕРИНБУРГЕ 19 НОЯБРЯ 1918 ГОДА

Один из холодных ноябрьских вечеров. Завтра 20-ое число. Мой муж Мустафа Чокай был делегирован на туркестанский съезд. На него были также делегированы Ильяс Алкин – от казанского округа, Юсуф Минар (не знаю от какого округа). Вадим Чайкин тоже должен был участвовать в работе съезда от украинцев. Все они должны были поехать в Америку на встречу с президентом Уилсоном. С ними ехать собралась и я. Все документы подготовлены, ждали только билеты в купейных вагонах поезда. Было около пяти вечера. Ждали тех, кто должен

был ехать с нами. Вдруг мы услышали взрыв. Мы жили несколько подальше от гостиницы, где размещались организаторы съезда и делегаты. Из тех, кто проживал в гостинице, знала только Чернова, Вольского, Владыкина и Вихристова. В нашей гостинице проживали Архангельский и его супруга. Мустафа сразу же выскочил на улицу, чтобы узнать где и почему произошел взрыв. В это время к нам в номер забежала горничная и сообщила, что взорвана бомба в гостинице, где должен был состоятся съезд и погибло несколько человек. На деле оказалось, что скончался один человек – делегат Моксунов. Вместе с Мустафой на место взрыва решила пойти и я.

Я приберегла для поездки в Америку 75 тысяч романовских денег в купюрах по 5,10 и 25 рублей. Носить их постоянно при себе было небезопасно. Поэтому часть денег решила спрятать в номере гостиницы. После некоторых раздумий решила спрятать их в туалете. Туалет в гостинице был настолько грязен, что вряд ли кто пошел бы им пользоваться.

Хотя мы жили в Екатеринбурге, окруженном лесами, гостиницу топить было нечем. В двадцатиградусный мороз вода в кранах замерзала и в канализации не было воды. Купить себе что-нибудь из теплых вещей не было возможности. Муж в лютый холод ходил в плаще. Из Ташкента мы уезжали весной и он не взял пальто. У меня была шуба из лисьего меха, которая мне теперь в Екатеринбурге очень пригодилась. Муж сильно мерз, но делать было нечего. Решили купить что-нибудь в Америке. Итак я спрятала часть денег в туалете, завернув их в потертую бумагу. Полагая, что очень скоро вернемся, вышли из гостиницы. Место взрыва уже было оцеплено военными. Чешские солдаты предупредили при входе: «Мы вас впустим, но обратно вы уже не выйдете. Будете арестованы». Мустафа, не раздумывая, согласился. Вошли в гостиницу. Окна и двери разбиты. На ступенях и лестничных площадках кровь. Гостиница считалась лучшей в Оренбурге, называлась она «Россия». Первый, кого мы встретили внутри, была секретарь Виктора Чернова, на которой он впоследствии женился. Она сообщила, что Чернов жив, находится в своем номере. Мы направились к нему. Чернов сидел на диване. Воротник был расстегнут, волосы взъерошены, лицо страшное. Будто подрался с кем-то. Вместо приветствия он прокричал: «Зачем вы пришли сюда? Это же безумие! Хотите все стать

пленниками адмирала Колчака? Мне об этом сказали по секрету чехи. Сейчас нам нужны люди на свободе. А вы из солидарности сами идете на смерть. От этого никому никакой пользы». Услышав его слова, я растерялась, на глаза навернулись слезы. Муж и Чернов бросились успокаивать меня. «Все не так страшно», – говорил Мустафа, а Чернов разразился тирадой: «Страшно или нет, в любом случае надо попытаться спастись. Колчак объявил себя диктатором. Устроил у нас обыск, обобрал до нитки. Никому не успели выдать зарплату. Положение сложное. Нас всех из Екатеринбурга увезут в Шадринск. Все это мне сказали чехи». Вольский стал настаивать на том, чтобы собрать всех и ознакомить с ситуацией. Организаторы съезда стали требовать зарплату и бумагу, что они не делегаты съезда. Среди них было несколько семей из Омска, но им не сообщили ни о захвате Колчаком Омска, ни об арестах, производимых людьми Колчака. Многие из тех, кто жили в гостинице, проголодались, время было позднее, на улице мороз, окна разбиты, в комнатах гулял ветер. Люди заходили из комнаты в комнату, чтобы узнать новости. Связь с Омском была прервана. И это угнетало. Голодные, замерзшие, мы ждали наступления утра 21 ноября. Утром пришлось вместо горячего чая пить холодную воду из крана. Всего нас вместе с организаторами съезда было 120 человек. Чернов изо всех сил старался связаться с Омском, но все усилия были напрасны. Люди от отчаяния стали грубить. Я тоже не разговаривала с мужем, да и говорить было не о чем. Так мы провели день. Вечером поступил по телефону приказ собрать вещи и прибыть на товарную станцию Екатеринбургского вокзала.

Нас вели под надзором двух военных, даже в санях они ни на шаг не отходили от нас. Военные говорили между собой на башкирском языке. Мой муж заговорил с ними, пояснил, что он из туркестанских мусульман. Сопровождавшие поинтересовались тем, кто мы и чем занимаемся. Мустафа спросил: «А что вы знаете о взрыве?» Оказалось, что башкиры два часа назад прибыли из Уфы, где шли бои с большевиками. В Екатеринбург были посланы для ареста большевиков, а нас до 10 часов надлежало доставить до товарной станции Екатеринбурга. «Теперь вы сами доберетесь до станции, а у нас свои дела», – сказали они на полпути к станции и скрылись. Мы вернулись в свою гостиницу. Мустафа сразу же пошел в туалетную комнату,

проверить на месте ли припрятанные деньги. Деньги были целы, но в комнате было перевернуто все, наши вещи валялись на полу, продукты были съедены подчистую. Горничная сообщила, что это дело рук военных. Делать нечего. А мы так надеялись поесть жареного гуся и блины, которые оставались в номере. Было семь часов вечера. До отъезда оставалось три часа. Мустафа ушел к Вадиму Чайкину, я стала собирать вещи. Нам предстояло ехать не в Америку, а на каторгу.

Позже мы с мужем часто вспоминали эти события и удивлялись, почему, имея деньги и билеты, мы не поехали во Владивосток или даже в Америку. почему нам не пришла такая мысль? Словно мы были в плену. Мы не стали ничего обсуждать, покорились судьбе. Военные нас отпустили восвояси, но мы почему-то покорно прибыли на товарную станцию Екатеринбурга. Даже взяли с собой больного Вадима Чайкина. Пока мы добирались до станции, наступила темнота. Люди на вокзале спали на полу. С трудом добрались до перрона. Люди рвались в вагоны, подминая друг друга. Нас толкали со всех сторон. В темноте отыскали-таки свой вагон. Мужчины зашли первыми и помогли женщинам. Я с трудом поднялась по ступенькам и пристроилась в углу купе. Наконец сели все. Два чеха стояли на страже. Поезд тронулся. В вагоне холодно. Я успела купить в дорогу хлеба и колбасы, но пить было нечего. Два дня провели в муках. Ильяс Алкин, Вадим Чайкин, Мустафа и я усталые и продрогшие укрылись шубой Вадима и грелись, прижавшись друг к другу. Лежали молча, но сон не шел. Так мы провели ночь. В вагоне кроме военных, стороживших нас, была женщина с двумя малыми детьми. Мерзли все. В вагоне была печь, но топить было нечем. Где бы я не была, я вожу с собой ноты. Решила ими растопить печь. Появилось хоть малое, но тепло. Другие тоже стали искать бумаги, солдаты нашли в углу вагона несколько кусков угля. Видимо, в этом вагоне перевозили уголь. Стали понемногу согреваться. Захотелось в туалет. Мужчинам и детям было проще. Мы, женщины, страдали больше всех. Поезд часто останавливался. Никто не знал, где мы. На рассвете поезд сделал остановку. Открыли наконец двери вагона, внесли дрова, сменили караульных. Теперь нас стали сторожить чехи. На поясе у них были гранаты и патроны. От них узнали, что поезд прибыл в Челябинск и остановка будет

долгой. Нам разрешили выйти. При свете дня увидели, что от угольной пыли наши лица были черны, как у кочегаров. Мы умирали от жажды, но не нашли ничего. Пришлось есть снег.

ТАЙНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПОД БУРКОЙ

Мустафа, Чайкин и Алкин организовали втроем совещание. Меня не позвали. Я растапливала печь, старалась поближе познакомиться с караульными. Чехи оказались неплохими людьми. Разговорились. От них узнала, что нас не будут задерживать в Челябинске. Ночью предполагалось доставить нас в Шадринск. Солдаты принесли чайник. Вскипятили воду, попили чай. Немного согрелись и взбодрились. Начали понемногу приходить в себя, разговаривать, шутить. На ночь все устроились, кто как мог. Я же укрылась буркой, войлочным плащом без рукавов. Эта прекрасная одежда кавказских пастухов – легкая и теплая. Под буркой я была как в палатке. Как хороша бурка в дороге! Ко мне подошел Чайкин и сказал, о том, что было решено на совещании. Мне надлежало отделиться от них. Иначе говоря, трое мужчин решили этой ночью бежать, а я должна была остаться в вагоне. Из 70 тысяч рублей, которые были у меня, они должны были взять 60 тысяч себе. О подробностях совещания мне ничего не сказали. Так будет лучше для меня, решили они.

Связь решено было держать через Тверитина, никаких записей, все держать в уме. Услышав все это, я вся задрожала. Мне было страшно оставаться одной в незнакомом городе. И все же молча согласилась на все. Деньги отдала Чайкину. Села рядом с мужем и заплакала. Меня никто не утешал, все сидели молча. Мустафа жал мне руку, поцеловал в голову, я чувствовала, как он переживает за меня. Он едва сдерживал слезы. Челябинск – это большая станция со множеством разъездов. Наш поезд остановился там надолго. Кругом было светло, горели фонари. Когда все уснули, трое мужчин сошли один за другим. Я ни с кем из них не попрощалась. Лишившись бурки, я закуталась в свою лисью шубу. Я глубоко переживала все случившееся, не зная, что меня ждет. В висках стучало, нервы были напряжены, я вздрагивала от малейшего шороха. Так наступило утро 24 нояб-

ря. Утром раздался топот. Кого-то звали. Я узнала голос Иосифа Соломоновича Минора: «Товарищ Чокаев, вы свободны, выходите. Остаетесь в Челябинске». Кто-то в штатском, увешанный оружием, ходил вдоль состава и кричал: «Выходите!» Я подошла к Минору и сказала, что мужчины мои ушли. «Тогда выходите сами и идите к станции», – скомандовал он. Так 24 ноября в Челябинске нас освободили из-под стражи рабочие железной дороги. На самом же деле наше освобождение было организовано Чайкиным, Алкиным и Мустафой при поддержке их единомышленников из числа башкиров и казахов. Все это стало известно позже, спустя несколько месяцев.

Нам тогда грозила смерть, ибо Колчак приказал Венгерскому организовать аресты, сослать большевиков в Шадринск, поезда пустить под откос и таким образом истребить всех. Венгерский исправно исполнял приказ.

После переворота, всех из временного правительства арестовали: в Омске 18-го ноября, а в Екатеринбурге – 19-го в 5 часов дня. 20-го в десять часов вечера нас посадили в поезд и в 2 часа дня 21-го привезли в Челябинск. Там мы пробыли до 19 вечера. 23-го утром в Уфе началось восстание железнодорожников. 24-го в полдень мы были уже на свободе. Так завершился первый этап.

ЕЩЕ ОДНА ИСТОРИЯ, ПРИКЛЮЧИВШАЯСЯ СО МНОЙ НА СВОБОДЕ

В ушах звучали слова Вадима Афанасьевича Чайкина, сказанные им мне шепотом под покровом бурки: «Мария Яковлевна, ваша судьба зависит от того, как вы будет действовать. Конечно, я не собираюсь вас учить тому, как надо вести себя в наше отсутствие. Во время переворота трудно что-либо предугадать. Вам есть где укрыться. Будем живы, дадим вам знать. Если умрем, то тоже об этом узнаете. Будьте здоровы».

И вот я на станции среди тех, кто получил свободу. Нам дали адреса, куда мы можем добраться пешком. Станция находилась довольно далеко от города. Извозчиков нет. Всех коней забрали на фронт. Взяла сумку, одеяло и подушку и пошла разыскивать пристанище по данному мне адресу. Добралась лишь к вечеру. Там

меня ждали, приняли как старых друзей, ни о чем не спрашивали, встречавшие мне показали мою комнату, сказали – когда и где можно поесть, и ушли. Оставшись одна, привела себя в порядок. Обнаружила чайник с теплой водой. Обрадовалась. Хозяева квартиры оказались людьми интеллигентными, душевными. Елена Семеновна Тверитина была врачом, а ее муж Николай Тверитин работал ранее в Коканде в городском экономическом кооперативе. Оказалось, что в 1916 году они прибыли на временное проживание в Челябинск, однако из-за переворота им пришлось задержаться на два года. Они не принадлежали ни к какой партии. Вадим Чайкин знал Тверитиных по работе в кооперативе, и передал мне их адрес. Квартира была невзрачная. До них в ней останавливались арбакешы (извозчики), перевозившие груз. Тверитин хранил здесь товары, предназначенные для переправки в Туркестан. Из-за военных действий дороги были перекрыты, а груз хранился здесь: было много бутылок с маслом, закупленных в Сибири. Бедный Тверитин был убит большевиками.

На кухне нашла записку от Мустафы: «Сокровище мое, прости меня. Я вынужден на время оставить тебя одну. Первый этап в Троицке у Яушевых. Действуй по инструкции. В Троицке получишь письмо, в котором будет обозначен маршрут. Целую. М.» Выше приписка от Чайкина: «До прихода моих людей оставайтесь у Т.» Подпись: «Ч».

Это была первая весточка от моих спутников, покинувших меня в ночь с 22-го на 23-ье. Я продолжала жить у Тверитиных. Сибирская зима стала давать о себе знать. Кругом замело снегом, выйти на улицу невозможно. Метет метель. Я заболела ангиной. Хозяйка дома лечила меня как могла. Мне становится то лучше, то хуже. 24 декабря прибыли два человека от Чайкина. Мустафа передал мне через них два пуховых платка и медвежью шубу. Сегодня вечером я выезжаю с ними в Троицк. Я еще больна, держится температура. «Мы не можем ждать, вы должны ехать с нами», – настаивали прибывшие. Стала прощаться с милой хозяйкой дома. Елена дала мне в дорогу лекарства. Меня одели так тепло, что мне было трудно даже двигаться. Люди Чайкина приехали верхом на конях. Тверитины дала сани. Постелили сено, усадили меня, и мы выехали в дорогу. Кто были эти люди, я до сих пор не знаю. Я легла позади саней, они сидели впереди и пе-

реговаривались, шутили. Время от времени на ухабах я вывалилась из саней. Кричать не могла из-за ангины. Обнаружив, что меня на санях нет, мои спутники возвращаются за мной. Держаться не могу: замерзли руки. Меня надо либо привязывать, либо крепко держать. Чтобы понять все это, надо знать сибирскую зиму и дороги. В дороге ангина совсем обострилась. Мои спутники дали мне водки. Доехали до строящейся железнодорожной станции по дороге в Троицк. Зашли к сторожу. У него тепло. Я согрелась, прошиб пот. На следующий день мне полегчало. Больше я ангиной не болела.

Я В ТРОИЦКЕ

25 декабря 1918 года, первый день Рождества, я встретила на станции. Мои спутники сказали, что мне предстоит теперь одной продолжить путь на поезде до Троицка. Сами они должны были покинуть меня. Опять осталась одна. Кругом незнакомые люди. Изо всех сил стараюсь не показывать своего страха. Узнала, что одного из сопровождавших звали Николай Иколас, второго Иван Иванович. Оба небритые, обросшие, один светловолосый, другой брюнет. Одеты они в теплые стеганые солдатские брюки, тулупы на овечьем меху, на ногах валенки, на голове шапки. В тот вечер, перед расставанием мы втроем играли в карты, поболтали, познакомились поближе.

Вечером они посадили меня в дрезину, на прощание расцеловались. Со мной рядом начальник станции. Дрезина не могла ехать быстро в такой мороз, так как на открытой платформе это опасно. Велено было доставить меня к купцу татарину по фамилии Яушев. В Троицке у Яушевых меня ждало письмо от Мустафы. На конверте его оренбургский адрес. По городу ходили слухи о том, что армия генерала Димова ослабла, что большевики успешно ведут бои, что многие присоединяются к армии Колчака в Сибири. Газет не было. Я поняла, что Яушевы не очень жалова-ли меня. С их невесткой Марией я была знакома еще в Ташкенте. Она была дочерью генерала Еникеева. Однажды она мне сказала, что свекор хотел бы, чтобы я уехала пораньше и что в связи с тревожной обстановкой они сами собирались покинуть Троицк. Я и без того хотела как можно скорее уехать, но я была одна и не могла

править лошадьми. А ехать надо было до Оренбурга. Мустафа в своем письме указал адрес своего бывшего одноклассника. Он в Троицке держал аптеку, но я не поняла, для чего Мустафа дал мне его адрес. Он знал, что татары не жаловали русских. То ли он забыл об этом, то ли намеренно это сделал, но для Яушевых я была нежданной христианской гостьей. (Мустафа – мусульманин. У Яушевых были дочери на выданье. Мустафа мог жениться на ком-нибудь из них, а он действительно был видным женихом. Поэтому Яушевым вполне могло не понравиться, что Мустафа женился на русской, к тому же еще и устроил ее у них).

Новый 1919 год я встретила у Яушевых на кухне вместе с их прислугой. Нисколько не жалею о тех днях. У Яушевых была прекрасная кухарка, австриячка, попавшая в плен. Она готовила чудесные торты, венский кекс. Кухарка ела больше, чем Яушевы. Мы все были молоды, веселы. Кухня была расположена в подвале, но была просторной. Рядом с кухней была кладовка. Хозяева в кухню не заходили, но это мало огорчало прислугу.

Новогодний стол был великолепен. Наутро я позвонила в аптеку, хотела купить аспирин. Аптекарь посоветовал мне вместо аспирина таблетки «Виши». Я знала о минеральной воде «Виши», но о том, что существуют таблетки, услышала впервые и попросила рассказать о них поподробнее. Аптекарь понял, что я приезжая. Аптекарь и его супруга пригласили меня к себе на чай. От них узнала, как и где можно нанять лошадей до Оренбурга. Они помогли найти мне попутчика до Орска, что на дороге в Оренбург. У аптекаря оставила кое-что из вещей, и 5 января вместе с одним купцом-татарином выехали из Троицка. Кони, красивые и сильные, быстро довезли нас до Орска. В Орске встретили группу беженцев и Оренбурга. «Вы что? – стали они упрекать меня. – Все покидают Оренбург, а вы хотите ехать туда!»

И действительно, кругом были беженцы. Кто пешком, кто на конях или верблюдах, покидали Оренбург. В Орске трудно было найти пристанище. Мой спутник решил переночевать в конюшне. Я была вынуждена последовать его примеру.

Я была в тупике. Постоянно думала теперь о том, как быть и что делать. Решила во что бы то ни стало ехать в Оренбург. Но найти спутника до Оренбурга невозможно. То ли мне остаться в Орске, то ли возвращаться в Троицк? На дворе зима, метель,

мороз. Одета тепло, замерзнуть не боюсь. Пешком идти не могу. Единственный способ – добираться на санях. Единственное, что было в моих силах, это молить всех святых о помощи.

Неожиданно услышала знакомый голос: «Разбудите пожалуйста ее!» Я вскочила. Передо мной был Николай Николаевич, один из двух моих спутников, сопровождавших меня до железнодорожной станции под Троицком. Я бросилась его обнимать: «Откуда вы? Как вы здесь оказались?», – забросала я его вопросами. «Немного терпения и я вам все объясню. Вот вам передали письмо. Как прочтете, уничтожьте. Лучше сжечь», – спокойно сказал он.

Письмо оказалось от Чайкина: «Мустафа уезжает на Кавказ. Путь его пролегает через степь, через знакомый вам аул. Первая остановка в ауле Жымпиты. Подпись – Досмухамедов». Я перечитала письмо, постаралась запомнить его и затем сожгла. Значит, Аллах услышал мои мольбы. Я поверила в силу всевышнего.

Орск был полон беженцев из Оренбурга. Среди них оказались знакомые, работавшие прежде с моим мужем в прокуратуре. Мы с моим первым мужем поженились в Оренбурге и до 1910, то есть до переезда в Туркестан, жили там. Мои знакомые были явно удивлены, увидев меня в Орске. Я рассказала им о разводе и о том, что вторично вышла замуж, что теперь мы с ним находимся в разлуке, и что я его разыскиваю. Рассказала также и историю с людьми Колчака, как они нас арестовали, как нам удалось спастись. Мой рассказ их потряс. Я им рассказывала это не потому, что хотела кому-то давать советы. Я никогда не занималась политикой и в ней ничего не смыслю. Не знала даже причин переворота.

До сих пор помню все, что сказал один из моих знакомых о трагедии в Екатеринбурге. Город был назван в честь царицы Екатерины, красивой и богатой женщины. В этом городе был убит царь. В гостинице «Россия» жили представители правительства России. Их уничтожил монархист Колчак. Петр Великий дал городу имя своей супруги Екатерины. Кто знал, что спустя 200 лет в этом городе будет уничтожена династия Романовых, что это будет сотворено теми, кто пришел к власти путем насилия? Коммунисты разогнали народный съезд в Петербурге, а монархисты изгнали их из Екатеринбурга.

Сидя в конюшне, мы долго говорили о судьбе России. Наутро надо было подготовить карту фронтов. Район Доссор в Уральской области, район Орска в Оренбургской, а также часть железных дорог были в руках большевиков. А мне нужно было избрать такой маршрут, чтобы не попасть ни к белым, ни к большевикам. Кое-кто посоветовал мне быть осторожной, ибо среди беженцев могли оказаться и белые, и красные. Я старалась ловить каждый звук, каждое движение. Я согласилась стать попутчицей одного человека, который вез из Орска соль, обменяв ее на масло. Он добирался до местности Акбулак, затем ему надо было ехать в Актобе. Хоть это было не совсем удобно для меня, я согласилась. На рассвете мы вышли в дорогу.

В Акбулаке мы наткнулись на красных. Еще вчера их там не было. Оказалось, что они послали людей разведать обстановку. Время было позднее. Вынуждены остаться на ночь. И мы, и кони нуждались в отдыхе. Мой спутник решил остановиться у знакомых. Зайдя в дом, увидели, что все больны сыпным тифом. Делать нечего. Вынуждены были заночевать там. Попросили у хозяев самовар. Боясь заразиться тифом, я устроилась в конюшне. У нас были замороженные пельмени. И в тот момент, когда мы принялись варить пельмени, к нам заявился пьяный солдат: «Предъявите документы! Откуда вы? И куда направляетесь?» Видя, что он пьян, мы не стали отвечать на его вопросы. Он стал требовать наши документы. У нас их не было. «В таком случае я должен вести вас к командиру», – настаивал он. Мой спутник предложил ему пельмени и пригласил выпить водки: «Давайте вместе перекусим. Мы будем здесь до утра. Командир никуда не денется. Сейчас не время его беспокоить. А к военным действиям мы никакого отношения не имеем». С трудом уговорили солдата. Поели, затем стали пить чай. Солдат смотрел на меня не отрываясь. Мне стало неловко. Он явно подозревал, что я агент белых. От страха поспешила удалиться. Он за мной. Но был так пьян, что не смог сделать ни шагу, упал. Мы его отволокли подальше и заперли. Он немного покричал и успокоился. Покормили коней и рано утром покинули Акбулак. Поехали в аул Шекуновка. Мой спутник был сильно напуган. Большевики могли отобрать коней. Чтобы спутать следы, пришлось изменить маршрут. Хорошо, что купец-татарин хорошо знал эти края. Не доезжая до Шекуновки, опять сменили

маршрут. Остановились в маленьком ауле у одного хорошего башкира. Женат он был на казашке. Башкир что-то сказал моему спутнику. Оказалось, что жена его была на сносях и вот-вот должна была родить. Башкир извинялся, что не может должным образом ухаживать за нами. Я решила пойти встретиться с его женой. Только перешагнула через порог, как услышала крик младенца. Родился мальчик. В комнате суетились женщины и старушки. Направилась в комнату роженицы и ребенка. Вдруг раздался звук, похожий на выстрел. Мне объяснили, что при рождении ребенка таким образом прогоняют злых духов. Мальчик оказался первенцем. Роженица была очень молода, одета невзрачно, в платье сшитом из наволочки. Младенца смазали бараньим жиром, завернули и уложили у печи. Назвали Темиром. Было 17 января 1919 года. Мы выпили на радостях, на закуску слепили пельмени. Хромой башкир был вне себя от счастья, он подбрасывал вверх тюбетейку, напевая какую-то мелодию.

От башкира мы узнали, что большевики были везде. Он посоветовал нам добраться в Доссор или же через Урал на Эмбу. Мой спутник татарин решил иначе. Сам остался, но отправил меня с башкиром. Кони и сани башкира были убогие, но иного выхода не было. Башкир согласился довезти меня до Шекуновки за 5 романовских рублей. В то время керенки еще не были в ходу. По прибытии на место назначения мне предстояло проститься с ним и остаться одной в незнакомом месте. Башкира знали многие, его везде узнавали. Но по-русски он говорил плохо, я же не говорила ни по-башкирски, ни по-татарски. Шекуновка была большой деревней, где жили украинские мужики, недостатка ни в еде, ни в самогоне не было. Мы прибыли как раз в момент гулянья. Башкир медленно ехал вдоль домов и остановился на самой окраине. Я зашла в несколько домов, но везде меня встречали малые дети. К кому бы не обращалась, матери были в церкви, а отцы на фронте. Поставить самовар некому. Остановились в крайнем доме и стали ждать возвращения хозяйки из церкви. У меня с собой кроме чая и сахара ничего не было. Обменяла чай и сахар на масло и мясо. Наконец прибыла хозяйка. Она была навеселе, от нее разило самогоном. Я ей сразу же не понравилась, не хотела ставить самовар. Башкир обращался ко мне «госпожа». И это тоже не понравилось хозяйке. Приняла она меня за врага. «Кто ты, признайся!

– пытала она меня. – Наверняка от белых». Я сказала, что я учительница из Покровки. И это было большой ошибкой, так как она знала учительницу из Покровки. Хозяйка рассердилась еще больше. Башкир подозвал меня и шепнул: «Скорей перекуси и уходим. Она донесет комиссару. Тот живет далеко отсюда и пока она доберется до него, нас здесь быть не должно». Так и поступили. Лошади немного передохнули. До наступления темноты успели уехать довольно далеко от деревни. Так я второй раз успела ускользнуть от большевиков. Башкир решил больше не останавливаться в русских деревнях, а держаться ближе к казахским аулам. Я была того же мнения. Однако казахские аулы были далеко разбросаны друг от друга. Пришлось долго ехать. И все же я сочла разумным ехать в Жампиты. Мой спутник предложил остаться в ближайшем ауле. Он оказался аулом зажиточного человека. Дом его был кирпичным, было несколько комнат, хорошо меблированы. Были даже железные кровати и венские стулья. Вообще казахи очень гостеприимны. Даже бедные стараются хорошо принять гостей. Но семья, у которой мы остановились, хоть и была богата, встретила нас не очень хорошо. Мой спутник долго говорил с хозяевами. Наконец нам разрешили провести одну ночь. О чем они говорили, я не знаю. У хозяина было две жены и много детей. Жены имели каждая свою спальню, где было множество одеял, ковров, резных деревянных сундуков, настененные часы. В деревянных сундуках казахи хранят чай, сахар, изюм, урюк, посуду.

Чай подали в комнате хозяина. Внесли большой самовар. На полу кошма, как принято у казахов, на ней расстелен ковер. На ковер расстелили скатерть, не совсем чистую. На подносе посуда и мелко колотый сахар. Была зима и молока не было. Казахи обычно пьют чай с молоком как англичане. За чаем расспрашивали обо мне, кто я и куда еду одна. У меня была фотография Мустафы. Показала ее хозяину и пояснила, что он должен быть в этих краях, а я его разыскиваю. Все с удивлением стали разглядывать фотографию, так как раньше они никогда не знали, что такое фотография.

Отношение хозяина ко мне резко изменилось. По-русски он не говорил, но долго беседовал о чем-то с моим спутником. Жены хозяина приняли меня как гостью, рассказали о себе. Старшая жена ведает хозяйством, все ключи от сундуков у нее. За скотом

ухаживает младшая жена. Старший сын ухаживает за конями и верблюдами. Его не было. У него своя семья. Пришел, когда мы собрались уезжать. Показал мне скотный двор, хозяйство. Я тогда впервые увидела сараи из снега. Стены из льда. Кизяк в сараях не убирается. На него настилается солома и скот спит на соломе. Весной все это выносится из сараев, сушится и используется как топливо. Некоторые греют даже самовары кизяком. Это очень ценное топливо в степи. Женщины мне оказали очень сердечный прием, но я мало что поняла из того, что они говорили. Объяснялись в основном жестами. Они гладили меня по голове и даже всплакнули, переживая за меня. Я разволновалась. Они хотели, чтобы я провели ночь в их комнатах. Мне это не очень понравилось, но пришлось смириться. Утром пришел старший сын. Сказал, что случайно узнал о том, что какие-то два человека поехали в сторону Уральска. Я была счастлива. Просила узнать, где они останавливались в дороге. Надеялась найти где-нибудь письмо или записку. Мне не терпелось добраться до Жампиты.

Новости в степи передаются быстрее чем по телеграфу. Все в курсе о том, кто где был, что видел. Сын хозяина слышал, что один из двоих был казах. Сам он их не видел. Я решила разыскать тех, кто видел в лицо двоих путников. Но где? Это все равно, что искать ветер в поле.

Сын с отцом о чем-то поговорили. Затем сын сообщил, что поедет с нами до одного аула. Я его ждала около двух часов. Затем я и башкир поехали в санях, а он – на коне. Добрались до местности Кызылкурт в 280 км от Жампиты. Кызылкурт считался почтовым пунктом. Почтовый служащий, поняв сразу, что нам нужны лошади, сообщил, что их у него нет. По-русски он не говорил и кроме слов «лошадей нет» не смог сказать ничего. Поэтому бесполезно было о чем-то еще толковать. Спросила у сына хозяина, почему меня привезли в этот аул. Он пояснил, что в этом ауле бывает проездом очень много людей и можно получить разные сведения о них. Я бросилась к почтовому служащему. Но он ничего не знал, так как временно замещал того, кто уехал ненадолго по делам. И было неизвестно, когда вернется сам ведающий делами почты. Надо было ждать его возвращения. В зимнее время смеркается очень быстро. Опять надо было искать где провести ночь. Мой спутник башкир согласился: «Подождем.

Может к вечеру прибудут еще путники». Некоторое время спустя залаяли собаки. Башкир припал ухом к земле, стараясь узнать откуда идет лай. Послышался конский топот. Смотрим по сторонам. Кругом белым бело. Вот показались сани. Залаяли собаки в ближайших домах. Сын хозяина куда-то ушел и мы были вдвоем с башкиром. Почтовый служащий вышел встретить путника. Башкир был трусоват. Я и то была смелее его. Вот только один недостаток — я не знала языка. Приезжий с удивлением посмотрел на нас и справился, по каким делам мы находились здесь. Он привез что-то в санях и было видно, что это он не хотел показывать нам. Он завел нас в дом и, взяв керосиновую лампу со сломанным стеклом, вышел. Башкир и я стали готовиться ко сну. В нашу комнату никто не входил. Прибывший вместе со своим работником долго не выходили из амбара. Мне показалось, что время остановилось. Тут стали готовить еду, варить мясо в казане. Говорили о какой-то убитой лошади. Готовили конину. Я не все поняла. Нас пригласили есть мясо, но я отказалась. Тогда я конину не ела. Это сейчас в Европе я привыкла к ней. Арбакеш плохо говорил по-русски. И все же я обратилась к нему: «А были ли путники на дороге?» Он тихо ответил, что несколько дней назад были двое. Один высокий – хромой, другой – казах. На ночь не останавливались. Судя по описанию, это могли быть Чайкин и Мустафа. Но я не поняла, почему они направились в Ойыл. Ойыл в стороне от дороги. Карты у меня на руках не было. Башкир меня в такую даль не повезет. Он ехал в поисках проса и еще чего-то. В Ойыле этого нет. Да и конь его слаб. Мы с ним договорились, что за 3 рубля он довезет до этого аула. Дальше он, конечно, не повезет. В кармане у него 8 романовских рублей, намерен сделать кое-какие покупки. Про себя злилась на того, кто привез меня к башкиру. Он меня перепоручил беднякам. Теперь я пребывала в полной растерянности, не зная, куда ехать.

Утром меня разбудили. Я спала крепким сном, так как всю ночь беспокоили мыши. Казахи летом собирают хворост и вместе с сухой травой часто приносят полевых мышей. Их оказалось в этом доме очень много. Людей они не боятся, а я их страшно боюсь и ненавижу. Мне сказали, что есть человек, который согласен довезти меня до дома Досмухамедова за 5 рублей. Я была знакома с братом Досмухамедова, который работал врачом в

Ойыле, а самого Досмухамедова – юриста я не знала. «Как же я поеду к незнакомым людям?», – удивилась я. Но новый арбакеш объяснил, что там я могу узнать последние новости, что жена Досмухамедова тоже русская и до них всего 20 км пути. Я согласилась. Ехать мы должны были на верблюде. Такого сюрприза я не ожидала. Попыталась сесть верхом на верблюда, но посмотрев как сижу, было решено запрячь сани. Верблюд, которого никогда не запрягали в сани, стал лягаться, плевать на нас. Потом притих. К вечеру добрались к дому Досмухамедова.

Досмухамедов был заместителем прокурора в коллегии адвокатов Иркутска. В первые же дни после переворота он перебрался к родителям в Уральск. И вот теперь я у них, говорю на чистейшем русском языке с его женой, которая на деле оказалась не русской, а иркутской якуткой. После окончания школы в Иркутске, училась в Москве на медицинских курсах. Познакомилась с будущим мужем, когда он учился на юридическом факультете, и поженились. Тогда детей у них не было. Человек, привезший меня к ним, оказался их работником. Он был наполовину татарин, наполовину казах. Он ездил в Ойыл за продуктами. Желая заработать 5 рублей, а также полагая, что жене хозяина будет интересно побыть с русской женщиной, он согласился взять меня с собой.

Тут еще помог случай с чаем. Чай – напиток бодрящий. Для русских он также необходим как баня, а казахи любят чай, находя, что он дает силу. Казахи готовы отдать все за хороший чай. У меня был чай и лекарства, купленные еще в Челябинске. И Тверитины дали мне две плитки чая. Такой чай очень практичен в дороге и очень помог мне сблизиться со многими в степи.

Братья Жанша и Халел *(Жанша и Халел принадлежали к разным родам: Жанша – Тана, Халел – Беріш – Б.С.)* Досмухамедовы жили в достатке. Они держали одногорбых верблюдов, коней. К ним прибыла в начале февраля. Метель. Много снега. К счастью, с моим приездом метель перестала бушевать. Сугробы были настолько глубокие, что их дом не был виден из-под снега. Домочадцы по очереди разгребали дом из-под снега. Я тоже решила помочь им по мере моих сил. Дали мне сломанную лопату. В перерывах пили выручающий меня всегда чай. Не знаю, что было бы не будь чая. Кто не видел метель в степи, тот и не представляет, что это такое. Досмухамедовы передали мне письмо от

Мустафы. В предыдущих письмах он никогда не указывал имен, а в этом письме он подробно описывал, что мне следует делать в ауле Уйшик Уральской области, куда направились Мустафа и Чайкин.

Я поблагодарила Аллаха за то, что я была на верном пути. Досмухамедовы решили помочь мне добраться до аула Уйшик. Сказать легко, но на деле было все сложно. Первую остановку по дороге в Уйшик следовало сделать в Миялы, затем – в Хандакуле у казаха Атабаева. За две недели, проведенные у Досмухамедовых, Ляйля и я стали очень близкими подругами. Ей было жаль расставаться со мной. Но мне надо было пораньше добраться до аула Уйшик. Оттуда, как указывалось в письме Мустафы, мне надлежало через лед Каспия перебраться в Кетик (форт Александровка) (*ныне форт Шевченко – Б.С.*). Досмухамедовы должны были, если не сами, то с помощью верного человека переправить меня в указанное место. То ли они не захотели, то ли действительно не могли, но они заявили, что не могут препроводить меня в Уйшик. Их работник, который привез меня к ним, украдкой сказал мне, что если ему и тому, кто будет сопровождать меня, я дам чай, то вопрос будет решен. Я конечно согласилась. Пришел молодой человек из рода адай. Адайский род живет на берегах Каспия и их главный город – Кетик. Он направлялся в Доссор. Там он намеревался купить керосин и обменять его потом на продукты. Решено было, что я с ним поеду в Доссор. Простилась с Досмухамедовыми, поблагодарила их за гостеприимство и оставила им немного чая и лекарств. Выехали на санях, запряженных верблюдом.

На пути в Доссор встретилась с двумя русскими. Один из них, как выяснилось, учился в школе с Мустафой. Звали его Сергей Спиридонов. Он был топографом. С ним была беременная жена. Второй тоже был с женой. Они из Оренбурга направлялись в Туркестан. Все были рады этой встрече. Они стали называть меня «ханшей».

«Вы – ханша, а мы – ваши поданные. Ведь если Мустафа станет правителем Туркестана, то его супруга должна стать ханшей, мы же – вашими защитниками», – говорили они. Конечно же, я понимала, что все это не более чем шутка. Сережа Спиридонов хорошо говорил по-узбекски, так как родился и вырос в Туркестане. Казахский несколько отличается от узбекского, и все же

казах и узбек хорошо понимают друг друга. В Каратобе Сережа объявил всем, что я ханша и что мне полагается дать хороших верблюдов. Верблюды, на которых прибыли Сергей и его спутники, выдохлись и не могли даже подняться с места. А наши верблюды были еще бодры и полны сил. Сергей хотел, чтобы я продолжила путь именно на них, однако хозяин поначалу воспротивился этому. Правда, затем, слыша, как Сережа, а вслед за ним и его спутники упорно называют меня ханшей, сам стал обращаться ко мне не иначе как «женге хан». Сережа настаивал, чтобы я вела себя как подобает ханше, однако никто из нас толком не знал, какой на самом деле должна быть она. Хозяин дома, где мы остановились, дал нам самовар, хотя до моего приезда он никому самовара не давал. Я приготовила чай. За чаем собрались все его родственники. Почти все они страдали болезнью глаз. Глаза гноились, причиняя им страдания. Я и мои спутники боялись заразиться трахомой.

Как я уже говорила, Елена С. Тверитина дала мне с собой лекарства. Я стала лечить всех: промывала больным глаза раствором перманганата калия. Из-за непогоды нам предстояло переждать здесь до утра. Утром пришли еще люди, желавшие подлечить глаза и попить чаю. Те, кто пришли накануне, уже могли открывать глаза, почувствовали облегчение. Некоторые казахи стали упрашивать меня задержаться и заняться их лечением. Они уже потеряли надежду на выздоровление. Привезли мне в подарок кто ягненка, кто козу, кто верблюжонка. Я обещала забрать их подарки на обратном пути и оставила все. Сейчас, наверное, они разрослись в стада.

Уезжая, я им оставила лекарства и объяснила, как пользоваться. Выехали в Доссор. Сережа добился своего: нам дали хороших верблюдов за определенную плату. Я расплатилась чаем.

В ПЛЕНУ ДОССОРА

Доссор – промышленный центр нефтяной компании Нобеля. Все знают нефтяное производство Эмба-Доссор на Каспие, которое применяло самые передовые по тем временам (1919 г.) технологии по добыче нефти. Доссор нас вверг в изумление: прекрасные проспекты, красивые каменные здания, садики у

дома, телефон, электричество. За три месяца мы привыкли к степи, к саманным домикам и, оказавшись в таком культурном центре, мы не могли поверить своим глазам. В Доссор мы прибыли примерно в 4 часа пополудни. Постучались в один дом, там нам сказали поговорить вначале с командиром. Командиром был есаул, возглавлявший уральских казаков. Мои спутники сказали, что у них при себе оружие и командир мог их изъять. А быть в дороге без оружия они не хотели. «До сих пор не было надобности в применении оружия, но вполне возможно, что впредь оно пригодится», – сказали они. Недолго думая, я предложила спрятать кое-что из оружия у себя и, открыв чемодан, спрятала его в подушку. Мужчины пошли говорить с командиром. Мы, три женщины, стали их ждать. через несколько минут они вернулись и уже вместе с нами направились к есаулу. Нам сообщили, что сегодня мы будем под арестом, а завтра утром нас препроводят в Уральск. А пока нам надлежало ждать, так как есаулу должны были позвонить к 7 часам. Это «пока» мне показалось вечностью. Моего арбакеша отослали, а меня заперли. Оказавшись среди незнакомых людей, мы предпочитали молчать. Лишь время от времени переглядывались между собой. Не знаю, почему, но я особо не переживала. Зато мои спутники не находили себе места. Наконец пришло время, и зазвонил телефон. Казачий солдат в соседней комнате говорил по телефону с кем-то из Гурьева. Затем он пришел к нам и спросил у меня фамилию. Я тогда продолжала жить под фамилией первого мужа и назвала ее. «Вас просят к телефону», – сказал казак. Я взяла трубку. На том конце провода спросили: «Госпожа Чокаева?». «Да», – подтвердила я. «Я – Толстов, хорошо знаю Чокаева. Ваш муж поехал в форт Александровск. С ним люди. Они на санях. Он оставил на почте письмо для вас. Вам его переслать или зачитать по телефону?» – продолжал незнакомец. Я разволновалась: «Зачитайте мне его завтра по телефону», – ответила я и передала трубку казаку. Не знаю, о чем они говорили, но затем отношение к нам смягчилось. Даже предложили всем нам помыться в бане.

Мы обрадовались. Баня была хороша. Пар был великолепен. Было все необходимое, словно мы находились у себя дома. Хозяин дома, тоже уральский казак, сказал нам, что мяса в доме нет, но есть рыба. Приготовили борщ с рыбой, блины и кашу. Радости нашей не было предела. Каких-то три часа назад мы были

Тбилиси. 5.05.1919.

Париж. 26.01.1937.

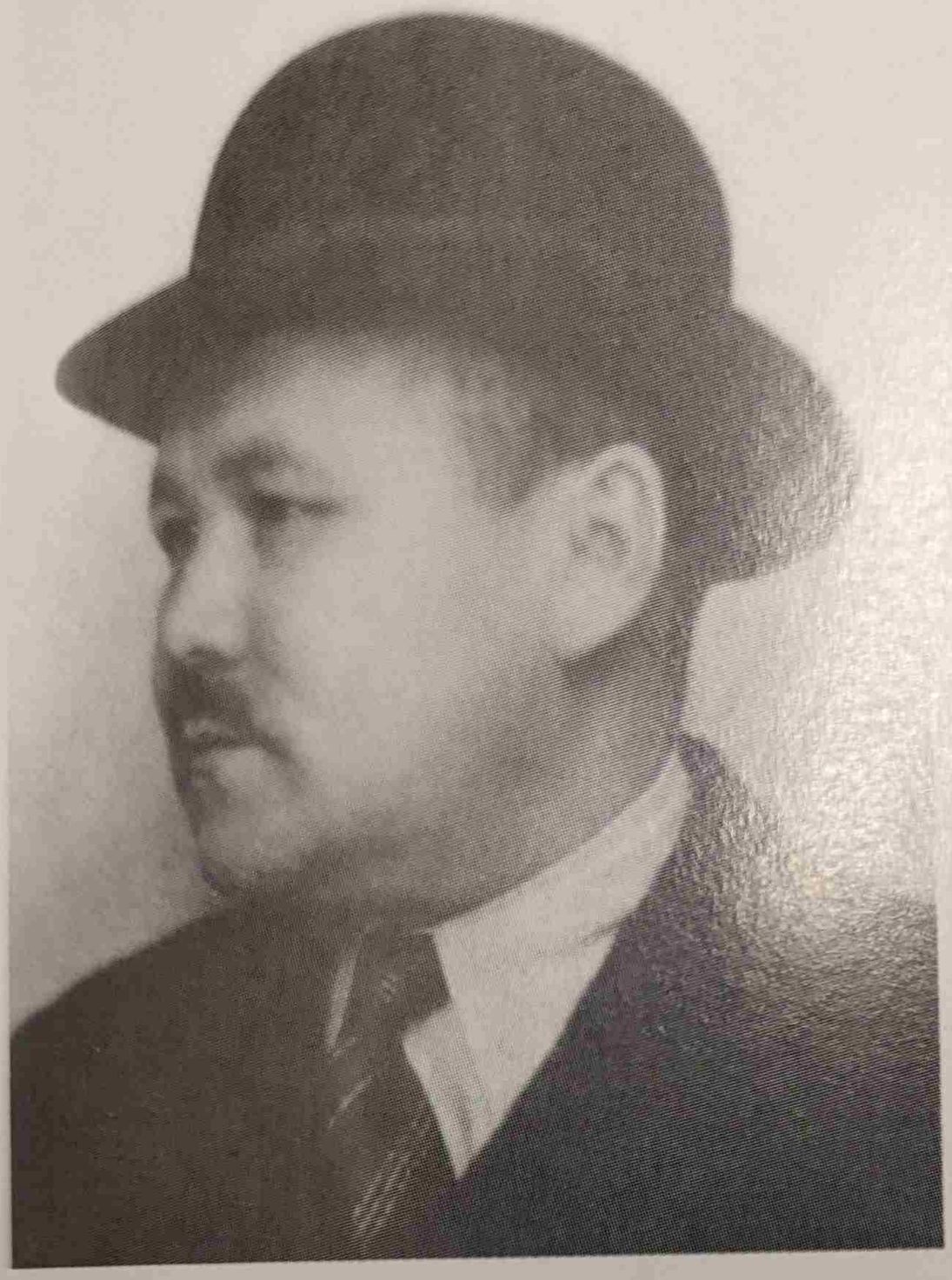
Париж. 1924.

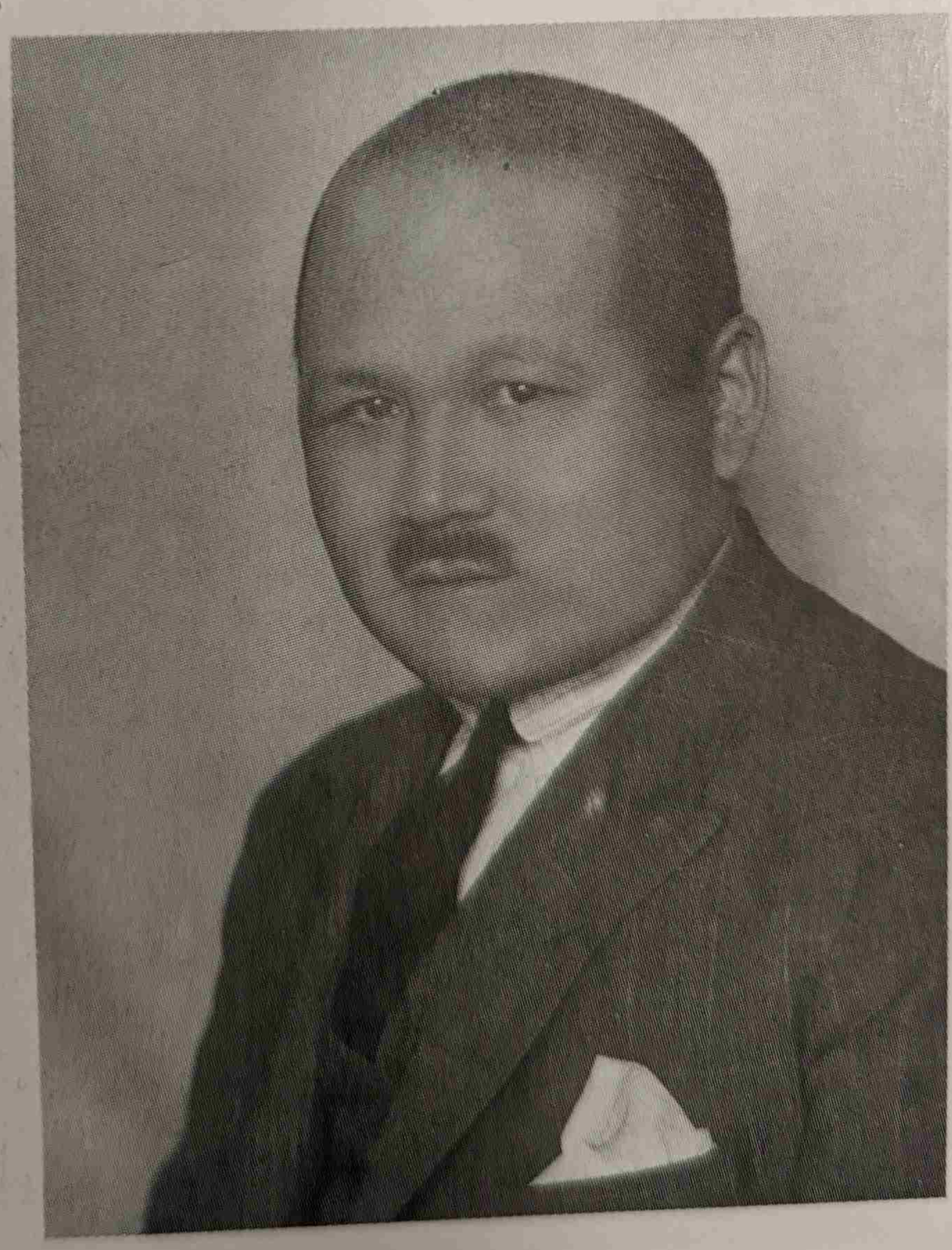
Я снята в 1922.

Стамбул. Кади-Кой. 8.05.1921.

Берлин. 1930.

1927.

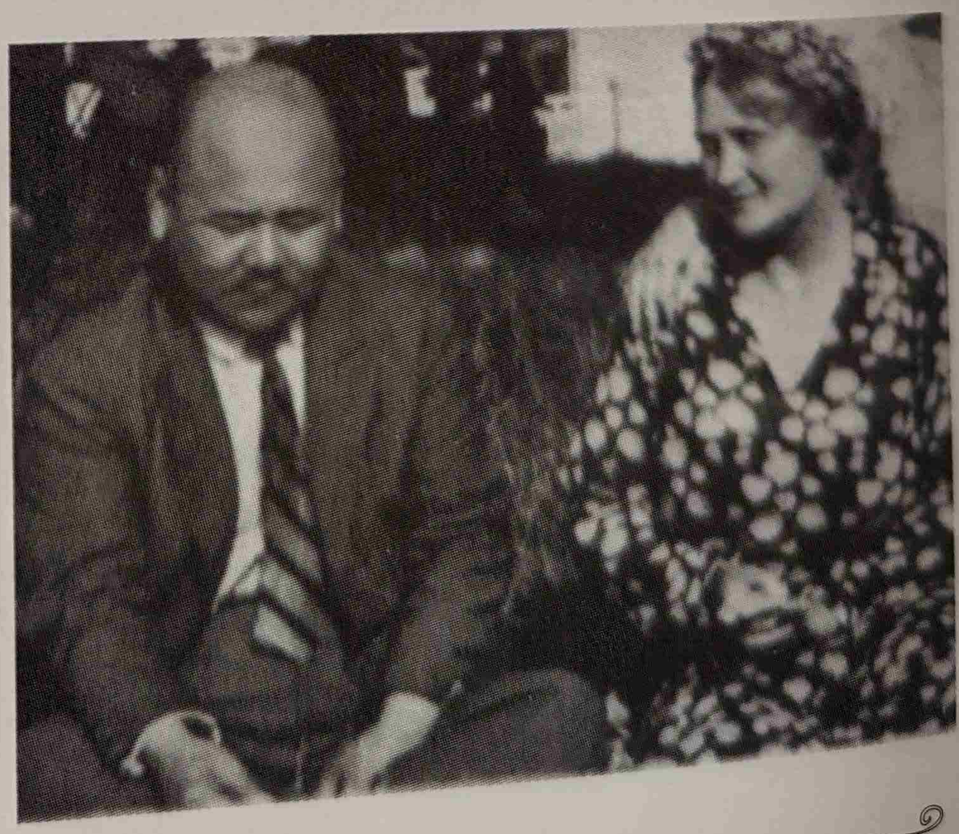
Берлин. Франкештрассе 26.
13.07. 1930.

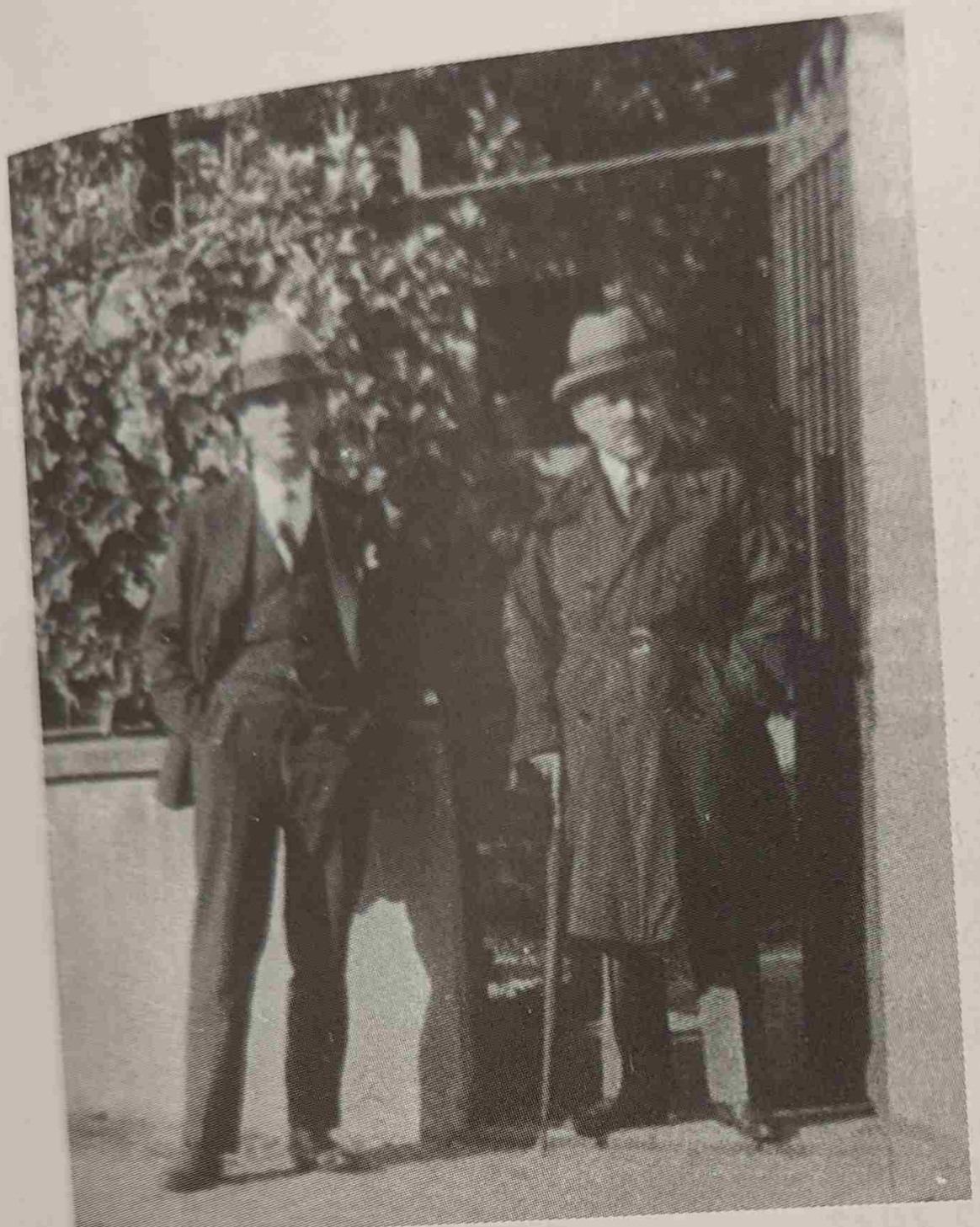
25.07. 1938.

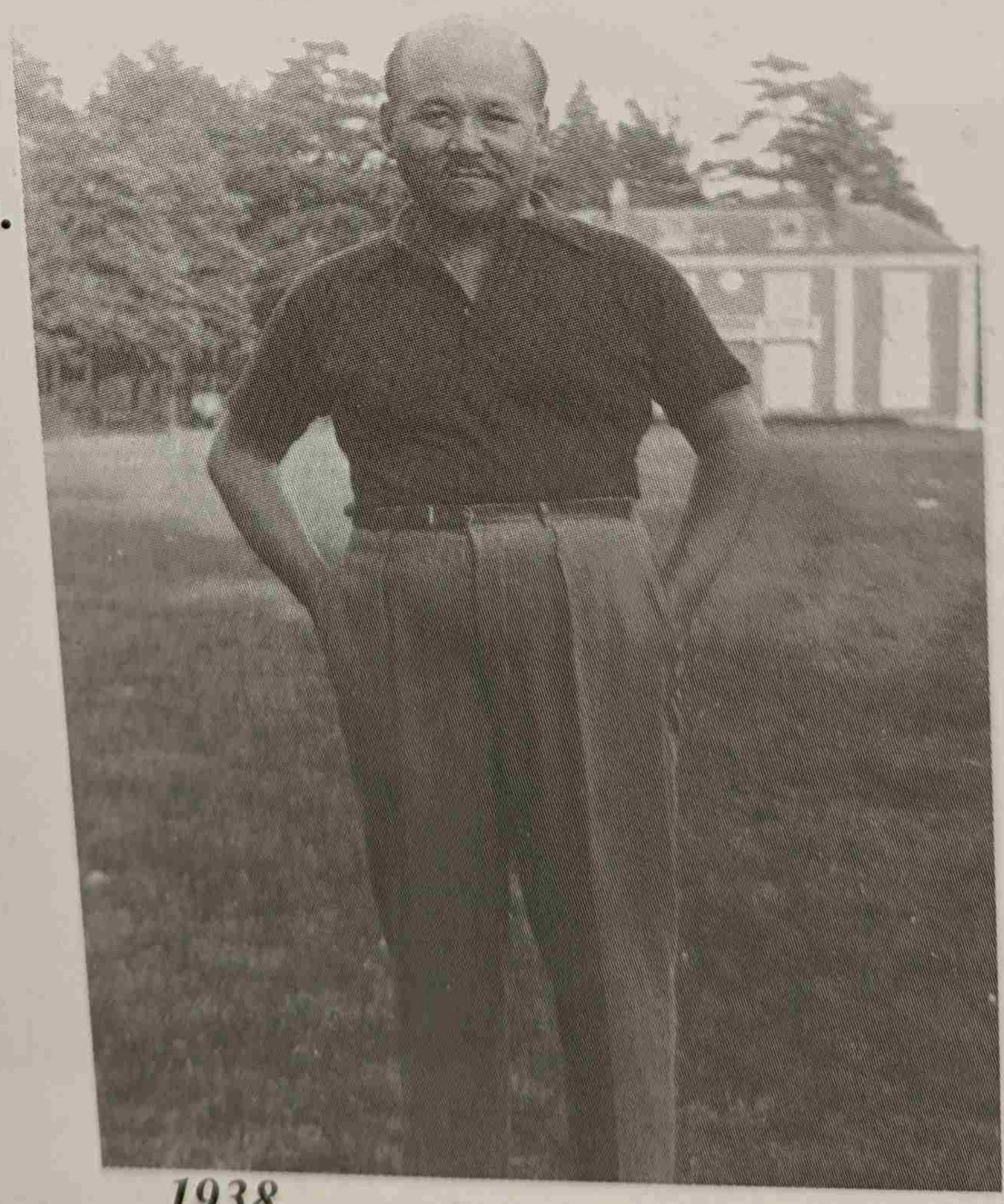
6.09.1936.

Мустафа и я.

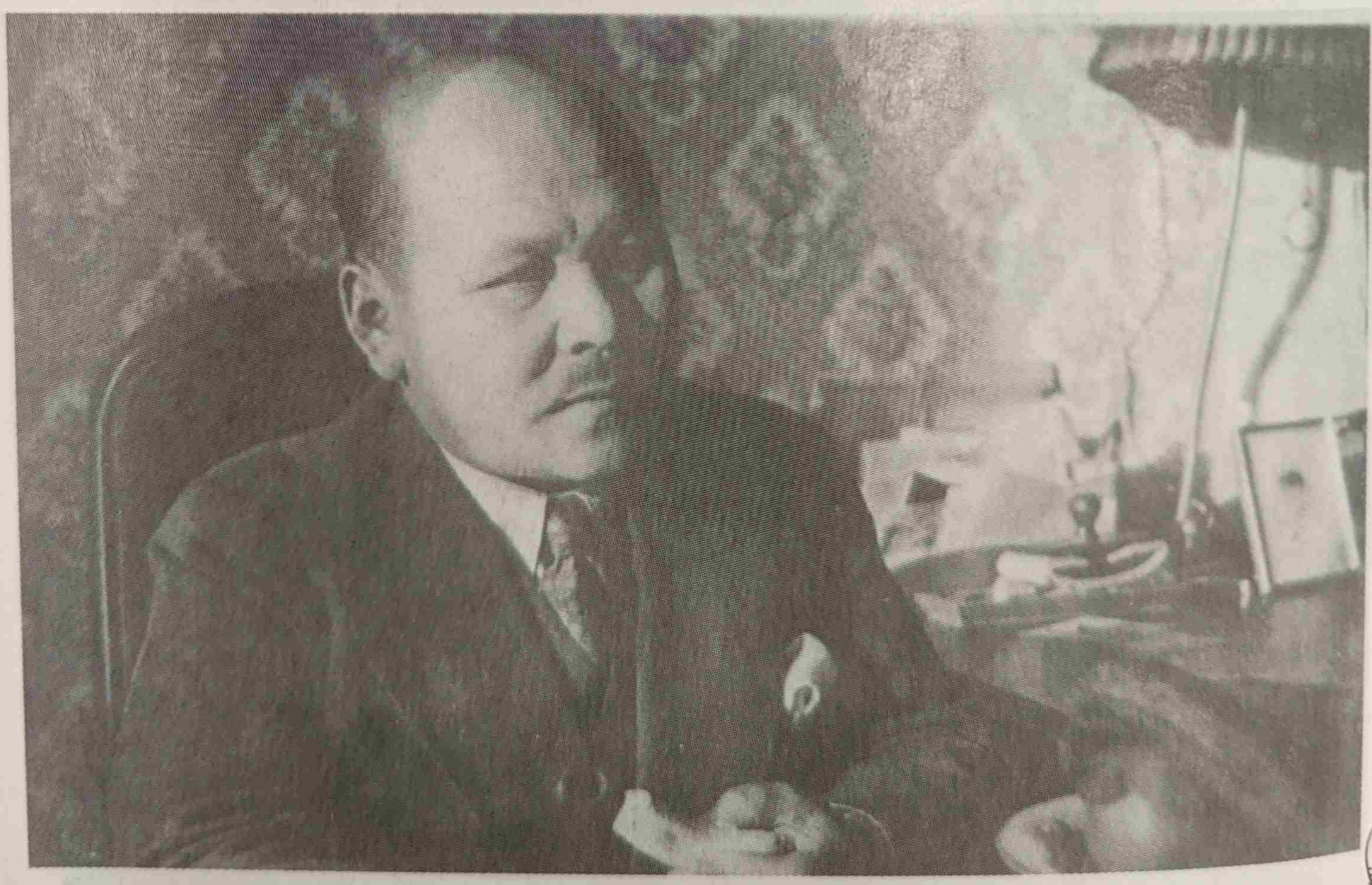
Снято на
rue Permentie
a Nogent в 1931 году
у входа в наш домик.

1938.

Мустафа говорил речь. С ним рядом г-н Билый и его жена, с ней Чхенкели, за ним я. На первом плане какой-то казак, мне неизвестный. 11.12.1937.

Париж. 1940.

Милым, дорогим никогда не забываемым друзьям Марии Яковлевне и Мустафе-эф. Чокаевым от Ахмеда Цалыккаты. Прага. 4.08.1927.

Поэт Мажит Айтбаев (Кобызшы Коркыт).

Алим Алмат и его жена Идиль. 24.12.1952.

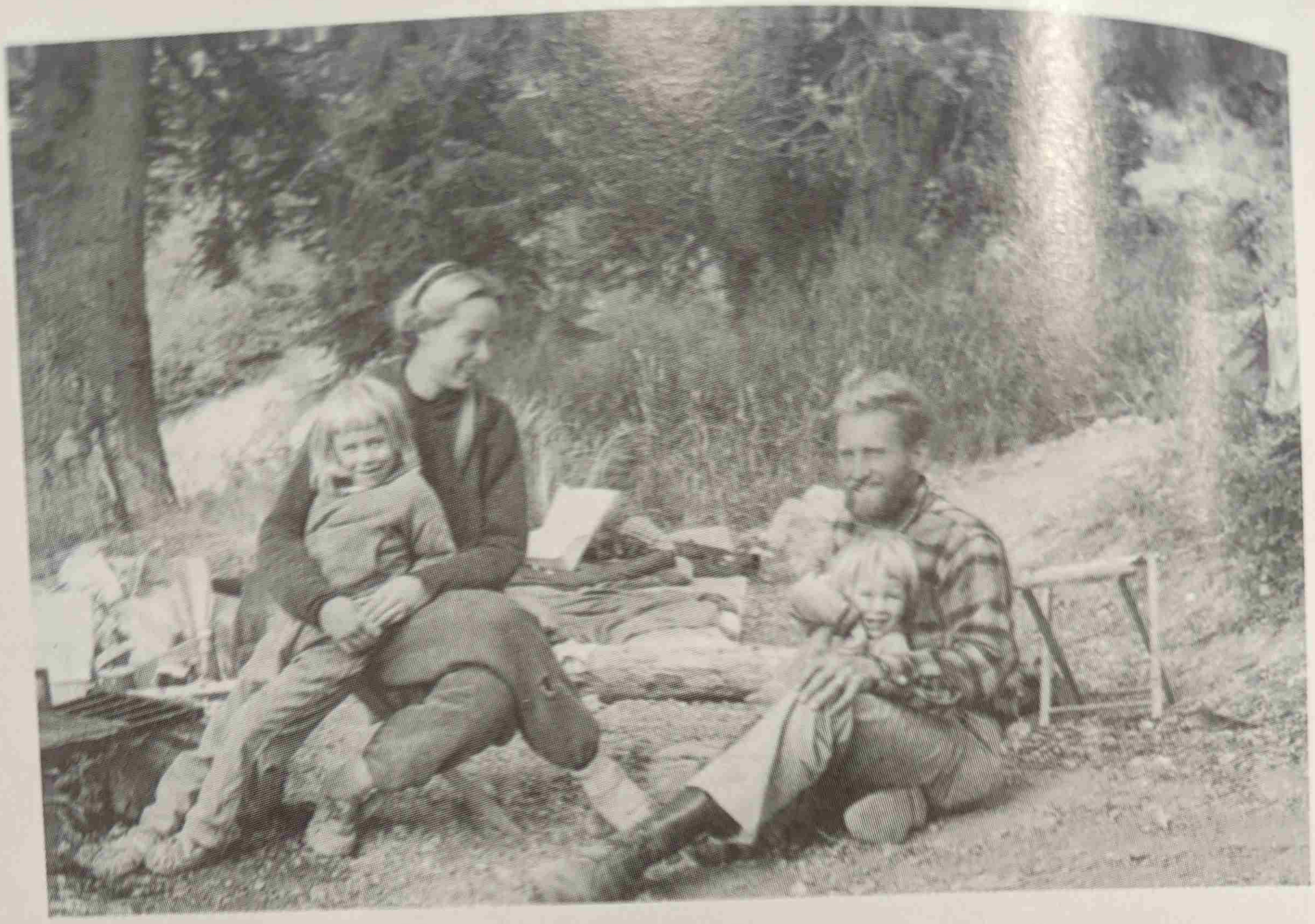
Карис Канатбай.

Крымская татарка
Султана, которая жила
у меня год с ребенком,
уехала в Америку
в Филадельфию
в 1946 году и вышла
там за американца
Паркера.

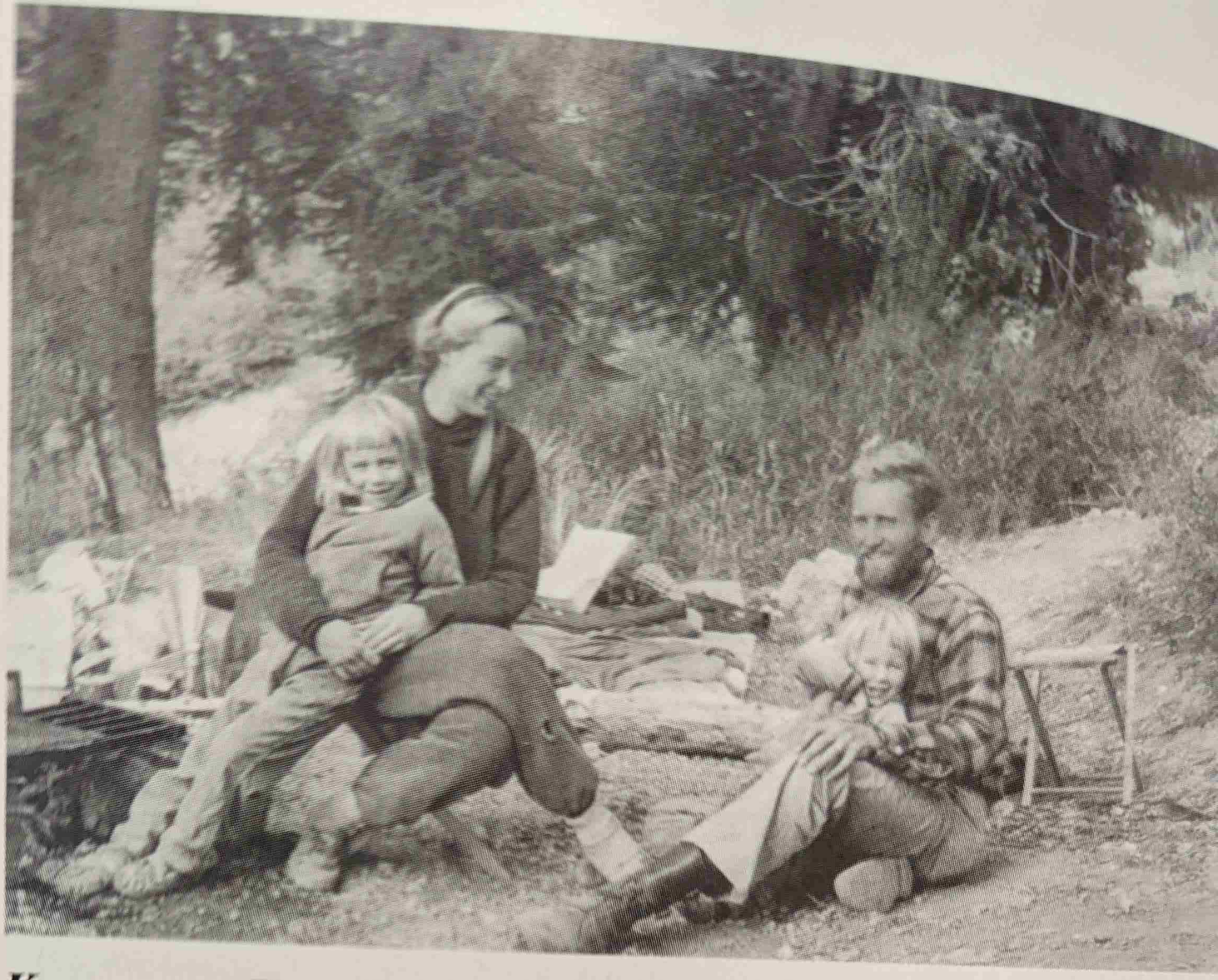
На долгую и добрую
память от внучки.
На любимую бабушке
от Hamide, Chumagali,
Aris и Alash.

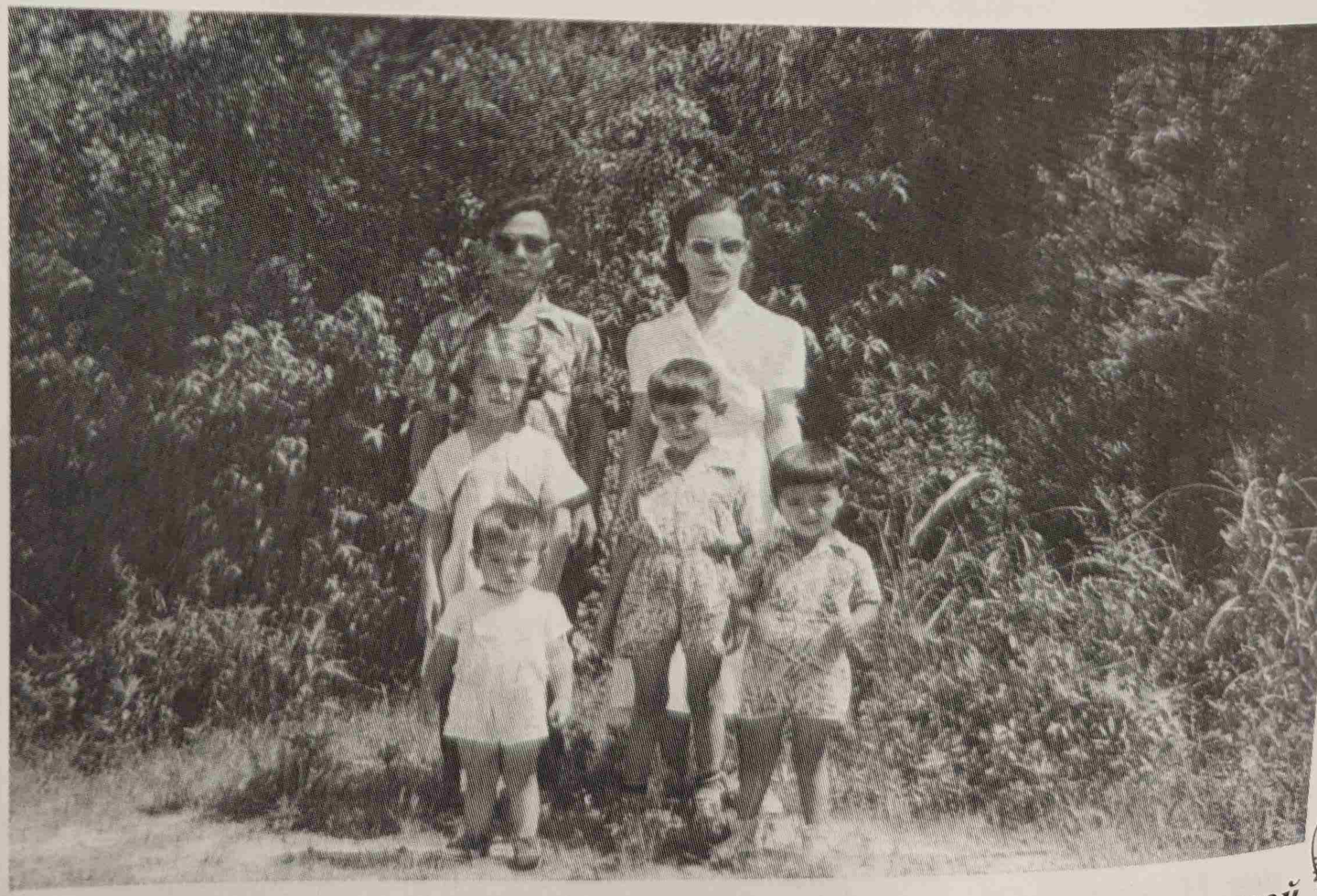
Катерин, Лукреция, Гретхен и Уильям Ромей.
Декабрь 1957. Голден Гайт Парк, Сан-Франциско.

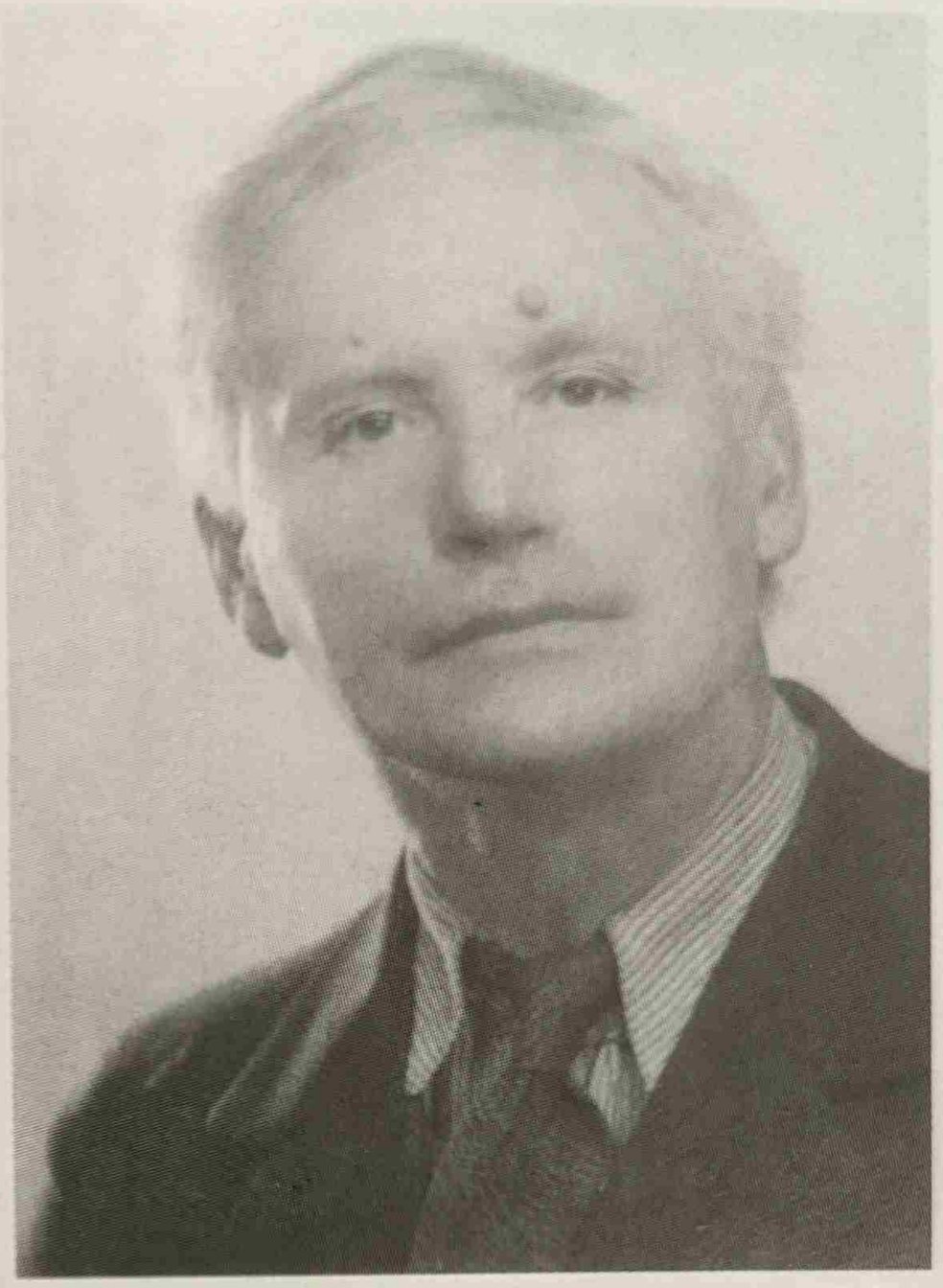
На долгую память от семьи Алим Али. Глубокоуважаемой
И незабываемой нашей женгей Марьям.

Катерин, Лукреция, Гретхен и Уильям Ромей.
Декабрь 1957. Голден Гайт Парк, Сан-Франциско.

На долгую память от семьи Алим Али. Глубокоуважаемой
И незабываемой нашей женгей Марьям.

Федор Степанович Акименко. 1934.

JEUDI 19 NOVEMBRE 1936

à 4 heures

dans les Salons du Comte de SAINT-MARTIN

20, Place des Vosges - PARIS-IVe

APRÉS-MIDI MUSICAL

Des œuvres de

M. THÉODORE AKIMENKO

avec le gracieux concours des éminents artistes :

Comte de SAINT-MARTIN
Compositeur, organiste à Paris

Madame Marie ANDRÉ
Pianiste

Madame Aspasie NOTARA
Pianiste

Mme Marie TCHOKAIEFF
Cantatrice

M. Alexandre BELOOUSSOFF
Violoniste

M. Georges SCHWARTZ
Violoncelle - Premier Prix du Conservatoire

PROGRAMME

1. *L'Ange* .. .. (Edition A. Leduc)
   Poème-Nocturne pour grand orchestre. Réduction à 4 mains
   M. * et l'Auteur**

2. a) *Prière*.. .. .. (Edition Bélaïeff)
   Poésie de LERMONTOFF — Op. 1, N° 4
   b) *La Nuit* .. .. »
   Poésie de POUCHKINE — Op. 6, N° 1
   c) *Je suis triste* .. .. »
   Poésie de LERMONTOFF — Op. 6, N° 2
   d) *Séparation*. .. .. »
   Poésie de LERMONTOFF — Op. 6, N° 4

Mme M. TCHOKAIEFF
A l'orgue : **Le Comte SAINT-MARTIN**
Au piano : **Mme A. NOTARA**

3. a) *Danse nocturne* .. .. .. (Edition A. Leduc)
   b) *Danse romantique* .. .. (Edition I. Jobert)
   c) *La Fête* (Pièce ukraïnienne) .. (Edition A. Leduc)
   d) *Nocturne mystérieux* (Edition Bessel) Op. 73, N° 1

L'Auteur

4. a) *Elégie* .. .. (Edition Bélaïeff) Op. 17
   b) *Au clair des étoiles*.. .. (Edition Jurgenson)
   Dedie à Camille FLAMMARION

M. Georges SCHWARTZ

5. Trois pièces pour l'orgue :
   a) *Chants des Orgues*
   b) *Méditation*
   c) *La Prière*

Comte de SAINT-MARTIN

6. Pour piano et chant :
   Roussalka (Naïade) Poésie de LERMONTOFF (Ed. Bélaïeff)
   Dedié à Monsieur TCHEREPNINE

Mme A. NOTARA et Mme M. TCHOKAIEFF

7. a) *Chant du Dnieper* .. .. .. (Edition Fortin)
   b) *Pid Lissom (Sous Bois)*.. (Edition A. Leduc)
   c) *Valse des Poupées animées*.. (Edition Fortin)
   Dédié à Madame Marie ANDRÉ

Madame Marie ANDRÉ

8. *Trois Chansons d'Amour* (manuscrit)

Mme M. TCHOKAIEFF et l'Auteur

9. a) *Deux Berceuses* de Noël .. (Edition Sénart)
   b) *Mélodie Russe* .. (Edition Rouard et Lerolle)

M. A. BELOOUSSOFF et l'Auteur

10. *Grétchaniki* (Edition Rouard et Lerolle) Op. 71, N° 6
    Deux Pianos : **M. *** et l'Auteur**

Dans les Salons de la Maison de Retraite des Artistes Peintres

14, rue Charles-VII, à Nogent-sur-Marne (Seine)

(Métro Château de Vincennes, Autobus 114, 120, arrêt Marché)

DIMANCHE 25 NOVEMBRE 1956, à 16 h.

APRES-MIDI MUSICAL

avec le gracieux concours de

Mme Gorina TCHOKAIEF et Mlle Annick WALTER (chant)

et de M. Charles HERVÉ (au piano)

qui interpréteront des œuvres (mélodies russes et françaises) de

A. GRETCHANINOW, S. RAKHMANINOW, FAURÉ, SCHUMANN, DE FAYA et C. FRANCK

Prélude, Choral et Fugue (C. Franck) par M Charles HERVÉ

MAISON DES ARTISTES

PEINTRES, SCULPTEURS, GRAVEURS

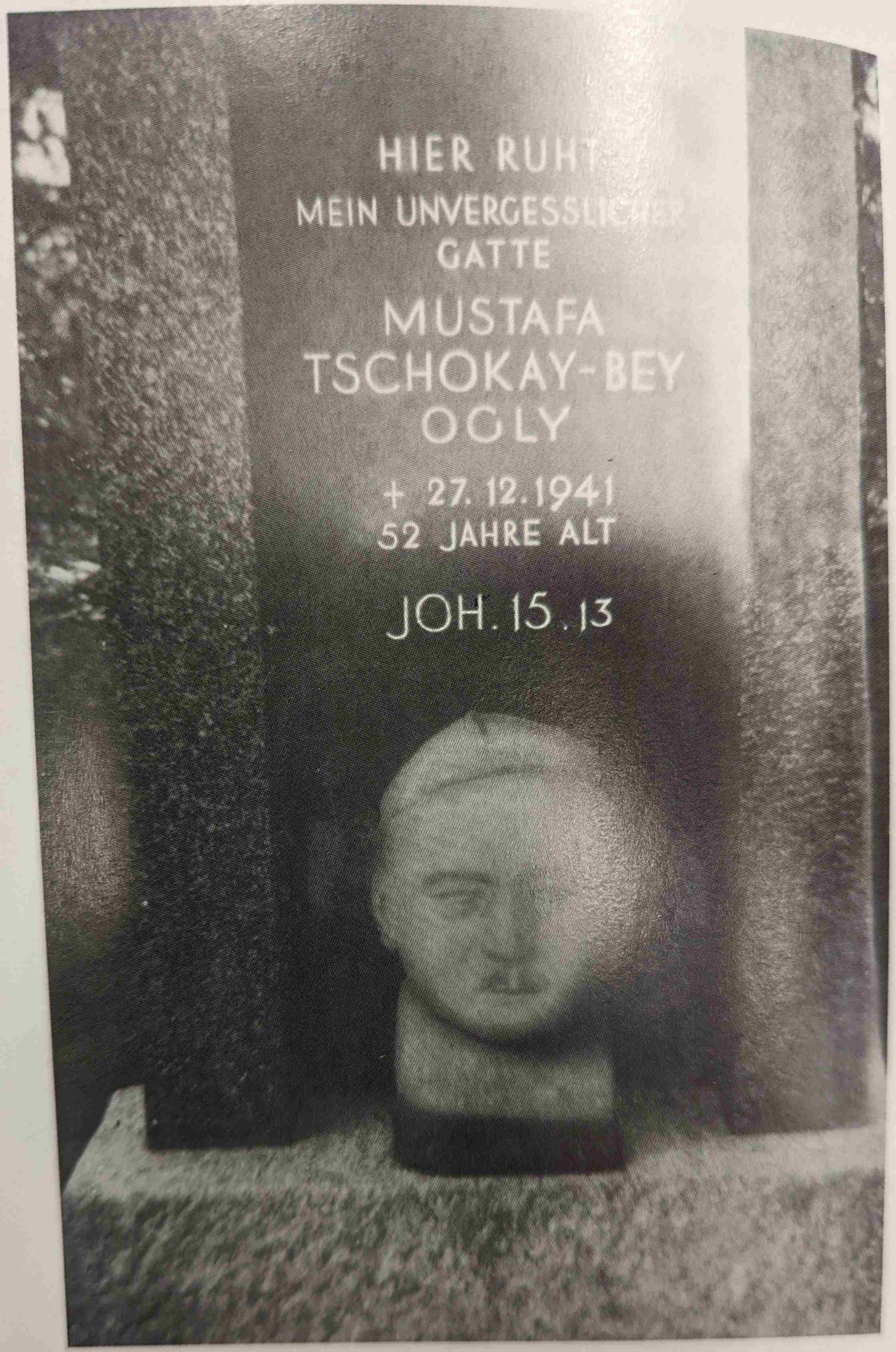
14, RUE CHARLES VII — NOGENT-SUR-MARNE

2e CONCERT

L'Administrateur et les Pensionnaires vous prient d'assister à la MATINÉE MUSICALE, avec le gracieux concours de Madame GORINA TCHOKAIËFF et Annick WALTER, Cantatrices, Anne GUERMONPREZ, Harpiste, Alexandre POURNOT, Flutiste, Charles HERVÉ, Pianiste, qui aura lieu le Dimanche 10 Mars 1957 à 16 heures.

Chemin de fer :
Gare Paris-Bastille
Gare de l'Est

Métro : Château de Vincennes
et Autobus : 114 ou 120, arrêt :
Place du Marché à Nogent.

Могила М.Чокая В Берлине.

"Здесь покоится мой незабвенный супруг Мустафа Чокай-бей оглы. 27.12.1941. 52 года. Иоанн, 15, 13 [Нет больше той любви, как если кто положит душу за друзей своих]".

пленниками, и неожиданный поворот событий вверг нас в неописуемый восторг: обильная и разнообразная еда, приглашения в гости, выражения дружеских симпатий. Как жаль, что не могу вспомнить имя этого гостеприимного казачьего есаула (он был в чине полковника). Если он жив, то пусть бог ниспошлет ему и его потомкам долгую жизнь, полную таких же впечатлений и радостей, какая была у нас в то время.

После обеда Сережа Спиридонов сказал мне, что с моей стороны было ошибкой просить зачитать письмо по телефону, так как в нем могли оказаться сведения, не предназначенные для чужого уха. Эти слова вселили в мое сердце тревогу, и я долго не могла уснуть. Делать нечего, что сказано, то сказано. Утром зазвонил телефон. Я дрожу от нетерпения. Но мне повезло. Толстову не дали письмо, адресованное мне, в связи с введением жестких правил выдачи корреспонденции только указанному на конверте адресату. (Я получила это письмо в Баку). Уезжая в Азербайджан, Толстов попросил начальника почты переслать его на мое имя в Баку. Но в письме не было ничего, кроме указания дальнейшего маршрута.

Толстов передал мне, что Мустафа и его спутники предполагают на санях через Каспий добираться в форт Александровск. «Их всего 21 человек. Вы тоже постарайтесь выбрать этот маршрут. По возможности до ледохода. Если не успеете, переждите в местечке «Жилая Коса». Вам нельзя надолго оставаться в Доссоре», — посоветовал он. Я поблагодарила его. И на этом моя связь с Гурьевым закончилась. Через два часа мы уже направлялись к Жилой Косе. Нас посадили в сани, снабдили пайком на дорогу. Дали также двух сопровождающих: один с нами в санях, а другой на коне обеспечивали охрану. Моим спутникам вернули их оружие, и мы были вооружены. В Жилой Косе мы пробыли довольно долго: погода испортилась, но, к счастью, ненадолго. Мы через Каспий направились к острову Цесаревич (Вешахт). Рыбаки называли его «прорывом».

Островок маленький, там было всего 12 рыбаков. Это были не казаки, а прибывшие из Центральной России староверы. Сиротин был здесь самым крупным поставщиком рыбы. Ловили, главным образом, рингу, солили ее. Сиротинская ринга была известна во всей России. Была и осетровая икра, но немного. Пока мы 5 дней были там, часто ели пшенную кашу с рыбой и икрой,

так как хлеба и картошки не было и в помине. Я столько съела черной икры и каши, что до сих пор не могу брать в рот ни то, ни другое. Пришла весна... Птиц было так много, что любой, кто хотел полакомиться птичьим мясом, мог ловить их голыми руками. Сережа Спиридонов и его друг ловили птиц и украдкой от рыбаков кормили нас. Если бы об этом узнали местные жители, нам бы было несдобровать. Был сезон откладывания яиц, поэтому мы также питались птичьими яйцами.

Однажды какой-то парнишка-казах принес нам змеиные яйца. Если бы он не предупредил, мы бы и их съели. Не знаю, почему он решил, что эти яйца змеиные, но они были такие же крупные, как утиные. С этого дня мы перестали собирать яйца. Если бы яйца и вправду были змеиными, есть их было бы небезопасно.

Лед на море стал подтаивать. Ветер дул со стороны Кызылсу. Постепенно кромка льда стала удаляться от берега. Мы начали собираться в дорогу. Но на словах все было легко и не так легко все обстояло на деле. Надо было выходить в открытое море на простых рыболовецких лодках. Жена Спиридонова была на сносях, а я спешила скорее добраться до форта Александровска, куда предстояло ехать с казахом-адаевцем. Он вез на верблюде шерсть для обмена в Александровке на соль. Я сроду не садилась на коня. И конь это почувствовал. Только стала продевать ноги в стремя, как конь сдвинулся с места. С трудом удалось сесть верхом: пришлось залезать сначала на дувал. Наш караван состоял из 10 верблюдов и четырех коней. Седоков было четверо: три казаха и я.

Чтобы не увязнуть в еще не подсохшей грязи, надо было держаться подальше от берега. Рано утром, когда мы вышли в дорогу, было холодно, и земля была покрыта ледяной корочкой. Надо было до полудня успеть добраться до местности, где слой льда был потолще. Верблюдам трудно шагать по раскисшей дороге, а упади они где-нибудь в пути, то поднимать их – тоже дело сложное. Однако все наши усилия оказались напрасными. В ту зиму снега было много, а потому везде была непроходимая слякоть. Верблюды и кони передвигались с трудом. Караван-баши предложил возвращаться. «Иначе мы пропадем», – сказал он. К несчастью ветер стал дуть с севера. Тот, кто не бывал в степи в такую пору, вряд ли поймет, как тягостно передвигаться, когда слепит падающий с неба обледеневший снег. Очков в то время не

было. И люди, и животные с трудом выдерживали промозглый холод. Кругом открытая степь, укрыться негде. Мы повернули назад, но начавшая таять дорога окончательно изнурила нас всех. К заходу солнца добрались до «Прорыва», но верблюды не смогли дойти до острова, так как они спотыкались на каждом шагу из-за того, что дорогу развезло. Поневоле пришлось оставить их и добираться до острова на конях. Я не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой. Меня сняли с коня и уложили в постель. Я пролежала до утра без движения. После этого несколько дней не могла прийти в себя, болело буквально все тело. Мне до конца дней своих не забыть этот путь. Казахи сняли груз с верблюдов и на досках перевезли его на остров. Мои друзья обрадовались моему возвращению. Решили дожидаться лучших времен. Может, сумеем найти лодку. У Сиротина была моторная лодка, но в тот момент было мало горючего. Сам Сиротин очень хотел ехать в Александровск, чтобы сбыть поскорее рыбу до окончания поста. В конце концов после долгих раздумий решено было ехать на лодке до Жилого Коса, а там попытаться обменять рыбу на горючее, время было тревожное: ходили слухи о случаях грабежа. Мужчины решили рискнуть. У них была перина из лебяжьего пуха. Из нее сшили безрукавки, которые пользовались большим спросом. Надеялись в крайнем случае обменять и их на горючее. Долго раздумывали, купят ли. Ведь время шло к весне. Жена Спиридонова совсем не хотела расставаться с лебяжьим пухом, ей оставили часть. Я тоже отдала свой медальон на случай обмена. Мужчинам повезло: они достали 5 литров горючего и 2 литра самогона. Через два дня погрузили вещи на лодку и выехали в Александровск. Желая воспользоваться попутным ветром, стали экономить горючее и вытащили весла. На третий день пути спустился туман и мы перестали что-либо различать кругом. Послышался глухой звук колокольчика. Это означало, что мы на подступах к форту. Была ночь, было темно и страшно. Наутро мы увидели вдали очертания крыш. Оказалось, что из-за тумана мы сильно отдалились от форта. С берега к нам направили военный катер. Александровские жители хорошо знали Сиротина. Они очень обрадовались нашему приезду. Так мы избежали еще одной опасности. Спиридонова тоже обрадовалась, что будет рожать в военном госпитале. Вскоре ко мне прибыл офицер от городского управляющего. Оказалось, что уже было по радиосвязи

передано, что из Гурьева в форт выехала на моторной лодке Чокаева в сопровождении Сиротина и других людей. Офицер был казах из рода адай, друг Мустафы. Он сообщил мне, что связался с городом Баку и поговорил с Мустафой. Мне предстояло с первым парусным судном выехать на Северный Кавказ, в Перовск. Передал мне письмо от Мустафы, в котором был указан мой дальнейший маршрут.

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП В ТУРКЕСТАНЕ

Я пробыла в Кетике лишь два дня. Из Петровска прибыло парусное судно, то ли загрузили его солью, то ли выгрузили, не помню. Попрощалась с друзьями. Расставание не было тяжелым: каждый был занят своими проблемами, да и рядом с ними были близкие, у кого – жена, у кого – муж; это я была одна. Каждый был занят собой. Еще одно отступление. В тот самый момент, когда мы собирались ехать в «Прорыв», поднялся сильный ветер и на острове началось половодье. Течение было столь сильным, что нам с трудом удалось укрыться в церкви, которая была расположена на самом возвышенном месте острова. Поэтому при половодье жители находили в ней убежище не только сами, но и приводили туда свой скот: коров, овец. Даже собаки прибегали. В этот раз вода дошла до самого порога церкви. Еще немного – и вода хлынула бы внутрь. Все стали молить бога, и я в том числе, о спасении. Я дала слово купить икону для церкви, если удастся спастись от беды. Но до сих пор мне не удалось выполнить это... Нет ничего страшнее половодья на острове: кругом вода, вещи плавают, в любую минуту вода может поглотить кусочек суши, на котором стоим, ветер дует с моря, материк далеко... Жители острова от страха жмутся друг к другу, дети – к матерям, жены – к мужьям. Я же одна. В руке моей библия, стою прислонившись к стене. Подняла голову и увидела голубей, свивших гнезда под церковной крышей. Они словно и не подозревают о надвигающейся беде.

Вдруг ветер стих и вода стала убывать. Оказалось, что несмотря на то, что дома были затоплены водой, печи еще не успели остыть. Стали по очереди вычерпывать воду из домов и затем припали к печам, чтобы отогреться. Скот на ночь заперли

в церкви. Все эти события заняли не более 5-6 часов и показались нам кошмарным сном. Вообще-то «Жилая Коса» – защитница этого острова от наводнения. Потому и остров называется «прорыв».

После того как стихию пережили, люди вновь принялись за свои дела как ни в чем не бывало. С годами я потеряла связь с этими людьми, и не знаю, как они сейчас.

Надо было собираться в дорогу, и я села на небольшое судно, которое почему-то здесь называли шхуной. Поднималась со страхом, боясь упасть в воду. Я раньше видела шхуны, когда жила в Одессе с 4-х до 16 лет. Там в порту было много кораблей из разных стран. Однако эта шхуна не была похожей на те, что я видела в Одессе. Мне предоставили место в четырехместной каюте. Я была одна. Оказалось, что меня поместили в больничный отсек. Рядом были расположены каюты врача и медсестры. Свежевыкрашенные белые каюты после всех моих мытарств мне показались райским местом. После ужина вновь легла спать. От всего пережитого я так устала, что даже не заметила как мы отплыли от берега. Спала как убитая. Утром прибыли в порт Петровск. Капитан помог мне выгрузить мой небольшой багаж, и мы попрощались. На перроне ни одной живой души. Я не знала, куда идти. У берега увидела несколько судов, но палубы их были безлюдны. Дул сильный ветер. Перед глазами возвышался город Петровск. Долго не могла найти выход в город, так как перрон был окружен деревянной изгородью. Села, всплакнула. Не знаю, сколько я просидела так, но вдруг, подняв глаза, увидела солдата-негра. На голове у него было нечто вроде чалмы. Я впервые видела иностранного солдата. Он что-то сказал мне, но я продолжала с удивлением смотреть на него. Он взял мои вещи и я молча последовала за ним. Обогнули дощатый перрон. Выходили как из лабиринта. Вот и тропинка. Негр оставил меня с вещами и ушел. День был пасмурный, трудно было определить даже приблизительное время суток. Стала почему-то вспоминать имена кавказских друзей мужа, но ни одно из них вспомнить не смогла. Разозлилась на себя, что не догадалась узнать на шхуне хотя бы названия гостиниц в Петровске. Я и не предполагала, что окажусь в такой ситуации. С вещами передвигаться трудно. Бросить их тоже не могу. И без того в пути я избавилась от многого. Слезы не помогут. что делать? Может

появится кто-нибудь как тот негр? Присела. Посмотрела вокруг. Никого нет. Через некоторое время услышала гул мотора машины. Соскочила и побежала туда, откуда слышался шум. И вдруг на дороге столкнулась с одним кавказцем в широкой кепке. Разговорились. Я спросила, есть ли поблизости гостиница. Он ответил, что все прибывшие на судне должны сначала получить разрешение у коменданта. Комендатура была расположена на вершине холма. Кавказец мне не понравился: грубые черты лица, большой нос, глаза покрасневшие, брови густые, напоминающие скорее усы, а не брови, очень высокого роста. Мне пришлось высоко поднимать голову, разговаривая с ним. Я тоже не маленькая – 1 метр 72 см, а кавказец намного выше меня, крупного телосложения и в белой кепке. Стал расспрашивать, откуда и кто я, есть ли у меня здесь знакомые. Я сказала правду. Он взял мои вещи, и мы минут через десять прибыли в какую-то чайхану. В чайхане пусто, но по запаху жареной рыбы и спиртного поняла, что люди разошлись совсем недавно. Мой спутник спросил, хочу ли я есть. Я кивнула. Принес яичницу, сыра и красного вина. И тут я вспомнила одну кавказскую фамилию – Ахмет Цаликов. Он осетин, был адвокатом. Мой спутник тут же предупредил не упоминать больше это имя, если я не хочу осложнить свою ситуацию. Меня это очень напугало. Кавказец позвал какого-то парня и что-то сказал ему. Затем он распорядился спрятать где-нибудь мои вещи и повел меня к коменданту. Шли долго. Поднимались по ступенчатым улицам. Наша дорога в комендатуру мне показалась нескончаемо длинной, а время – вечностью. Наконец-то прибыли. Стоя на самой возвышенной части города, обернулась и увидела внизу прекрасное зрелище: море и город на берегу. Видать, коменданту нравится любоваться всем этим видом.

В комнате коменданта меня вновь ждали сюрпризы: комендант оказался не кавказцем и не русским, а англичанином. До этого момента я и не знала, что город был оккупирован англичанами. Видимо полагали, что я в курсе. Пригласили сесть и комендант спросил, говорю ли я на каком-нибудь другом языке кроме русского. Сам англичанин говорил на чистейшем русском языке. Записал все мои ответы на интересовавшие его вопросы. Затем сказал, что мой муж сейчас не в Баку, а в Тифлисе и что сегодня вечером мне необходимо сесть на судно, направляющееся в Баку.

«Багаж есть? Где он сейчас?», – спросил он. Я ответила, что багаж есть, а где он находится, знает парень, сопроводивший меня сюда. Вызвали парня, меня и его посадили в машину и на всей скорости помчались вниз к перрону, где я была утром. Нас встретил негр в военной форме, открыл дверь перрона и проводил меня на судно. На корабле меня встретила худенькая девушка и разместила в каюте. Оказалось, что при желании я могу сходить в баню, которая есть на корабле. Завтрак, как мне сказали, подают в 8 утра. Мне показалось, что все происходит в каком-то сне или кино. Судьба преподносит мне то непредвиденные трудности, то вдруг я попадаю неожиданным образом в заботливые руки. Пока я мылась в бане, девушка из обслуживающего персонала постирала мое белье, высушила и даже выгладила. Она помогла даже расчесать и привести в порядок мои волосы. Я стала снова походить на горожанку. Однако мое обветренное и загоревшее лицо никак невозможно было изменить. Меня вкусно накормили. За нашим столом кроме меня и командира сидели два англичанина. После ужина мужчины принялись играть в карты. Я не стала играть с ними, так как не говорила по-английски, а англичане не говорили по-русски. Затем завели граммофон и начались танцы. Так весело мы провели два вечера. Я стала переживать, что же ждет меня впереди. Опять незнакомые места, незнакомые люди.

Англичане удивлялись моей смелости: в это смутное время не всякий пустится в путь через казахские степи, через Сибирь, где идут бои. И при этом не всякому удается остаться в живых. Сейчас, задумываясь над всем этим, удивляюсь себе сама. Как же я сумела все это преодолеть, не зная ни языка, ни местности? Меня всегда хранил бог. И все же, что ни говори, одинокой молодой женщине без денег и провизии удалось преодолеть сибирские и уральские просторы и, выехав из Челябинска 24 декабря 1918 года, прибыть 20 апреля 1919 года в Баку.

Следуя совету Вадима Чайкина «верить только своему уму и своим поступкам», безгранично веря в поддержку Аллаха, я наконец добралась до цели своего путешествия.

В БАКУ

Я любовалась с палубы видом города Баку, к которому мы приближались. Город утопал в лучах солнца, дымились трубы нефтезаводов. На перроне заметила три машины. Сидевшие в них люди махали нам рукой. Естественно, они приветствовали не меня. В одной из машин сидела женщина с тремя детьми. Я предположила, что это супруга одного из англичан. Когда капитан судна подошел ко мне попрощаться, мой багаж уже был выгружен. Женщина, сидевшая в машине, вышла и направилась ко мне. Встретив носильщика с моими вещами, попросила его погрузить их в ее машину. Я была крайне удивлена. Позже узнала, что это была супруга Сергея Ковалевского, который работал инженером в производственном объединении Маиловск города Баку. Я его знала плохо. В июне 1918 года, когда мы с Мустафой на лошадях прибыли в Темир, Мустафа неожиданно встретил одного из своих товарищей по гимназии – Сергея Ковалевского. Мы были у них в гостях. Сейчас их семья проживала в Баку. Оказалось, что Мустафа связался с ними из Тифлиса и попросил их встретить меня в порту. А вот откуда Мустафа узнал о моем приезде в Баку, я не знала. Все мне казалось какой-то сказкой. Меня привезли в машине. Вновь я оказалась в заботливых руках, а мне оставалось лишь послушно выполнять то, что говорили. Мадам Ковалевская попросила водителя сначала заехать на почту, где я получила письма от Мустафы. Их было несколько. Некоторые уже ждали меня очень давно. Мне показали город. Впервые после ташкентского переворота 1917 года я видела такой красивый город. Витрины полны товаров, дорогих ювелирных изделий, много цветочных магазинов. Все напоминало российские города до войны 1914 года. Люди тоже одеты хорошо. Маиловск – рабочий район, там расположен нефтезавод. Рабочие тоже одеты по-своему нарядно. После того голода, что я видела в Уральской области, бакинские базары показались мне центром изобилия. Мне рассказали, что совсем недавно здесь была большая стычка турков и армян, в результате чего были большие потери.

Вечером меня повели в ресторан, где играл оркестр. Готовили прекрасно. Женщины одеты очень нарядно. Живя здесь, трудно поверить, что где-то люди умирают от голода. Здесь люди посвящают немало времени азартным играм и им даже в голову

не придет мысль о том, что где-то люди страдают от большевистского насилия. Казалось бы, чужие страдания должны навести на размышления людей, но этого совсем не чувствуется.

1 мая 1918 года мы с Мустафой покинули Ташкент, намереваясь ехать в Москву. Но мы прибыли не в Москву, а через Самару – в Уфу, оттуда в Екатеринбург, а затем в Челябинск. Там мы разъехались и только сейчас я могу сказать, что я на пороге встречи с ним. Я в Баку и уже через несколько дней, получив визу, направляюсь в Тифлис.

В своих письмах Мустафа подробно разъяснил, как получить визу. Я поняла, что я не в России, а в столице Азербайджана. Это другое государство со своей денежной единицей. Территория Северного Кавказа теперь была поделена на несколько государств, и часть их захвачена англичанами. Русские тоже хотели бы подчинить себе этот регион. Азербайджан и Грузия ждали признания своей независимости со стороны Франции и Англии. Там войны нет, и жизнь спокойна. Только после этих пояснений я поняла, почему англичане оказались в Петровске. Если бы у Мустафы не было связи с фортом Александровск, я бы не смогла прибыть на Кавказ через Каспийское море. Я прибыла оттуда, где властвовали большевики. За время моего путешествия в казахских степях я словно потеряла связь со всем миром. Ничего не знала о том, что происходит в России. Пройти одному русскому в Азербайджан – это все равно что грешному перешагнуть порог рая. Поэтому мой выезд из Азербайджана в самом деле заставлял задуматься. Если бы у меня не было знакомых здесь, вряд ли я смогла найти себе пристанище в гостинице или у какого-нибудь дома. Тем более не имея местных денег. Золото или романовские деньги можно было поменять, но керенки или же сибирские и дутовские деньги здесь не признавали. У меня не было никаких денег, и друзья Мустафы покупали мне все необходимое.

Сергей Александрович с женой недавно обосновались здесь. Они прибыли из Эмбы, где работали на производстве нефти у Нобеля. В Баку они снимали двухкомнатную квартиру. Меня они устроили на квартиру инженера Малика Шах Назаряна, жена которого была красавицей и прекрасной пианисткой. Звали ее Сатеник Соломоновна. С ней мы быстро подружились, по вечерам слушали музыку. Я была в ожидании визы и дня выезда в Гру-

зию. В то время послом Грузии в Азербайджане был ... (*имя отсутствует – Б.С.*) Ятамович Карцевадзе, обаятельный человек. Возглавляемая им миссия располагалась в доме № 2 по Полицейской улице. Я подала ему визитную карточку мужа и он сразу же принял меня и выразил готовность помочь мне. Однако он предупредил, что в связи с нехваткой поездов мне необходимо заранее занять очередь. Желающих ехать в Тбилиси было очень много и мне ничего не оставалось делать, как ждать. Но судьба вновь улыбнулась мне. В Баку находился комиссар Чачыбая, который со своей молодой женой прибыл в собственном вагоне. Карцевадзе устроил меня к ним, Чачыбая не очень был этому рад, а его молодая жена Нина Петровна, напротив, была очень довольна.

1 мая 1919 года я прибыла в Тбилиси. На вокзале я увидела Мустафу с букетом цветов. Он не сразу узнал меня. На мне было белое платье, а на голове – белая шляпа. Я еще в Баку подготовилась к этой встрече. А Мустафа представлял меня такой, какой он видел меня последний раз в Сибири. Я так сильно волновалась, что я не смогла вымолвить ни слова, словно проглотила язык. Я издавала какие-то немыслимые звуки. И вдруг разрыдалась. Мустафа тоже заплакал. На улице было тепло. На улице Головина располагалась гостиница «Ореан». Мы устроились в ней. Комната с балконом выходила в сад. Кругом чистота. От радости мы забыли обо всем. Мы были вместе и никогда больше не расстанемся. Мустафа обещал, что «теперь ни при каких обстоятельствах он не оставит меня». Но позже он один раз нарушил данное обещание. Когда мы обосновались в Европе, проблемы с переездами не позволили ему сдержать слово. Ему приходилось часто ездить одному, а я оставалась одна дома. Каждый раз он твердил: «Теперь будем ездить вместе». Но мы зависели от нашего семейного бюджета.

О днях, проведенных в Тбилиси (до 1921 года), Бог даст, я расскажу позже.

МАЙ 1919 ГОДА В ТБИЛИСИ

Несколько недель мы жили в гостинице «Ореан». Гостиничная жизнь наша мне нравилась, хотя иногда случалось, что мы не понимали друг друга. Мустафа стал получать приличное жалованье,

и у нас появилась возможность подыскать себе квартиру. Однажды прибыл из Туркестана через Иран товарищ Мустафы. Он захотел жить с нами. К нашей радости, нам удалось снять две комнаты с террасой в одном из богатых районов Тбилиси. Из окна был виден Эльбрус. Хозяева квартиры были интеллигентными людьми. Господин Першке до переворота служил в руководящих органах государства. После переворота, из-за денежных затруднений, они были вынуждены сдавать четыре комнаты из десяти, а сами проживали в оставшихся. Людвиг Людвигович Першке был родом из прибалтийских немцев. Бюрократ, формалист, строго соблюдавший дисциплину, очень не жаловал участников переворота. Когда мы пришли впервые в их дом, управляющий сразу же предупредил, что комнаты не будут сдаваться ни спекулянтам, ни социалистам. Мы же не относились ни к тем, ни к другим. Рассказали, что прибыли из Туркестана, спасаясь от большевиков и намерены некоторое время пожить в Тбилиси, а затем – перебраться за границу. Мне понравилась мадам Першке, и нам сдали зал и кухню. На кухне был диван. Друг Мустафы Сеит Насыр расположился на этом диване. Мы с Мустафой устроились в зале, на полу. По утрам приходилось собирать постель и складывать ее в кладовке. Стены гостиной были голубыми, а дорогая мебель была обита голубоватым шелком. В соседней комнате (зале) находился рояль. Я иногда играла на нем. Ольга Августовна сама неплохо играла на рояле, а Людвиг Людвигович хорошо владел скрипкой. Однако теперь, в преклонном возрасте, они музицировали все реже.

Глядя на нас, они часто вспоминали детей. Уже два года от них не было вестей. Родители не знали, живы ли они. Им нравилось, что мы молоды и воспитаны. До самого отъезда в Европу мы были счастливы жить у них.

В Тбилиси я встретила Вадима Чайкина. Он очень обрадовался. На 90% он верил, что я непременно встречусь с Мустафой, следуя указаниям мужа. 10% он отводил на непредвиденные обстоятельства.

Для меня было сюрпризом познакомиться с Ахметом Цаликовым, о котором мне запретили говорить на перроне в Петровске. Как я поняла, Ахмет Цаликов был не такой уж опасный человек. 35 лет, высокий, полноватый, с добрым сердцем, немного язвительный Цаликов очень любил пошутить. Он

был одним из преданных членов социал-демократической партии. Друзья прозвали его «большевиком» за то, что в политических дискуссиях он мог позволить себе сильные выражения. После того как мы устроились на квартире у четы Першке, к нам стало приходить много людей. Я их не очень жаловала. Да и Мустафа тоже. Все они — руководители переворота, друзья Чайкина, к тому же социал-революционеры. О том, что они эсеры, Мустафа и Чайкин сказали тогда, когда это уже невозможно было скрыть.

В Кавказских горах шла гражданская война «зеленых». Многие из тех, кто приходил к нам, были из «зеленых». Я до сих пор не понимаю, зачем они приходили к нам. Все они вели разговоры с Чайкиным о конфедерации. Обычно после двух часов дня на кухне мы организовывали для них чай, а хлеб они приносили с собой. Таким образом два-три раза в неделю Чайкин встречал и провожал свою группу. У себя он их принять не мог из-за недовольства хозяев дома. У нас же была своя веранда и отдельный вход. Поэтому хозяева не видели и не слышали, кто к нам приходит. В мою комнату никто не заходил, и я никого не видела. Я занималась своими делами, связанными с учебой в консерватории. Однажды, сидя у себя, услышала голоса незнакомых людей. Это были отец и сын Белоголовы. Отец был архитектором в Петербурге, а сын служил офицером на Балтийском флоте. Я так и не поняла, настоящая ли их фамилия Белоголов. Одеты они были по-деревенски. Стояла осень, а они были в летнем. Они говорили Чайкину: «Уезжайте из Грузии в Москву. Здесь небезопасно. Большевики могут нагрянуть в любой момент и арестовать вас». Мустафа же сказал мне, что мы до последнего будем здесь в Тбилиси, а затем переберемся в Европу. Белоголов-отец твердил мне: «Отговорите Мустафу. Он не должен покидать Россию. Такие люди нам нужны. Помните, что через 25 лет Европа сгорит и от нее останется лишь пепел. Вы будете вынуждены бежать назад, сюда. Но будет поздно. Тогда мы будем принимать не всех, а выборочно». Эти слова пришли мне на память сейчас, по прошествии 38 лет. Европа не сгорела, но она дрожит от страха перед большевиками и ищет способа избавления от них. Я тогда не понимала, почему эти люди, будучи из «зеленых», вели пропаганду против большевиков. В этот период Чайкин занимался делом 26 бакинских комиссаров, приговоренных англичанами в 1918 году к расстрелу. Чайкин соби-

рал свидетельства и занимался подготовкой книги к изданию. Этот человек работал не для того, чтобы подобострастничать перед Лениным и заслужить его похвалу. Чайкин был зол на англичан. Ему удалось найти истинных виновников, которыми оказались большевики, эсеры и социал-демократы. За расстрел 26 комиссаров он убил миллионы людей в России. Чайкин умер в Харькове своей смертью. Ахмет Цаликов умер в 1926 году в Праге от сахарного диабета.

В те дни из Петербурга приехал Н.Д.Соколов. Мустафа встретил его на улице и пригласил домой. На меня он впечатления не произвел. В свое время, когда он был первым лицом в России, дававшим указания, жалобы к нему шли со всех сторон. Я его встретила радушно. Говорил и держался он скромно. Поэтому со стороны его принимали скорее за сельского прокурора, чем за столичного адвоката. Среднего роста, с черной бородой, с глазами каштанового цвета, он был очень приятен в общении. Мало говорил и много слушал. Состоял членом социал-демократической партии как и Белоголов. Оказалось, что они знакомы по Петербургу, а у нас они встретились случайно. Белоголов был давним другом Чайкина, а Соколов давним другом Мустафы. Еще в петербургский период Н.Д.Соколов выступал в сенате в защиту туркестанцев. Семья Соколова была набожной, высоконравственной. Отец его Дмитрий был личным попом Николая. Семья Дмитрия жила в церкви Зимнего Дворца. У них была большая квартира, выделенная им государством. Никита Соколов еще в студенческий период вступил в социал-демократическую партию. Троцкий был его другом, они оба состояли в одной партии. Соколов нам рассказывал, как они прятали у отца в Зимнем Дворце Троцкого, тайно приехавшего на партийный съезд. Никто кроме дежурных не знал, кто входил и выходил из дома вместе с Соколовым. Так он воспользовался Зимним Дворцом, который стал символом развала всей России и страшного переворота. Н.Д.Соколов остался в России, стал при большевиках служить юрисконсультом, хотя и не играл никакой роли в политике большевиков. Он сумел даже воспользоваться доверием, которое ему оказывал Сталин. Н.Д.Соколов умер в 1939 году в Варшаве.

ВОЙНА. ОТЪЕЗД В ТУРЦИЮ. ЖИЗНЬ В ТУРЦИИ. ЭМИГРАЦИЯ В ПАРИЖ

Когда я 1 мая 1919 года приехала в Тбилиси, жизнь мне казалась очень интересной. Я жила радостно, беззаботно. По улицам ходили хорошо одетые люди, некоторые из них были эмигрантами, которых приютило правительство Грузии. Военным предписывалось по возможности одеваться в штатское. Таким образом правительство пыталось пробудить национальное чувство грузинского народа. Однако это требование правительства выполнялось с трудом, так как в магазинах невозможно было купить готовую одежду. Даже если и было что в продаже, у людей не было денег. Они обращались к своим знакомым с просьбой одолжить или отдать им пиджак или брюки.

Однажды мы на улице Головинского повстречали знакомого офицера. На голове у него была меховая шапка, одет он был в брюки с желтыми лампасами и в шинель. На ногах – ботинки. На него трудно было смотреть без смеха. Он сам понимал это, и, увидев нас, смутился. Стал просить Мустафу найти ему гражданскую одежду. В итоге обязали меня. Мы одели его в одежду военврача, которую я привезла из Ташкента. Видели бы вы, как он радовался!

В городе было несколько ресторанов, в которых постоянно бывали хорошо одетые женщины и мужчины. Дагестанцы одевались в свою национальную одежду. Среди военных из европейских стран встречались итальянцы, французы, англичане. Все они словно расцвели с приходом кавказской весны. У меня тоже в первые дни голова кружилась от счастья. Я словно забыла все, что пережила в Челябинске, в форте Александровске.

Мустафа старался поддерживать во мне хорошее настроение: водил меня по ресторанам, в театр, стараясь избегать встреч с людьми из Москвы и Петербурга.

К нам обратилась группа артистов, прибывших в Тбилиси из Москвы. Среди них были известные артисты петербургского балета, оперные певцы, писатели, журналисты. Нашлись и состоятельные люди. В итоге мы подготовили программу «Летучая мышь». Впереди – премьера. Наша труппа обосновалась в подвальном помещении. Известные деятели Судейкин, Сорин

тоже были с нами. Наша труппа называлась «Аргонавты». Аверченко и Потемкин написали для нас скетчи. Все шло, как было задумано. На какое-то время мы даже забывали, что живем в период происходящей революции.

Мустафа работал в редакции газеты «Вольный горец». Редактором ее был Ахмет Цаликов. В свое время, когда я была в Петровске, было опасно даже упоминать его имя. И вот Ахмет Цаликов в Тбилиси занимался выпуском ежедневной газеты. Мустафа одновременно сотрудничал с редакцией газеты «Борьба». При финансовой поддержке грузинского правительства было налажено издание ежемесячного журнала «На рубеже». Мустафа Чокай стал главным редактором этого журнала. Он сумел выпустить не более 6 номеров, так как большевики силой вторглись на Кавказ. Мы были вынуждены срочно выехать в Турцию.

С осени 1919 года я брала уроки пения в одной из музыкальных школ Тбилиси. Позже эта школа по решению правительства Грузии была преобразована в Государственную консерваторию. Директором школы был М.М.Черепнин. Дни проходили незаметно, ибо я занималась любимым делом. Так мы прожили до декабря 1920 года. В марте следующего года Красная Армия захватила Северный Кавказ, Дагестан, а в апреле – Азербайджан. В ноябре она оккупировала Армению. Что же касается грузин, то они в мае 1920 года подписали с большевиками соглашение. Они договорились не воевать друг с другом. Однако представитель Советов в Грузии Киров спровоцировал ряд акций по дискредитации договора, начались политические волнения. В итоге войска Серго Орджоникидзе захватили в 1921 году Тбилиси.

До сих пор перед глазами, как в ночь на 10 февраля случилось землетрясение. Мы проснулись от резкого толчка и долго не могли ничего понять. Вдали от Тбилиси тогда шли бои, газеты часто писали о победе национальных сил над большевиками. И вдруг – землетрясение, которое ввергло нас в шок. Наш дом располагался у подножия горы Давид на улице Грибоедова. Поэтому мы лучше других ощутили стихию. Зима была морозной, снежной. Выскочив на улицу убедились, что это не стрельба большевиков, а землетрясение. Когда все успокоилось, вернулись досыпать. Но наша спокойная жизнь длилась недолго. Неделю спустя, 16 февраля, около 10-ти часов утра примерно в кухню

прибежала запыхавшаяся прислуга. В Тбилиси вошли красные! Я сидела за столом. От растерянности стала собирать все, что находилось на столе, и заворачивать в скатерть. Затем из бельевого шкафа вытащила чистые вещи, быстро свернула ковер, лежавший на полу, и выскочила на улицу в поисках грузчика. Не задумываясь, сунула первые попавшиеся вещи двум грузчикам и вместе с ними поспешила к станции. Люди уже группами направлялись туда. Уже был слышен грохот орудий. На станции встретила знакомых, они помогли мне войти в вагон и разместиться. Мустафа был в типографии. Знакомые ему позже сообщили о моем отъезде в Батуми. С ним мы встретились через 4 дня в Батуми. Рассказал, что успел выпустить очередной номер газеты, затем прибежал домой. Успел прихватить кое-что из вещей и вместе с военными сел в грузовой вагон. 25 февраля мы уже были на итальянском судне и направлялись в Турцию. Кроме единственной пачки печенья никакой еды с собой не было. У друга Мустафы Сеит Насыра обнаружили 1 килограмм сахарина и 10 турецких лир. Мы были в грузовом отсеке корабля. Поднялся сильный ветер и нас сильно качало. Все пассажиры, и в особенности я, заболели. Доплыли до Трабзона. В порту на корабль поднялись турки, предлагая нам всякую мелочь. Мустафа стал вспоминать своих знакомых в Трабзоне и побежал искать какую-нибудь еду. Однако он никого из знакомых не нашел и вернулся с пустыми руками. Мы поделились тем, что имели, с пассажирами. До Стамбула плыли весело. Когда стали приближаться к заливу, нам приказали: «Все пассажиры, находящиеся в грузовом отсеке, должны пройти дезинфекцию в бане». Те, кто не подозревал о том, что это за баня, обрадовались. Но пассажиры I и II ярусов стали советовать своим знакомым не ходить, а по возможности уклониться от бани. Мы, услышав это, спрятались на первом ярусе и избежали дезинфекции. А те, кто пошли в баню, остались без одежды, так как под воздействием горячего пара она пришла в негодность. Некоторые простудились. В душе не оказалось горячей воды. Людей было очень много и из-за нехватки горячей воды приходилось принимать холодный душ. Затем не стало и холодной воды. Многие вынуждены были выйти, так и не смыв мыло.

Наконец вошли в залив. Было утро. Стамбул утопал в лучах солнца. Зрелище было бесподобное. Над голубой гладью воды

возвышались белоснежные дворцы, минареты мечетей напоминали свечи. Взор притягивают также пестрые флаги кораблей, прибывших со всех концов света. Турецкие военные в фесках и широких шароварах приблизились на маленьких лодках к нашему кораблю. Не страшась никого и ничего, я выхожу на берег с каким-то радостным настроением. И не только я, но и все пассажиры. Мы с Мустафой тоже были счастливы, что оказались в мирной обстановке.

Через некоторое время добрались до Галаты. Кругом полно лодок и людей. Это солдаты и офицеры русской белой армии. Кто-то продает блины, а кто – булочки. Хочется есть. Но сейчас самое главное – найти пристанище. Нас трое. Друг Мустафы Сеит Насыр не хочет от нас отделяться. Он был его близким другом. Снять две комнаты не можем: не хватает денег. Наконец, кто-то показал нам, где находится недорогая турецкая гостиница. Пришлось заночевать в ней. Стали ждать утра. Главное – мы успели уйти от большевиков. На мне все та же прежняя шуба. Я ее не сняла. Всем троим предстоит в одежде спать на полу. Свет уличных фонарей проникает в комнату. Нам он совсем не нужен. Дверь в комнату плохо закрывается. Поскольку она, к счастью, открывалась внутрь, мы ее заставили своими вещами. Мы заплатили 2 лиры за одну ночь. Это примерно 30 франков по тогдашним временам. Сеит Насыр сбегал за хлебом и халвой. Нас трое, но гостиничные служащие принесли нам почему-то две чашки кофе без молока. Мустафа пояснил, что здесь женщины не в счет.

Поели и легли спать. Сон не шел. То шум драки на улице, то пересвист ночных караульных, словно успокаивавший нас: «Мы рядом, и бережем ваш сон». Все трое делали вид. что спим, но на самом деле мы пребывали в полудреме.

Утром стали подыскивать квартиру в европейской части города. Нашли комнату неподалеку от Перы. Хозяйка квартиры была итальянкой. Комната, которую она нам сдала, располагалась на четвертом этаже. Кровать была одна, и хозяйка засуетилась, пытаясь что-нибудь нам предложить и устроить всех троих. Она потребовала с нас плату на месяц вперед. У нас было 7 лир. Сеит Насыр решил продать сахарин и выручить деньги. В общем, слава богу, устроились. В комнате был балкон, он выходил на улицу. Хозяйка предупредила, что она просыпается поздно, поэтому

дверь утром бывает заперта. Предупредила также, что если мы хотим приобрести крупные вещи, то поднимать их в комнату на четвертый этаж надо веревкой. Нам разрешалось также делать покупки у уличного торговца. Может быть, это и было удобно для жильцов состоятельных, но для нас создавало некоторые неудобства. Хозяйка просыпалась в 8 часов утра, а дверь открывала в 8-30. Лишь тогда мы могли начинать заниматься делами. Вечером в 9-ть дверь закрывалась. С утра до вечера хозяйка только и делала, что следила за нами. Однажды мы встретили семью, знакомую нам по Тбилиси. Они должны были нам 30 лир. Муж был писателем, а жена – художником. Муж прибыл в Турцию за несколько дней до вторжения большевиков в Тбилиси. Его проезд оплатила одна турецкая фирма. А дорожные расходы жены он должен был оплатить сам. И тогда он у нас занимал деньги. А в залог оставил швейную машинку «Зингер». Нам тогда и в голову не приходило, что мы можем приехать в Турцию, а они могут не возвратиться в Грузию. Но договор дороже денег. Мустафа занял ему значительную сумму, а в переводе на турецкие деньги она оказалась равной 30 лирам. Я, правда, не имею представления, насколько ценна была турецкая лира.

Когда мы покидали Тбилиси, я оставила многие дорогие вещи, но прихватила прежде всего швейную машинку. Тогда я думала о возвращении долга. Ну и намучилась же я в дороге с машинкой! И теперь она пригодилась. Мы обрадовались встрече с Бейоглы и пригласили супругов к себе. Хозяйка, конечно же, заметила наших гостей. Наши друзья сообщили, что у них в кармане нет ни копейки, что у них нет даже крыши над головой, чтобы переночевать. Поэтому они не могли вернуть нам долг. Сейчас они ночевали в бане, а для того, чтобы найти себе в этой бане место, им пришлось отстоять в большой очереди. Именно так жили в большинстве своем русские беженцы. Пока мы говорили, мы не заметили, как быстро пролетело время. Они пропустили очередь в баню. Мы тоже растерялись. Сказать им «уходите» – язык не поворачивается, потому что у этих несчастных людей нет ни копейки. В нашей единственной комнате всего одна постель. На диване в зале спал Сеит Насыр. Входная дверь уже закрыта. В конце концов решили разместить гостей под кроватью. Хозяйка заметила, что наши гости не выходили. В 10 часов она постучала в дверь. Гости наши замерли под кроватью. Муж мой подошел к

двери: «Кто там?» Хозяйка потребовала, чтобы наши гости покинули комнату. Мустафа сказал, что в комнате чужих нет. Тогда хозяйка стала требовать открыть дверь. Мустафа отказался. Закончилось все скандалом. Утром хозяйка заявила, что отказывается нам давать комнату, и вернула деньги. Мы оказались на улице. Сеит Насыр не смог продать сахарин. Взяв возвращенные хозяйкой деньги, мы пошли на базар, чтобы поесть. На базаре Мустафа встретил одного знакомого. Внешне скромный, он был известен в газетных кругах. Имени его сейчас не помню. Он произвел на меня впечатление делового человека. Хорошо говорил по-английски. Узнав, что Мустафа прибыл из Тбилиси вместе с армейскими частями и что Мустафа хорошо разбирается в причинах отступления армии, он попросил его написать об этом. Мустафа согласился, но сказал также, что сейчас у нас проблема жилья. Тогда его знакомый предложил Мустафе ехать с ним в типографию, где есть пишущая машинка и свободная комната. Все вместе перекусили и Мустафа уехал. Договорились встретиться в «Маяке» (так назывался пункт по приему беженцев). Сеит Насыр пошел опять со своим сахарином, надеясь продать его. Но в то время в Стамбуле сахара было много и сахарин никого не интересовал. Я пошла в «Маяк». К трем часам туда подошел Мустафа. Он был оживлен и весел: получил заказ на 5 статей от газеты «Таймс» и в качестве аванса пять английских фунтов. Для нас это было самой большой радостью. Мы тут же бросились на поиски жилья. Искать пришлось недолго. Недалеко от нашей прежней квартиры мы нашли небольшую двухкомнатную квартиру. Хозяйка оказалась армянкой. Мы были рады, что у нас будет отдельная от Сеит Насыра комната. Тот тоже был рад. Сразу заплатили за неделю вперед. Мы тогда осознали, какое счастье иметь крышу над головой и деньги. Перешли на режим экономии.

Мустафа ежедневно ходил в редакцию и писал статьи для газет. Я оставалась дома. Без него никуда не выходила. В Стамбуле мусульманские женщины не ходят по улицам без сопровождения. Хозяйка-армянка сшила мне платье, какое носили турчанки. В трамвае, как полагалось, я садилась в салон для женщин. Лицо свое я закрывала легкой вуалью. Вскоре наше материальное положение вновь ухудшилось. Мустафе прекратили давать авансы. Как он ни пытался пристроить свои статьи в «Таймсе», ничего не вышло. Он был снова без работы.

Русские беженцы, кто как мог, зарабатывали себе на жизнь. Более или менее состоятельные из них открывали столовые, дансинги. Были и курьезы. Например, организовывались тараканьи бега, насекомых выкрашивали в разные цвета, на них делались ставки. Еще один из способов зарабатывать деньги. Вскоре это заведение закрылось, а владелец его уехал не то в Америку, не то во Францию.

Русские организовали в здании сгоревшего театра «Пель-Мель» свой театр. Меня пригласили в класс вокала. Возглавлял театральное общество известный писатель Илья Сургучев. На афише стояли имена известных писателей России: Рыбенцева, Аверченко, Каменского, артистов императорского театра Свободина, Ардатова, Гордалова, Долинского, а также Костровой, Селивановой, Чокаевой, Рунштейн и Слатина. Афишу готовили сами артисты. Входной билет стоил 1 лиру. Премьера была назначена на 8-30 вечера 22 апреля 1921 года. Мы, артисты, к назначенному времени были уже одеты и стали ждать зрителей. Но никто на наш концерт не пришел. Пришлось нам из собственного кармана платить за аренду зала. Так трагически завершилась моя артистическая карьера в Европе.

Одна из газет, выходивших в Берлине и Париже, опубликовала сообщение о том, что в Париже на улице Rue de la Pompe проживают А.Ф. Керенский, Авксентьев и Чайковский, сумевшие бежать из рук колчаковской армии. Мустафа состоял с ними в переписке. Он стал добиваться визы во Францию. В итоге она была получена и мы стали собираться в дорогу.

О СЕИТ НАСЫРЕ

Наш друг Сеит Насыр не говорил по-русски, а я не говорила по-узбекски. Поэтому мы общались с ним редко, и я мало что знала о его прошлом. Знала только, что он – туркестанец, торговец хлопка и каракуля. Привыкший иметь дело с крупными торговцами, он очень страдал в Тбилиси из-за незнания языка. Нередко его обманывали, расплачиваясь вместо денег неходовым товаром. Перед отъездом из Тбилиси один армянин вернул ему долг сахарином. В Стамбуле он не смог продать сахарин даже за полцены. Сеит Насыр страшно переживал и постоянно твердил о

своем желании вернуться в Туркестан. Может и вернулся. «Чем оставаться в Стамбуле, лучше мне пешком вернуться в Туркестан» – говорил он. После приезда в Париж мы потеряли с ним связь. Во время войны мы узнали от военнопленных о его кончине. Хорошим он был человеком! Пусть земля ему будет пухом!

ПО ДОРОГЕ В ЕВРОПУ

Мы уезжали в Париж. Сели на французский корабль. Нас провожали друзья. Сеит Насыр был мрачен. Он твердо решил вернуться на родину. Некоторые восхищались и одновременно завидовали нам. Наступил момент прощания. Корабль стал отдаляться от причала. 11 часов утра. Море спокойно как зеркало. Милый сердцу Стамбул постепенно скрылся. Корабельный колокол сзывал нас к завтраку. Мы прошли в зал. За огромным столом говорили по-французски и на других, непонятных мне, языках.

Нам хватило бы одной-двух тарелок супа, и не было нужды в вине. А тут подали и вино, и закуски, кофе, сыр и сладости. Мы не справились даже с половиной поданного. А сидевшие рядом жадно поглощали все, словно прибыли из голодного края. Кто-то спросил Мустафу по-французски, почему мы не едим. Заметив, что его не поняли, он поинтересовался, на каком языке мы говорим. Мы с Мустафой, чтобы не привлекать внимания сидящих, все это время тихо переговаривались друг с другом. Узнав, что мы говорим по-русски, он очень обрадовался. «А-а, так вы русские?» – сказал он. Это был петроградский адвокат по фамилии Владыкин. Он владел французским, хорошо знал Париж, поскольку не раз бывал там. До самого прибытия во Францию мы были вместе. Он очень помог нам своими рассказами о Франции. До этого я знала о ней только по журналам мод. Мы часто сидели на палубе, вдыхая целительный чистый воздух. К вечеру у нас был прекрасный аппетит. В зале перед ужином кто-то наигрывал цыганские романсы, а кто-то русские мелодии. В большинстве своем это были русские артисты, желавшие подзаработать. Но об этом мы узнали позже.

Прибыли в Марсель утром. Вышли на пристань. В глубине ее стояли статуи, словно желали путникам доброго пути. Стояла

жара, и мы особо ощутили ее, когда спустились с корабля на берег. На таможне нас немного задержали. Самым ценным из вещей у нас был ковер, но таможенники даже не взглянули на него. Ковер этот мы везли от самого Ташкента, приберегая его на самый крайний случай для продажи.

По совету друзей, которые плыли с нами на корабле, мы решили остановиться в гостинице рядом с портом. Гостиница чистая, комната просторная, на троих. Здесь мы решили остаться до вечера. Стоимость – 12 франков, это очень дешево. Привели себя в порядок и вышли погулять по самому большому проспекту города. Два часа пополудни, обедать еще рано. Я все искала глазами красивых француженок, но так и не увидела их. Зато заметила продавщицу цветов: очень полную, потную от жары, с колпаком из газеты на голове и к тому же в черном фартуке. Я словно слона увидела. Единственный раз в жизни я видела слона лишь в цирке. «Так где же красивые француженки?» – спросила я. «Но ведь мы в порту, это самая окраина города, и к тому же красивые женщины в это время суток на улицы не выходят», – ответили мне. И этот ответ меня вполне устроил.

В 10 часов вечера того же дня мы поездом отправились в Париж. Пассажиров было много. Свободным оказалось только одно место. Вагон был очень грязным, и в этом поезд ничем не отличался от российского. Скорее он был даже хуже, поскольку в наших поездах можно было прилечь и отдохнуть, а здесь были только сидячие места. Ехать в таком вагоне 12 часов крайне тяжело. Рано утром мы подъезжали к Парижу. Стены домов пестрели объявлениями, афишами, рекламой. Маленькие домики были невзрачны, в глаза бросалось развешанное повсюду белье. Видны сады, огороженные старыми ржавыми изгородями. Такого пейзажа я не видела ни в Москве, ни в Петербурге. Первое, что у нас бросается в глаза, – это аккуратные домики вдоль железнодорожного полотна, леса. А здешние дома напоминали нам избушки на курьих ножках. Пассажиры, впервые прибывающие в Париж, припали к окнам в надежде увидеть Эйфелеву башню и большой маяк. Слышались возгласы: «Сюда, сюда, отсюда можно увидеть». Я бегала от одного окна к другому, но так ничего и не увидела. Поезд мчался на всей скорости, и за окном, мелькая, быстро проносились фабрики и дома. На перроне нас встретил Фуат Тохтар, казанский уездный адвокат, которого Мустафа знал

по совместной политической работе. Он уже год жил в Париже и считал себя парижанином. Хоть и не блестяще, но все же говорил по-французски. Очень любил Париж. Мы с дороги очень устали. На Лионском вокзале сели в такси, проехали через Большие бульвары, мимо церкви Мадлен, затем проехали площадь Согласия (Конкорд) и вышли на Елисейские поля. Доехали до площади Этуаль, оттуда через Булонский лес на площадь Виктора Гюго. Подъехали к гостинице, где Фуат Тохтар снял для нас комнату.

Мы решили не оставаться там надолго, так как думали устроиться в Париже. Несколько дней спустя через одну продавщицу в газетном киоске сняли комнату рядом со станцией метро Порт Дофин.

Первыми моими покупками в Париже были: кофемолка, чайник, 3 чашки с блюдцами и кастрюля. Однажды я без разрешения хозяйки сварила борщ на спиртовке. Хозяйка, конечно же, уловила запах пищи, однако, понимая, что мы тоскуем по своей кухне, она мне простила это. «Но впредь этого делать нельзя, – сказала она. – Могу вам найти квартиру». И нашла. Через неделю мы переехали в двухкомнатную квартиру с кухней и мебелью на Моцарта 64. Хозяева жили отдельно, и это было очень удобно. Радости нашей не было конца. Так началась наша парижская жизнь. Я готовила домашнюю еду для русских эмигрантов. Но кончались деньги, стало тяжело. Оставалось лишь 15 франков. Я написала объявление: «Мадам Чокай предлагает обеды из 3-х блюд. Стоимость 5 франков. Время обеда с 12 до 15 часов. Желающих прошу записываться заранее». Карманы уже были пусты. К 15 часам появился первый клиент. Я сказала, что на сегодня обедов уже нет, и надо записаться на завтра. Он согласился и попросил записать на завтра. Я записала и попросила заплатить деньги вперед. Клиент начал говорить, что он впервые сталкивается с таким, но тут появился Мустафа и заговорил с ним по-турецки. Оказалось, что мой клиент – бывший посол Ирана в России. Он дал мне 10 франков. Сдачи у меня не было, но он сказал, что сдача не нужна, так как завтра придет вдвоем с другом. Я была очень рада и сразу после его ухода побежала в лавку за мясом и другими продуктами.

В сентябре 1921 года цены на продукты были такими: килограмм мяса стоил 2,50 франка, помидоры – 60 сантимов,

капуста – 15 сантимов, картошка – 15 сантимов, литр молока – 90 сантимов, килограмм хлеба – 60 сантимов, яблок – 30 сантимов. Все вместе составило 5 франков 30 сантимов. Из этих продуктов я приготовила борщ, котлеты с картофельным пюре. И нам с Мустафой на обед хватило. Назавтра мы накормили своих клиентов и сами остались сыты. Наши блюда клиентам очень понравились. Затем они стали приводить своих знакомых, друзей. Бывало, что я готовила на 25 человек. Так мы начинали.

Я записалась в Париже в русский хор Мальчевского, пела на сцене театра Олимпия и в других театрах. Мустафа занимался французским, подружился с журналистами. Возвращаясь из театра, я готовила завтраки на следующий день или пекла блины. Мустафа чистил овощи, резал, помогал накрывать на стол.

Я стала уставать от бытовых забот и однажды заболела. В 1923 году Германия переживала сильную инфляцию. На 100 франков там можно было прожить несколько месяцев в хорошем пансионе. Узнав это, мы поехали в Германию, где пробыли 6 месяцев, а когда я выздоровела, вернулись в Париж.

В 1924 году в составе театра Доминова ездила в Италию, Англию. Мустафа работал корректором в газетах «Дни» А.Ф.Керенского и «Последние новости» П.Н.Милюкова. С 1923 по 1959 г. мы жили в Ножане.

В 1927 году Мустафа при редакторстве Зеки Валиди Тогана организовал в Стамбуле журнал «Жана Туркестан». С 1929 года наладил издание журнала «Яш Туркестан», его главным редактором стал сам. Журнал просуществовал до 1939 года, до начала Второй мировой войны. Из-за войны связь с подписчиками была потеряна и журнал перестал выходить. В 1940 году немцы оккупировали Францию. Жизнь осложнилась. В июне 41-го Германия напала на большевиков. В день нападения были арестованы видные русские эмигранты и заключены в замок Компьень. Мустафа Чокай был среди арестованных. Через месяц его направили в Германию переводчиком для работы с военнопленными.

В декабре 41-го он заболел и 27 числа того же месяца умер от тифа.

Хотела бы в своих записях упомянуть и о тех, кто не по долгу, а по искренней доброте своей сделали немало хорошего нам и другим. Еще до нашего приезда в Париж нашлись те, кто нам заранее помог советом о том, как нам жить в эмиграции: питаться,

лечиться, устроиться на работу и т.д. На бульваре Ланн один военный поддержал нас в первое время дешевыми обедами. Там я встретила тех, кто помог затем устроиться 1 июля солисткой в хор Мальчевского, а 14 июля я уже пела в казино Сен-Мало. Однажды мне предложили выступить с исполнением русских романсов. У меня не было вечернего наряда. Мне дали адрес русского посольства. В то время посла не было: бывший посол В.А.Маклаков добровольно сложил с себя полномочия, но вместе с сестрой продолжал проживать в здании посольства. Я обратилась к Маклаковой с просьбой подобрать мне вечерний туалет. Маклакова подвела меня к шкафу и предложила выбрать что-либо по моему вкусу. Я остановила свой выбор на нарядном черном платье, пошитом по модели Пуаре, однако подходящих туфель к нему не оказалось. Тогда Маклакова подыскала красивые туфли из черного сатина. Таким образом, я была хорошо одета и могла выходить на сцену. Однажды после выступления я решила вернуться домой на метро. У кассы ко мне подошла хорошо одетая пожилая дама и стала что-то говорить по-французски. Я не поняла. Тогда она повторила свою просьбу по-русски. Оказалось, что она потеряла портмоне с деньгами и просила купить ей билет на метро. Мы разговорились в дороге. Она оказалась дочерью известного русского оперного певца Александра Давыдовича Давыдова. Я, хоть и не знала его лично, но много о нем слышала. Он прославился прекрасным исполнением русских романсов. Нина Александровна рассказала мне свою историю. У нее были денежные затруднения: шесть месяцев не платила за номер в гостинице, и ей было отказано в дальнейшем проживании. И сейчас ей было негде ночевать. Мы тогда жили на авеню Моцарта, а она недалеко – рядом с площадью Этуаль. Я пригласила ее переночевать у нас. Она хорошо играла на пианино и обрадовалась, что могла бы стать моим аккомпаниатором. В какой бы нужде мы не жили, с нами всегда был инструмент. Мадам Нина Александровна с радостью приняла мое предложение. Так она более полугода прожила у нас. Она была мягким, бесхитростным человеком, но совершенно не умела обращаться с деньгами, ни тем более их зарабатывать. Привыкшая жить в Петрограде на широкую ногу в аристократической среде, здесь, в эмиграции, она по старой привычке сорила деньгами и не подумала об оплате гостиницы. В итоге ей пришлось продать все.

Осталась лишь в том, в чем была. Одета она была очень нарядно. Видно было, что она шила в дорогом ателье. Ей, как давней клиентке, дали в кредит модную одежду. И сама была красива. В 1921 году ей было 50. Благодаря своей красивой внешности она вышла замуж за одного петербургского аристократа, но тот через несколько лет оставил ее.

Нина и сама была из аристократической семьи, получила прекрасное образование и воспитание, свободно говорила на трех европейских языках. Но при этом была совершенно не приспособлена к жизни. И это меня порой ужасно раздражало. Несмотря на это мы сдружились, и были вместе до самой ее смерти. Во время оккупации она умерла в больнице от рака. Я вспоминаю ее с уважением. Благодаря ей я устроилась певицей в салон Аллы Поляковой. Мадам Полякова познакомила меня с великим князем Кириллом Владимировичем, Викторией Федоровной и другими лицами из царского окружения, а также со многими состоятельными парижанами и известными людьми Франции. До 1925 года я пела в салоне Поляковой и вплоть до моего поступления на радио я получала жалованье. В одном из французских салонов мне довелось познакомиться с известным деятелем культуры Сергеем Равинским. Ему не было равных в покрытии мебели лаком по китайскому методу. На этом он очень солидно зарабатывал до 1939 года и позже, при оккупации. Для нас его смерть была как гром среди ясного неба. Его жена и маленькая дочь остались одни. Я в долгу перед ним за его искреннюю помощь. У него дома часто бывали люди искусства. На встречи с ними он приглашал и нас с Мустафой. Не раз я выступала у него дома и мне аккомпанировали многие композиторы с мировым именем. Сережа Равинский помогал всем по мере своих сил и возможностей: советом, деньгами, устраивая на работу. Часто при мысли о нем вспоминаю поговорку «Мир не без добрых людей». Аллах всегда сводил нас с добрыми людьми, которые очень помогли нам, да и сейчас помогают.

В военное время пришлось заниматься только выживанием, отложив все остальное. За год я задолжала за квартиру 600 франков. Задумалась над тем, как заработать на пропитание. Пением уже было не заработать. Кому было нужно мое пение? К тому же не было никакого желания петь. Соседи предложили мне занимать для них очередь, чтобы отоваривать их продовольственные

карточки. Стали делиться и со мной своими продуктами. Иногда мне приходилось проделывать до четырех километров, чтобы принести им молока. За это мне тоже платили. Летом ходила покупать овощи, фрукты, цветы, а зимой – уголь. Мне помогали все. На кухне завела двух кур и петуха. Куриные яйца обменивала на картошку. Пшеницу привозили из деревень. Иногда я сама ездила в деревню. Однажды одна знакомая попросила меня сшить ей платье. Она была очень полная. Я никогда не шила и боялась испортить ткань. Сказала ей об этом, а она в ответ: «Ничего страшного, вот мое старое платье. Распори и сшей новое по его выкройке». Я так и сделала. Платье получилось неплохое. Знакомая осталась довольна. Так я научилась шить и стала принимать заказы.

В 1944 году уступила одну комнату пожилой больной женщине. Она была еще в силах ходить на черный рынок продавать кое-что по мелочи и тем кормилась. Постепенно она выздоровела. Город избавился от оккупантов и продавать на рынке стало не так опасно. Рынок даже расширился. Туда ходили американцы продавать вещи. Можно было купить все: бензин, шоколад, чай, сахар. Я пекла блины. Моя квартирантка носила их продавать в банки, типографии. Так мы сумели прожить до 1945 года.

Наступил 1945-й. Одна моя знакомая надоумила меня шить галстуки на продажу. Ее сын доставал парашютный шелк, а она кроила из него галстуки. Я посоветовалась со своей квартиранткой. Решили, что я буду прошивать галстуки на машинке, а мелкую ручную работу будет выполнять она. Однако наша первая продукция оказалась с браком и нам ее вернули. Мы долго мучились, не зная куда девать галстуки. Наконец, мы набили руку, первые 6 галстуков мы изготовили за 2 дня. После этого мы стали мастерами своего дела. Так мы проработали 7 лет на фабрике. Ушла с этой работы по болезни. Моя компаньонка уехала в Грецию.

В это время я обучала русскому языку одного американца, студента института восточных языков. Преподавала ему фонетику и разговорную речь. Разумеется, бесплатно. Он добился больших успехов и хорошо окончил институт. После себя порекомендовал меня одному австралийцу, который тоже стал брать уроки русского языка. Благодаря своему трудолюбию он окончил институт за 3 года. Таким образом, не имея педагогического

образования, мне удавалось добывать свой хлеб. Сейчас у меня 5 учеников, они уже хорошо говорят по-русски, неплохо читают и пишут.

Живу среди добрых людей. Аллах меня сводит с хорошими людьми, которые меня всегда поддерживают. Иначе я не могу объяснить, как мне удается жить в благополучии. Бог меня всегда спасает. И я этому верю.

1939 ГОД. ВОЙНА

Мустафа Чокай постоянно покупал билеты национальной лотереи и никогда ничего не выигрывал. Однажды он снова купил два билета. Продавщица дала ему билеты с двумя номерами, идущими один за другим. Вернувшись домой, Мустафа сильно расстроился, заметив это. На следующий день оказалось, что оба билета выиграли, каждый по 1000 франков. Он не поверил своим глазам. Мы получили выигрыш и сразу же приобрели печку. Тогда батареи не работали, в комнатах было холодно. Только на кухне было тепло: мы покупали уголь и дрова и отапливали одну лишь кухню. Мы и радио поставили там.

Днем и ночью Мустафа не переставал слушать радио, ловил разные волны, что-то записывал. Наш 5-тиламповый приемник иногда выходил из строя. Мустафа тогда нервничал, расстраивался как ребенок, сожалел о том, что как раз идет хорошая передача. Я же сидела молча, боялась даже кашлянуть. Он делал все, что мог, чтобы услышать передачу. Трудно передать все словами. Надо было видеть. Он ловил передачи то на длинных, то на коротких волнах, на турецком или немецком языках. Его страдания не оставляли меня равнодушной. Однажды я заявила: «Если ты не перестанешь так изводить себя, то я сломаю радио». Он попросил не делать этого и пообещал слушать радио спокойно. Ночные сирены тоже действовали на нас: надо было спускаться в подвал, а на дворе был холод. Приходилось сидеть во влажном помещении. От разных тревожных слухов в душе поселился страх. Правда, немцы не бомбили, но самолеты летали часто. Постепенно привыкли и к этому. Услышав звук сирены, сразу бросались в подвал и просили бога о спасении. Зима 1939

образования, мне удавалось добывать свой хлеб. Сейчас у меня 5 учеников, они уже хорошо говорят по-русски, неплохо читают и пишут.

Живу среди добрых людей. Аллах меня сводит с хорошими людьми, которые меня всегда поддерживают. Иначе я не могу объяснить, как мне удается жить в благополучии. Бог меня всегда спасает. И я этому верю.

1939 ГОД. ВОЙНА

Мустафа Чокай постоянно покупал билеты национальной лотереи и никогда ничего не выигрывал. Однажды он снова купил два билета. Продавщица дала ему билеты с двумя номерами, идущими один за другим. Вернувшись домой, Мустафа сильно расстроился, заметив это. На следующий день оказалось, что оба билета выиграли, каждый по 1000 франков. Он не поверил своим глазам. Мы получили выигрыш и сразу же приобрели печку. Тогда батареи не работали, в комнатах было холодно. Только на кухне было тепло: мы покупали уголь и дрова и отапливали одну лишь кухню. Мы и радио поставили там.

Днем и ночью Мустафа не переставал слушать радио, ловил разные волны, что-то записывал. Наш 5-тиламповый приемник иногда выходил из строя. Мустафа тогда нервничал, расстраивался как ребенок, сожалел о том, что как раз идет хорошая передача. Я же сидела молча, боялась даже кашлянуть. Он делал все, что мог, чтобы услышать передачу. Трудно передать все словами. Надо было видеть. Он ловил передачи то на длинных, то на коротких волнах, на турецком или немецком языках. Его страдания не оставляли меня равнодушной. Однажды я заявила: «Если ты не перестанешь так изводить себя, то я сломаю радио». Он попросил не делать этого и пообещал слушать радио спокойно. Ночные сирены тоже действовали на нас: надо было спускаться в подвал, а на дворе был холод. Приходилось сидеть во влажном помещении. От разных тревожных слухов в душе поселился страх. Правда, немцы не бомбили, но самолеты летали часто. Постепенно привыкли и к этому. Услышав звук сирены, сразу бросались в подвал и просили бога о спасении. Зима 1939

года была мягкой. Однако новый 1940-й выдался морозным. То гремел гром, то шёл снег. Снег был настолько обилен, что невозможно было выйти на улицу без высоких сапог с галошами. Морозы и снег держались вплоть до самого марта. Вода в трубах замерзала, туалетом из-за этого не пользовались. Бедному Мустафе приходилось ходить в Винсенский лес. Другие поступали также. Иные же складывали в пакет и бросали в чужие огороды. Мы часто вспоминали войну 1914 года. Тогда Мустафа был в Петрограде, а я в Ташкенте. Та война не была похожа на эту. Да и психология людей была иной. Фронт был далеко, и те, кто были в тылу, не испытывали страха. В этой войне фронта нет, никому не удастся спастись. Казалось, самолеты летали специально, чтобы убивать мирное население. Завоевывать народ таким диким и бесчеловечным способом, уничтожать целые нации – все это насилие. Переворот – тоже насилие, как впрочем и религиозные войны. Нацизм – тоже насилие. А если так, то как защитить свой народ без оружия? Да, расистские идеи француза Гобино вскружили голову Гитлеру. Невозможно предугадать, чем все это кончится. Я думала, что здесь мы и сгинем. Мустафа очень сильно сокрушался, что иностранцам не выдавали противогазы. В газетах печатались советы, как смастерить себе маски. Я решила сделать самодельные маски. Мустафа воспротивился, не дал снимать мерки. В газете также давались рекомендации, как уберечь продукты от заражения ядовитыми газами. Та небольшая сумма денег, накопленная нами, была уже истрачена. За квартиру не платили больше полугода. Газеты сообщали о скором введении карточек на продукты. Многие успели закупить еду впрок. Стало трудно купить чай и кофе. Пили в основном кипяченую воду. Я купила килограмм сырых зерен кофе, часть пожарила и припрятала. Чай достать было совсем невозможно. Союзники устроили блокаду Германии. Немцы стали топить их корабли. Советы помогали немцам продовольствием. Французам они не помогали. Политика вызывала сомнения. Да и война шла как-то смехотворным образом. Французские войска укреплялись за линией Мажино. Сталин и Гитлер оказывали давление на Польшу, затем поделили ее между собой. Чувство страха у Мустафы росло. Политическая ситуация становилась непонятной. Многое оставалось загадкой. Мустафа, будучи политиком, много думал, анализировал текущие события. Увлекся истори-

ей. Часто ходил в Парижскую национальную библиотеку., много читал и рассказывал мне прочитанное. Я особо не вникала в то, что он говорил. Зима 1940-го заставляла нас чаще сидеть дома, беседовать. Я вязала шарфы солдатам, воюющим на фронте. Мустафа много читал, и когда по радио не было концертов, читал вслух. Однажды речь зашла о Макиавелли, о его взглядах на политику.

– Когда анализируешь опыт, обнаруживаешь, что отношения людей между собой совсем не такие, как думаешь первоначально. Это надо помнить всегда, ибо забыть это равносильно смерти. Люди по природе своей коварны и порочны... У Гитлера и Сталина много недостатков. Они оба – злодеи. Я ломаю голову над тем, кто из них возьмет верх. И в политике, и в коварстве они не уступают друг другу. Один – нацист, другой – марксист. Если им вздумается объединить усилия и править миром, то мир захлебнется в крови. Сталин – отец всех народов, Гитлер – отец немецкой нации. Их дружба носит временный характер. Как же французы не поймут, насколько Советы опасны для них? Что, они лишились рассудка? Говорят, что Торез перешел на сторону немцев? Ты этому веришь?.. Так вот, далее Макиавелли говорит, что, изучая разницу между плохим и хорошим, можно заключить, что во все времена, хорошие дела правительств и правителей никогда не остаются в памяти; напротив, их недостатки предстают в памяти в больших размерах, чем они были на самом деле. Человеку, посвятившему себя руководству народом и сумевшему это сделать, всегда делаются поблажки. Правда и право подчиняются силе...

– Так что же тебя беспокоит? К чему искать ответ? Ты же сам только что читал: человек по натуре коварен и не без недостатков! Так было всегда, так есть и так будет.

– Меня пугает все, все.

– Макиавелли и в самом деле груб. Но в то же время он хорошо знал человека, его психологию. Так же как Достоевский исследовал человека, изучая то, что было дано ему Богом изначально, Макиавелли изучал истоки плохого в человеке. Он объяснял, что всякий, делая какое-то дело, преследует при этом или свои цели, или же делает что-то от страха.

– По моему мнению, в человеке ничего не меняется. Вот и Америка вроде как готовится к войне. Если так, то войне скоро

конец. Многие летят в Америку через Португалию. Если бы даже у меня была возможность, я отказался бы ехать в эту страну.

— Почему?

— По моему, это неправильно. Для меня оставить страну, давшую мне политическое убежище, все равно что покинуть родину.

— Ты же обиделся на французов за то, что они не дали протигазы.

— Я не такой как они.

Так мы прожили до осени. Часто спорили. Он обычно проводил время за чтением Корана и Библии, сравнивал их. Говорил, что Пророк Мухаммед в своем учении заимствовал многое из Нового Завета. То есть то, что пишут в Библии, есть и в Коране. Мустафа очень сожалел, что не знал арабского и читал Коран в переводе на французский, хотя имел его и на арабском языке.

* * *

Вести с фронта были тревожными. Участились налеты военной авиации. Слухи среди населения ходили самые разные, некоторые уезжали на юг. Немцы неожиданно перешли линию Мажино и оккупировали Бельгию. Мы узнали, что они направлялись к Парижу. Жители стали покидать Париж. Это было ужасное зрелище. Мустафа решил поехать в Париж и узнать, что делают украинцы, грузины и азербайджанцы. Тем временем мы узнали, что многие из них купили билеты на автобус в Бордо и не оповестили об этом нас. Когда я спросила у Мустафы, что мы теперь должны делать, он ответил: «В любом случае я сдам архив в камеру хранения и останусь в Ножане». Начался массовый отъезд из города. Люди уезжали кто на чем. Все это вселяло тревогу. Город опустел. Магазины были бесхозны. Их владельцы уезжали, оставляя все. Можно было брать, все, что захочешь. Военные избавлялись от своей формы и просили продать им гражданскую одежду. Дороги были перекрыты, а из-за отсутствия горючего автотранспорт стоял на дорогах. 1 мая Муссолини объявил войну Франции. Итальянские самолеты стали стрелять в беженцев. 13 мая в Ножане появились немцы. Париж был объявлен беззащитным городом. В Винсенском лесу была выставлена охрана.

Никто ни пешком, ни на транспорте не имел права проезда. Лес был захвачен моторизованными частями. В городе с 8-ми вечера до 5-ти утра шли боевые действия. Мы, конечно, не двигались с места и ждали, чем это закончится. Но нас никто и не тронул.

Понемногу люди стали возвращаться. Они потеряли все, что не смогли унести с собой. Были рады, если их жилье сохранилось. Немецкая армия состояла из рослых, хорошо сложенных и красивых молодых людей. Француженки быстро влюблялись в них. Отношение военных было учтивым. Раздавали детям шоколад и карамельки. Матери старались делать все, чтобы отвратить от них детей, боялись, что сладости могут быть отравлены. На рынках и в магазинах солдаты оплачивали стоимость покупок. И это ввергало в изумление французских продавцов. Солдаты занимали только пустующие здания. Если даже в таких домах как наш или других больших зданиях были пустующие квартиры, они их не занимали.

Началась проверка продовольственных карточек. Ежедневная норма хлеба составляла 200 грамм на человека, масла – 10 грамм, мяса и картошка – по 50 грамм, в неделю раз выдавали 1 яйцо, но даже их мы вскоре перестали получать. Овощей не было и в помине. Молоко выдавали только детям. Жить стало тяжело. Вокруг зияли пустующие здания. Париж опустел.

В этой ситуации мы все стали дружнее, поодиночке никто никуда не выходил, даже боялись громко разговаривать. Мустафа молча слушал лондонское радио. По утрам ходили за молоком, из-за четверти литра приходилось проделывать 6 километров. Сигналы тревоги больше не раздавались. Спать стали спокойнее. От тишины не знали, куда себя девать. По ночам стали сниться кошмары. Проснувшись, мы спрашивали друг у друга, что видел каждый, и радовались, что это был лишь сон. Мустафа во сне часто видел свой аул, разговаривал с покойным братом, прятался от преследовавших его большевиков. Просыпался он в кошмаре: ему снилось, что ему не удается спрятаться от большевиков и его подвергают различным пыткам. После таких ночей он впадал в глубокую задумчивость. Часто говорил, что хотел бы знать, где сейчас находятся его близкие; рассказывал, кто, по его сведениям, еще жив, кто умер. Очень переживал, так как уже двадцать лет не виделся с родными.

* * *

Я видела сон и записала его. Будто бы мы с Мустафой где-то заблудились. Очень скользко и мы не можем сделать ни шагу. Я предлагаю ему идти вправо, а он меня тащит в сторону туннеля. Вижу, что он уперся в тупик. В итоге я его теряю из виду. Я проснулась в слезах. Увидев, что он рядом, очень обрадовалась. Через год потеряла его навсегда.

Из-за войны он приостановил работу. До этого он работал без устали, всегда в спешке. А теперь он был свободен, но не мог написать даже письма или же встретиться с кем-нибудь. Он не находил себе места, злился, что приходится сидеть дома. «Когда это кончится?» – вопрошал он. В очереди за продуктами познакомился с одним человеком. Он по службе часто бывал в Виши, считавшимся «свободной зоной». Он предложил Мустафе услуги почтальона, чем сильно обрадовал его. Так он получил возможность время от времени посылать письма в Турцию и Швейцарию.

Однажды осенним утром к нам явился молодой человек лет двадцати. Смуглый, приятной внешности, видно, что южанин. Мустафа говорил с ним по-узбекски. Он оказался туркестанцем, живущим в Берлине. Прежде о нем я не слышала. Мустафе он также был незнаком. Однако от коллег он слышал об одном бухарском узбеке, который работал в Берлине на гестапо и издавал журнал на немецком языке о Туркестане. Друзья предупреждали Мустафу, чтобы он не сближался с этим узбеком, так как он состоял на службе у немецкой полиции. И вот этот молодой человек прибыл к нам из Берлина. По-русски он не говорил. Говорил с Мустафой по-узбекски. И хотя я тоже была на кухне и присутствовала при их разговоре, не стала ни во что вмешиваться. Да и по-узбекски я говорила не очень хорошо. Заметила только, что Мустафа вел себя с ним несколько отчужденно, не как обычно при разговоре с другими.

Было утро, и мы сидели за чаем. Я удивилась, что Мустафа не пригласил его к столу. Не в моих привычках было предлагать что-либо тем, кто приходил к Мустафе по работе. Молодой человек пробыл у нас около часа и ушел. После его ухода спросила, кто он и зачем приходил. Мустафа пытался избежать ответа, и я не стала настаивать. И все же я заметила, что он

сильно чем-то озабочен. Судя по тому, что он тяжко время от времени вздыхал, поняла, что он вынужден искать ответ на какой-то вопрос. Я ему ничего не сказала, не стала ничего спрашивать. Из своего опыта я знала, что в таких случаях не стоило беспокоить Мустафу расспросами. Придет время, и он все скажет сам. Через две недели молодой человек снова появился у нас. Был апрель месяц. Они некоторое время пробыли в рабочем кабинете, затем Мустафа проводил его до двери.

Мустафа не назвал мне его имени. Сказал только, что он был послан из Берлина, и что Мустафе предложили поехать туда. Решения он пока еще не принял, надо посоветоваться. Не помню, какой ответ ему дал Мустафа. Боясь остаться без него в это смутное военное время, я не хотела, чтобы он уезжал. Мустафа долго думал, прогуливаясь по берегу реки Марн. Зачем же он понадобился немцам?

– Как же этот узбек ничего тебе так и не сказал? Этого быть не может, – сказала я.

– Он работает в полиции. Пусть хоть и в малом чине, но состоит на службе у немцев. Я его совсем не знаю. Что мне могут сказать в Берлине? В любом случае, ситуация не из простых. Если я им нужен, то они даже не посмотрят на то, что я скажу «нет». Тогда арестуют нас обоих. Если они ждут моего приезда, значит они в чем-то рассчитывают на меня. Пока же я передал через этого узбека письмо для профессора фон Менде. Просил профессора уточнить причину вызова и сообщить мне.

Через несколько дней пришло письмо от профессора фон Менде. Мустафа поехал в Берлин и через неделю вернулся. Мне сказал, что все уладил. На этом он успокоился.

В мае 1940 года немцы стали проверять всех, кто имел персональный ящик в банке. Вызвали и нас с Мустафой. Открыли ящик. Там, кроме архивных бумаг, никаких ценных вещей не было. Немцы искали золото, ничего другое они не трогали. У нас также были облигации военного займа на 15 тысяч франков. Немцы даже не взглянули на них. Мы забрали с собой «ценные вещи». То, что мы сходили в банк, было на пользу. Теперь немцам было ясно, что у нас ничего за душой нет. В жизни у нас не было больших денег. Решили продать облигации военного займа. Банк купил их за полцены. Мы были рады этому и воспряли духом. Теперь у нас

были деньги, а до этого мы жили только на продовольственные карточки.

Однажды Мустафа привез деревенскую курицу. Мне она показалась дохлой. И все же мы ее сварили. С нами ничего не случилось. Благодаря своей воспитанности и обаянию Мустафе удавалось достать то банку варенья, то еще что-нибудь. Однажды он принес трех живых цыплят. Кормил их хлебными крошками со стола. Я держала их шесть месяцев. Цыплята выросли. Один оказался петухом, а двое курами. В доме появились яйца.

Мустафа словно больной буквально припадал к лондонскому радио, чтобы слушать новости. Нервничал, если хоть на минуту опаздывал с прослушиванием. Немцы изощрялись во всем. Я удивлялась тому, что Мустафе удавалось спокойно слушать все это. Особенно беспощадным был немецкий военный флот. Они потопили много английских судов. Они считали, что у англичан нет торговых кораблей. В 1940 году англичане нас с воздуха не атаковали, только предупреждали о полетах английских военных самолетов. Считалось, что шла война, на самом же деле военных действий как таковых не было.

Пошли слухи о том, что составляют списки евреев. Многие из евреев стали принимать протестантскую или католическую веру. На дверях магазинов вывешивались списки. По фамилиям стали выявлять национальность. Многие стали перебираться в свободные от оккупации районы. Сами немцы за деньги помогали евреям скрыться.

В период военных действий 1939 года нас стали беспокоить телефонными звонками. Говорили всякую чушь, делая вид, что нас не знают. От этих «шуток» Мустафа решил избавиться и сменил номер телефона. Добился также, чтобы наш номер изъяли из телефонного справочника. После этого нас перестали беспокоить по ночам и рано утром. Мы дали номер телефона только своим знакомым и попросили без нашего разрешения никому его не давать. Сами мы из соображений экономии тоже редко звонили. Тем более не вели разговоров о войне и военных действиях. Не отвечали, если даже другие заводили об этом разговор. В Париж тоже почти перестали ездить. Автобусы ходили редко. Немцы меняли их на газогенераторы. Что это означало, я объяснить не могу. Такси исчезли. Зато появились велотакси. Вооруженные

мужчины и женщины приспособили свои велосипеды для перевозки людей и стали брать по 10 франков, чтобы довезти до ближайшей станции метро. Поначалу это было экзотично, но затем и мы стали пользоваться их услугами, хотя предпочитали ходить пешком.

Велотаксистов развелось так много, что они перехватывали друг у друга пассажиров, стали занимать очередь. Зарабатывали неплохо. Черный рынок расширялся с каждым днем. Имея деньги, можно было купить все. Этим занимались в основном немцы. Французы им помогали. Открывали склады для проверки, а затем все шло на продажу. Проверяли и вагоны. Были случаи доносов, людей арестовывали. Воры торговали дефицитным товаром. Некоторые даже стыд забыли, желая заработать. Люди смотрели друг на друга волком. Бедных евреев грабили беспощадно. Они готовы были отдать все, лишь бы избавиться от жутких желтых звезд. Их заставляли носить звезды на груди и на рукаве. В метро евреям разрешалось ездить только в последнем вагоне. Мы с Мустафой тоже садились в последний вагон. Мустафа ничего не имел против евреев. Его пугало слово «жид». Спившийся русский аристократ Бахметов за деньги обращал евреев в христианство. Я встречала многих, кто прятал месяцами евреев у себя дома, делясь с ними продуктами, купленными на свои продовольственные карточки. Среди русских тоже встречались разные люди. Некоторые искали выгоды, другие помогали бескорыстно. И евреи, спасавшиеся от беды, были разными. И немцы попадались хорошие. Я знала русских евреев Ножана, они не носили желтых звезд. И немцы, зная это, ничего не говорили. Ходили делать покупки в их магазины. Во французские магазины не ходили, так как евреи хорошо говорили по-немецки. Эти евреи при немцах разбогатели. Немецкая марка равнялась тогда 20 французским франкам, и все же евреи продавали свой товар в два-три раза дороже. А немцы, даже не торгуясь, покупали непроданные на парижской выставке сувениры. Они были рады, когда продавец говорил по-немецки. Мы были свидетелями разных сцен, но обо всем не расскажешь.

Мустафа часто уходил куда-то. Никто об этом не знал, так как мы сторонились людей. Лишь одна я знаю о том, что я переживала, когда Мустафы не было рядом. Меня могут понять только те, кому довелось потерять своих близких во время войны. Однажды он мне сообщил о том, что познакомился с одним

упущенное. Да, в Советском Союзе немало тех, кто недоволен существующим режимом. Но и политика немцев русским тоже не по душе, – сказал я. То есть я им сказал правду, как она есть. Прощаясь, он поблагодарил меня. И еще он сказал, что его интересует мое мнение о туркестанских солдатах. Я ответил, что я не встречался с солдатами из Туркестана, я лишь видел на страницах французских газет фотографии тех, кто погиб на финском фронте. Так я и не понял, то ли они погибли от морозов, то ли были убиты. Точно знаю, что нет отдельных формирований из числа туркестанцев. Советская армия – смешанная по национальному составу. О их воинском духе могут сказать только их непосредственные командиры. Сам не прочь встретиться и поговорить при случае с туркестанцами. Хочу знать, насколько я был прав или не прав в своих записях о своем народе. Я сейчас от них далеко. Мои предположения сделаны на основе анализа материалов советской прессы. Знаю также, что мои журналы доходят до моей родины, что есть там и те, кто точат зуб на меня. Судя по всему, я, видимо, задел их за живое. Из-за войны мне приходится молчать. К тому же устал, выдохся. Если и дальше будет так продолжаться, не мудрено и свихнуться.

– Ты и без этого носишься со своим радио. Вот и сейчас, как вернешься домой, опять примешься крутить ручку.

– Именно. Это прекрасная возможность, но если я ее буду лишен, вряд ли я смогу жить!

– Будешь без конца крутить ручку, радио тоже может выйти из строя.

– Ты права. Починить радио или найти нужную лампу невозможно. Все конфисковано.

Мы беседовали только во время прогулок. Дома Мустафе было некогда говорить со мной: он писал, читал, слушал радио.

ВОЙНА С СОВЕТАМИ

Было воскресенье. С утра было душно. С вечера радио не работало. Мустафа расстроился, полагая, что это теперь надолго. Жалел, что не починил радио раньше. Мы с Мустафой решили поехать в Париж, пообедать в русском ресторане и попить кофе. Слышали, что настоящий кофе подают в кавказском ресторане.

Оделись легко. Впервые с начала войны я надела белое платье, Мустафа надел светлую фланелевую рубашку.

Едва мы вышли на улицу, как к нам подбежал сосед-француз: «Мсье Мустафа, как вы думаете, кто победит? Немцы или Советы?»

– Не пойму, что вы хотите этим сказать?

– Как? Вы не знаете, что немцы объявили войну против Советского Союза?

– С чего вы это взяли?

– По радио сказали.

– Я сегодня радио не слушал. Радио у нас сломалось. Это правда, то, что вы говорите?

– Да, правда. Прочитаем в дневных газетах.

Не дослушав француза, мы побежали к автобусу. Мустафа не смог скрыть своего удивления. Всю дорогу он повторял: «Молодые взяли верх. Мы тоже должны определиться».

– О чем это ты говоришь?

– Надо бы собраться, поговорить. Но как я их всех найду?

Я поняла, о ком и о чем он говорил, но не хотелось выражать это вслух. Судя по всему те, кого он искал, разъехались. Я не придавала значения тому, что уже было. А то, что будет, и без того случится и никто не в силах это изменить. Я уже привыкла полагаться во всем на волю Аллаха.

Мустафа разволновался так сильно, что и я, сидя рядом, стала испытывать дрожь. Я лишь растерянно повторяла: «Глядя на тебя, люди могут подумать, что ты сошел с ума». Мое спокойствие его выводило из себя. Он стал что-то выводить рукой в воздухе. Всегда, пытаясь что-то вспомнить, он вел себя таким образом.

К 12 часам подошли к дверям ресторана. Посетителей еще не было. Два армянина на своих национальных инструментах играли кавказские мелодии. Мустафа сделал заказ и пошел купить газеты. Мы стали увлеченно читать. В это время к нам подошел владелец ресторана, грузин, и стал откровенно расспрашивать о войне: «Как вы думаете, что теперь будет?». Мустафа вместо ответа напомнил смешной анекдот, бывший очень популярным в 14-18 годы: «Ничего не будет. Телеграмма будет.» Все кругом засмеялись. Со стороны кухни послышались громкие голоса. Какая-то женщина ругала немцев и припугнула их русскими. Не поняв, почему мы смеялись, какая-то другая женщина бросила: «Рано

еще смеяться!». Грузин сказал ей что-то на своем языке. Мы пообедали и стали ждать кофе. Наконец принесли кофе, но он оказался ненастоящим. Мустафа рассердился. «Деньги берут за настоящий кофе, а подают суррогат.» Ушли из ресторана расстроенные. Направились к метро. Как назло, станция была закрыта. Из соображений экономии немцы закрыли несколько станций. Мы молча шли по городу, злые, что в такой жаркий и душный день приходится столько терпеть. Вообще в тот день нам не везло. При выходе из метро Мустафа поскользнулся и испачкал брюки. В спешке споткнулся и упал на автобусной остановке. Люди на остановке засмеялись, хотя ничего смешного в этом не было. Мне стало жалко, что он больно ударил ногу. Он на меня рассердился. С трудом добрались до дома. Мустафа залез сразу в ванну, затем принялся, сидя в кресле на кухне, читать «Войну и мир» Толстого. Я тоже приняла душ. Было примерно три часа пополудни. Я была в халате. На лестничной площадке услышала топот мужских сапог. Никак солдаты? Позвонили к нам. «Кто там?» «Это квартира Чокая?» – спросили меня вместо ответа. Я поспешила на кухню: «Что делать?» «Открывай!» – сказал Мустафа. Я переоделась. В дверь снова позвонили. Мустафа стал переодеваться. Я приоткрыла дверь. Стояли трое в немецкой форме. Один из них сразу же просунул ногу между косяком и дверью, оттолкнул меня и все вошли.

Я растерялась. Мустафа сказал, чтобы я не волновалась, что он скоро вернется. «Это обычная проверка документов. Проверят и отпустят» , – сказал он. Я стала собирать вещи Мустафы, переходя из комнаты в комнату. Один из немцев ходил за мной по пятам. Я спросила: «Почему нас арестовывают, ведь мы не большевики?». Он ответил, что таков приказ и что они сами не знают причины ареста. Я заплакала, не смогла удержать слезы. Мустафа оделся легко. На улице было жарко. Я с трудом уговорила его взять пальто. В карман положила тысячу франков. Мы даже не поцеловались. Они ушли. На углу ждал автомобиль с другими арестованными. Сердце у меня упало будто что-то вынули из груди. Дни и ночи я проводила в ожидании. Мустафа не возвращался. Не знала, где его искать. В Ножане жили русские семьи. Никого из них не тронули. Стали арестовывать итальянских, испанских и еврейских коммунистов. Так прошло несколько дней. Вестей все не было. Обошла все

тюрьмы Парижа. Никто из немцев так и не сказал, куда упрятали Мустафу. Случайно узнала, что арестованных русских держат в замке Компьень. Утром поехала в Компьень. Замок находился далеко от станции. Вместе с другими женщинами, несшими вещи и продукты, пошла и я. Мы подошли к колючей проволоке и стали заглядывать в щелки деревянного забора. Ничего не видно. Дальше нас не пускают. На передаче надо написать фамилию адресата. Кафе напротив переполнено. Все что-то пишут. Бумаги у меня не было. Передала маленький чемоданчик с бельем и вернулась домой. Хоть и не удалось точно установить, там ли Мустафа, я все же была рада, что есть хоть какая-то ниточка. Назавтра снова поехала в Компьень. Хоть бы издалека увидеть его. Но на этот раз даже не разрешили приблизиться к воротам. Я стала писать записку, но ее не приняли. И от него нет никакой весточки. Так прошло две недели. Была в полном неведении.

Соседям не стала говорить об аресте мужа. Русские соседи к нам не заходили. Даже на улице делали вид, что не замечают. Я тоже их избегала. Спустя две недели получила письмо, написанное Мустафой 23 июня, то есть на следующий день после ареста. Оно шло ко мне две недели. Прошла еще неделя. Однажды вечером, примерно в шесть, в дверь позвонили. Открыла дверь и увидела Мустафу. Это было такой неожиданной радостью. От растерянности потеряла дар речи.

– Это ты?.

– Да, я. Почему ничего не написала? – Это были его первые слова. – Я сильно переживал за тебя. Боялся, что ты заболела.

Мустафа осунулся, почернел. Совсем стал чужим. Нет и следов прежнего Мустафы. Впечатление такое, что в мыслях он там, откуда вернулся, и вернулся ненадолго. Я сказала ему об этом. Приготовила ему ванну.

«Там была возможность ежедневно принимать душ. Я познакомился со многими людьми. Наше пребывание было интересным, интеллектуально насыщенным. Меня отпустили на два дня, чтобы подготовиться к поездке в Германию. Мне предстоит заняться переводом обращений моих соотечественников. Времени мало. Кроме того, мне надо кое-что набросать. Поэтому не мешай мне, Мусинька, – сказал он торопливо. – Немцы предложили мне выступить по радио, но я со всей определенностью ответил, что

ничего не предприму, пока не встречусь с пленными соотечественниками. В лагере я должен буду читать лекции о Туркестане. По этой причине немцы разрешили мне действовать по моему усмотрению. Мне дали массу поручений. Ты меня не отвлекай по разным мелочам. Я очень устал и волнуюсь перед встречей с соотечественниками. Смогу ли я найти с ними общий язык? Молодые ничего не знают ни обо мне, ни о моих работах. При этой мысли я очень волнуюсь.

Пообедали. Он прошел в свой кабинет и всю ночь что-то печатал на машинке. Несколько раз я ему напоминала о сне, но он меня и слушать не стал. Рано утром принял ванну и уехал в Париж. «Не переживай, не звони, к ужину не жди», – предупредил он. Вернулся поздно и вновь принялся печатать на машинке. Не было ни малейшей возможности поговорить. Стала собирать его в дорогу. От теплых вещей отказался, полагая, что скоро вернется. Уехал в летней одежде.

«Самое большее я пробуду месяц. Не надо класть много вещей. Носить тяжелый чемодан некому», – сказал он.

Бедный мой Мустафа, он и не предполагать не мог, что больше никогда не увидит ни меня, ни любимую Францию. Для связи он дал мне адрес Вели Каюма и просил присылать открытки. «Я тоже буду посылать тебе открытки. В военное время это лучше чем письма».

В шесть утра за ним на автомобиле приехали двое военных. Мы быстро попрощались. Он вышел. Я подбежала к окну. На углу площади он мне сделал знак, что любит меня и помахал рукой. Машина уехала. Больше я его живым не видела.

* * *

Дни мои проходили в ожидании его писем. Приходили они редко, и по содержанию были похожи друг на друга. «Пока нахожусь в Берлине. Жду разрешения. Через три дня иду в полицию...». «У меня все хорошо, я все еще здесь...». «Не удается встретиться со знакомыми. Они все заняты. Только я один свободен. Не переживай, сказали, что мне скоро в дорогу...».

Он выехал из Берлина только после августа, пробыв там в ожидании 6 недель. В это время ко мне в Ножан приходили

военные и спрашивали Мустафу Чокая, а я им говорила, что он в Берлине. Об этом я Мустафе писала: «Хоть ты в Берлине под надзором военной полиции, здесь тоже военная полиция ищет тебя. Ко мне уже приходили дважды».

Однажды Мустафа прислал открытку: «Узнай, кто освободил доктора Чекунова?». Я обратилась к его бывшей жене Н.А.Алексеевой и узнала, что он в тюрьме Столар 102.

Затем долго не было вестей, и я решила, что Мустафа покинул Берлин. В ноябре Мустафа с оказией передал письмо. В нем он писал о душераздирающих мучениях военнопленных. Эти несчастные, невинные люди подвергались оскорблениям. За малейшую провинность их расстреливали. Мустафа писал о том, как ему больно за них, как он умолял немцев их пощадить. Ему удалось спасти 35 мусульман, приговоренных к расстрелу только за то, что они как евреи прошли обряд обрезания. В лагерях началось людоедство: оголодавшие ели легкие и сердце умерших. В лютый мороз они рыли руками ямы, спасаясь от дождя и снега. Мустафа испытывал страшные муки, от того что был бессилен. «Лучше умереть, чем видеть такое», — писал он. Были вещи и похуже. Видя как немцы издеваются над пленными туркестанцами, русские военнопленные не давали туркестанцам ни куска хлеба, ни табака. Особенно потрясен был Мустафа проделками одного русского по фамилии Богданов. Мустафа не выдержал и написал письменный протест: «Вы немцы, считаете себя самой цивилизованной нацией в Европе. Если вы считаете культурой, то, что вы проделываете с пленными, то я вам желаю испытать все то, что испытывают они. В XX веке вы в своих злодеяниях превосходите Чингисхана, жившего в XIII-м». Письмо это он вручил одному офицеру СС, который, прочитав его, сказал Мустафе: «Ты высказался очень прямолинейно, но не слишком ли?». На это Мустафа сказал: «Если вы из-за этого прикажете меня расстрелять или повесить, то я готов к этому. Чем жить в таком «цивилизованном» обществе, лучше умереть». Мустафа потерял сон, пребывал в полной апатии.

Он просил уничтожить письмо сразу после прочтения. И я в присутствии человека, передавшего письмо, дважды прочитала и сожгла его.

Через одного знакомого из Полтавы я получала открытки Мустафы, которые он отправлял из Сувалки и Ченстохова. В

своем последнем послании он написал о том, что в лагерях вспыхнула эпидемия тифа.

«Моя встреча с туркестанцами изменила многое. Она подтвердила, что я был точен в своих прогнозах. Среди пленных встретил близкого родственника. По возвращении постараюсь забрать его к себе домой. Мне кажется, что мои обращения к руководству возымели действие. Работы много. Я один не успеваю. Нужен помощник. Надо успеть до того, как закроют лагеря на карантин», – писал он мне позже.

Однако он не успел. Ему пришлось две недели быть в Ченстохове в период карантина. 19 декабря 1941 года он с температурой 40‘ был переправлен в Берлин. Вызвали доктора, профессора Руднева, но он не смог поставить точный диагноз; предположительно сочли, что он заболел тифом и отправили в больницу. Мустафа очень просил переправить его в Ножан, но никто его не послушал. Все это я узнала позже от Н.И.Знегеля, который видел Мустафу. Мустафа, по его словам, рассказал Знегелю, что умолял переправить его во Францию, надеясь, что дома он скорее поправится. Его мучили боли в области живота. Ранее в России он уже однажды болел тифом, но тогда его мучили головные боли. Поэтому был уверен, что на сей раз это был не тиф.

В больнице Мустафа без сознания пролежал 7 дней. Ему давали всякие лекарства. 27 декабря в 18.30 медсестра сделала ему укол и спросила у Мустафы, не хочет ли он чего-нибудь. Мустафа сказал «спать» и потерял сознание. Больше он не проснулся.

25 декабря ко мне явился один немец, военный, и сказал по-французски, что мне необходимо собираться в дорогу, так как муж находится в тяжелом состоянии в больнице. 26 декабря в 10 часов вечера в сопровождении двух немцев выехала в Берлин. В Берлин мы прибыли 27 в 9 вечера. На вокзале меня встретил калмык Шамба Балинов: «Мария Яковлевна, готовьтесь к худшему». Сердце мое замерло: «Что, убили?» – спросила я. «Нет, – ответил он. Час назад Мустафа умер от тифа». Теперь мне не терпелось скорей увидеть мужа.

Шамба Балинов познакомил меня с каким-то полковником. Имени не помню. Военный. Хорошо говорит по-русски. Я собралась сказать ему, что хотела бы поскорее увидеть мужа, но он тут же, не дав мне рта раскрыть, взял под руки и стал

говорить, что я в Берлин прибыла незаконно и что мне следует быть осторожной. «Сейчас я вас устрою в гостинице, поужинаете и никуда без разрешения не выходите. За вами придет человек, и с ним вы пойдете туда, куда пожелаете» – добавил он.

Долго ехали через туннель Потсдамского вокзала, прибыли в гостиницу «Эксельсиор» и на лифте поднялись в номер с ванной. Шамба Балинов шепнул мне: «Это очень важная персона». Меня подвели к регистритуре, где выдали карточку на немецком языке. Полковник вежливо попрощался и ушел. Когда я осталась одна с Шамбой Балиновым, я засыпала его вопросами. Но он особо вразумительных ответов мне на них не дал. Его не было рядом с Мустафой, только приехал. Узнав, что я приезжаю, вызвался встретить меня. Я была очень тронута. И я никогда это не забуду.

Наконец ушел и Балинов, и я осталась совсем одна. Мне казалось, что я не одна, и рядом есть кто-то. Я ощущала, что кто-то давал мне силы и успокаивал меня. Легла. Свет оставила включенным. То ли во сне, то ли наяву, но мне послышался голос Мустафы. «Крепись, Мусинька. Ничего не предпринимай, все равно ничего не изменишь. Что предопределено богом, то и будет. Я с тобой». Открыла глаза. В комнате светло. Услышала чьи-то шаги, направлявшиеся к ванной. Соскочила и побежала в ванную. Она находилась между двумя комнатами. Соседняя комната была заперта на ключ, а ключ был в двери. Решила дверь открыть. Оказалось, что ее подперли шкафом. Прислушалась. Никого. Комната пуста. Меня обуяла тревога. Не раздеваясь, легла. Среди ночи меня разбудила дежурная по гостинице. Окно другой комнаты осталось открытым, и свет падал во двор. Она что-то стала говорить мне по-немецки, но я ничего не поняла. Затем она ушла.

Мне приснился сон. Мустафа говорит мне: «Я нашел в пижаме три вши. Сколько я ни просил заключенных не приближаться ко мне, они все равно обступали меня, стояли очень близко. Видать я и завшивел. Но ты не беспокойся. Не плачь. Сейчас мне хорошо. Только читай!». Стала уточнять, что же мне читать, но тут я проснулась. Утром в 10 вчерашний немец пришел снова. С ним были еще двое немцев. Я сказала им, что хотела бы увидеть тело Мустафы. Рассказала им сон. Они мне сказали, что пока увидеть тело Мустафы невозможно. Надо немного подождать. Передали

мне вещи Мустафы в двух чемоданах. Это было 28 декабря. Сказали, что я могу заказывать все, что хочу из еды. Одна я выйти в город не могу. Сопровождающего нет. С утра до вечера сидела в гостинице и перебирала вещи Мустафы. Несколько книг, среди них Библия с его пометками. Вспомнив, что во сне он мне советовал читать, начала читать. Ничего важного не обнаружила. Нашла записку в маленькой книжке Салтыкова-Щедрина. Вот книга Мисквича. Папка со списками военнопленных с указанием фамилий, имен, лагерных номеров. На мой взгляд, они тоже не представляли особой ценности.

30 декабря ко мне пришли русские женщины, проживающие в Берлине. Неделю назад они видели моего мужа. Узнав, что он умер, стали плакать. И я с ними.

31 декабря пришел Каюмхан и с порога заявил, что идем в морг. Поймали такси. Приехали в больницу «Виктория». Я вбежала в широкий двор больницы. Каюмхан едва поспевал за мной. В конце двора находился морг. Он размещался в подвале в полтора этажа. Внутри очень светло. За стеклянной перегородкой в деревянном гробу лежал Мустафа. На нем была шелковая пижама. Лицо накрыто белой салфеткой, руки сложены на груди. Будто бы спит. Лицо мне показалось помолодевшим. Он действительно производил впечатление спящего, а не умершего. Напротив, у стены – крышка гроба. Я привезла из Парижа Коран, тюбетейку и чалму. По мусульманскому обычаю тюбетейку и чалму надели на голову, а Коран положили Мустафе на грудь. Каюмхан и я с полчаса побыли в морге. Я хотела подойти к гробу и попрощаться с Мустафой. Но служитель мне в этом отказал. Назавтра решила снова придти в морг. Но на следующий день мне вновь не разрешили попрощаться с Мустафой. Я не поняла почему.

Новый 1942 год я встретила в гостинице вместе с дагестанцем Кантемиром. Кантемир был вместе с Мустафой в Ченстохове во время карантина. Он стал мне рассказывать, как они вместе с Мустафой посещали лагеря, но меня это не интересовало. Я его почти не слушала. Не помню даже, о чем он говорил. Единственное, что помню – это то, что я повторяла: «Мустафа умер не своей смертью, его отравили». Кантемир пытался разуверить меня в этом: «Мы все переболели тифом». В тот вечер нас на ужин пригласил Каюмхан, чтобы отметить наступление нового года.

Меня это поразило: «Не успели предать земле тело человека, считавшегося их лидером, а он собирается праздновать новый год». После этого я еще больше укрепилась в мысли, что Мустафа был убит.

2 января 1942 года меня повезли на мусульманское кладбище. По дороге хотела зайти в цветочный магазин купить букет живых цветов, но, не найдя магазина, довольствовалась куплей венка из искусственных цветов. Пришли на могилу Мустафы. Она была обсажена цветами. Я настаивала на том, чтобы открыли крышку гроба, чтобы проститься с мужем. Моей просьбе в который раз не вняли.

Погода была неважной: шел дождь со снегом, стоял пронизывающий насквозь холод. Меня сопровождали друзья. На похоронах, похоже, я даже не всплакнула. Вообще я себя ощущала очень странно, будто я была сама себе чужой. Я видела много знакомых, но ни я их, ни они меня не узнавали. Меня привезли домой на машине профессора. Я стала вспоминать слова Мустафы. Ему не нравились ни Берлин, ни жизнь в Берлине. Не любил он и похороны, даже митинги на похоронах. Однажды, когда он возвращался с чьих-то похорон, сказал: «Когда я умру, прошу, чтобы не было никаких митингов». Поэтому я попросила отменить речи.

Я вернулась в гостиницу. Каюмхан вручил мне 350 марок: «Друзья собрали на венок». К сожалению, вывозить марки за пределы Германии в то время было запрещено. Каюмхан положил эти деньги в банк на свой контокорректный счет. Всего тогда было собрано 1650 марок. Опять стала искать разгадку того, что Мустафа сказал во сне «Читай!». Не нашла. Подарила Каюмхану золотые часы Мустафы за помощь в похоронах. Когда я собиралась к отъезду в Париж, профессор фон Менде пригласил к себе на чай. Пошла к нему в сопровождении Каюмхана. 5 января Каюмхан организовал поминки (9 дней) Мустафы. В этот вечер говорили политики. Проходило все в зале Гумбольдта. Народу было очень много. Не помню точно, что они говорили. Про себя я думала о том, как бы сбежать. Не было сил думать о чем-либо другом. Наконец, когда я осталась одна, дала волю слезам. Не знаю даже, откуда у меня было столько слез.

В Берлине пробыла 10 дней. За это время из гостиницы выходила 5 раз. Однажды на завтрак пригласил Каюмхан. Он

вручил мне большой конверт. В нем я нашла письмо Мустафы, отпечатанное на машинке с пометкой «Совершенно секретно», сделанной чернилами от руки. В письме было изложено все: положение военнопленных; их мучения; издевательства над ними; о том, что оголодавшие ели трупы; зверские убийства пленных немцами; о том, что больных и раненых военнопленных закапывали в общую яму; о том, как один нацист безо всякой причины дал пощечину Мустафе. Все эти факты были собраны и изложены для того, чтобы Каюмхан передал в надлежащие инстанции. Теперь я поняла, что просил меня прочитать Мустафа, когда мне снился. Я взяла копию письма с собой в Ножан.

Бедный мой Мустафа! Его ударили, за что? Ведь он, никогда никому не сделавший зла, всегда пытался по возможности помогать другим. Он прежде думал о других, а не о себе.

На сорок дней я организовала поминки в парижской мечети. А в зале «Дебюсси» организовала политический день, куда пришли украинцы, кавказцы, азербайджанцы, грузины, представители других народов. Они все держали речи, говорили о нем, о его работах. Я просила оставить мне тексты выступлений на память о Мустафе. Мою просьбу выполнил только Александр Яковлевич Шульгин.

Его выступление все слушали, затаив дыхание. Выступление же Каюмхана на немецком языке никто не одобрил. Мне врезались в память его слова о том, что отныне он может действовать свободно, а непокорных он будет считать врагами и будет к ним беспощаден.

Война продолжалась, появлялись новые пленные. Их формировали в группы, одевали в немецкую военную форму и посылали на территорию Франции. Многие из них приходили ко мне, считая долгом узнать о своем национальном вожде. Просили у меня его фотографии. Одни встречались с Мустафой в лагерях, другие знали о нем понаслышке. Среди этих людей были настоящие коммунисты, казахи, узбеки, татары, башкиры. Одни – получившие образование, другие – простые рядовые люди. Мне порой было очень трудно с ними разговаривать. Кое-кто из них самым бессовестным образом говорил о том, что Мустафа состоял на службе за рубежом. Что меня поразило: киргизы, казахи, татары говорили все, что угодно о Мустафе, а узбеки не говорили ни слова. Однажды явился один казах, ал-

маатинец. Представился, сказал, что он истинный коммунист, благодаря Сталину стал человеком и готов за него отдать жизнь. Затем откровенно признался, что будь Чокай жив, он бы его убил собственноручно. Тогда я ему ответила: «Если ты ненавидишь тех, кто выступает против коммунистов, то зачем пришел сюда? Вон отсюда!». В глазах его были злоба и ненависть. Он был вооружен, но ружье он оставил у входа, в коридоре. Чтобы убить меня, ему потребовалось бы пойти за ружьем или же задушить. Поэтому я была удивлена, что он молча покинул квартиру. В любом случае меня спас Бог.

С этого момента я стала проявлять осторожность в разговорах с военнопленными, приходившими навестить меня. Перестала говорить с ними на национальные и политические темы. И без того я неважно объяснялась с ними из-за плохого знания языка.

Среди них были те, кто проявлял живой интерес к библиотеке Мустафы и просил дать книги. Но я им отказывала. Были те, кто потихоньку, украдкой забирали книги. Издававшийся Мустафой журнал «Яш Туркестан» они не трогали: он был написан арабской вязью, а они ее читать не умели. А те, кто могли читать, приходили в волнение, и, закрыв журнал, признавали, что все написанное правда.

1942 год я прожила одна. Иногда из Берлина приезжал Вели Каюмхан. Тогда он возглавлял военнопленных и напоминал жестокого диктатора. Его было не узнать: некогда молчаливый, тихий Каюмхан неожиданно изменился. Он стал одеваться у первоклассных портных, носить дорогие костюмы, да и жена стала одеваться в дорогие шубы. Жили они в номерах люкс гостиницы «Мадлен» на Больших бульварах. Им был предоставлен специальный автомобиль. Вели Каюмхан стал теперь называться Хан Каюм.

В 1942 году он четыре раза приносил по 3500 франков из тех денег, что были собраны друзьями Мустафы на похоронах. Но я тогда не имела права распоряжаться банковскими счетами.

Каюмхан стал близким другом профессора фон Менде. Дарил профессору дорогие ковры, посуду, картины. Берлинская квартира Каюмхана была меблирована в классическом стиле. В новую квартиру он переехал из двухкомнатной квартиры в районе Фриденау и чувствовал себя ханом, живущим во дворце. Со мной стал разговаривать свысока, надменно. По-русски он говорил плохо, а я не знала немецкий. Я не смогла скрыть своего удивле-

ния, увидев все эти перемены. Он это тоже почувствовал. После этого Каюмхан с супругой перестали ко мне ездить и оказывать материальную помощь. Меня удивляло также и то, что несмотря на мои многократные обращения Вели Каюмхан так и не установил никакой мемориальной доски на могиле Мустафы, хотя сорил деньгами. Он забыл, кому и чем обязан. Более того, он делал все, чтобы туркестанцы поскорее забыли Мустафу Чокая. И все же туркестанцы, невзирая на личность «великого Каюма», постоянно публиковали в издаваемых ими журналах материалы о Чокае. Это Каюмхану не нравилось, ждал своего часа, чтобы отомстить.

ИЮЛЬ 1943 ГОДА. НЕМЕЦКАЯ ПОЛИЦИЯ АРЕСТОВЫВАЕТ МЕНЯ

В один из дней 1943 года гестаповцы пришли арестовать меня, но поскольку меня дома не было, оставили записку с требованием явиться к ним наутро в 8:00. Соседи сказали, что приходили два офицера из высших чинов. До утра не могла уснуть: Кто же они? Зачем я им?

Никакой вины за собой не чувствовала. Посмотрела на адрес: мне предписывалось явиться в министерство внутренних дел. Стала собирать чемодан, полагая, что это арест. Взяла самые необходимые вещи. Ключ от квартиры оставила соседям. В 8:00 я была в назначенном месте. У больших ворот останавливались черные машины. Оттуда выводили арестованных в наручниках. Такое я видела впервые. От страха задрожала. Полицейский указал мне на дверь справа от входа. Сидело несколько человек. Я заняла очередь. Когда я зашла на прием, чемоданчик у меня забрали, посмотрели содержимое. Направили в кабинет на 4-м этаже. Если не изменяет память, номер 366. Долго искала, наконец нашла. Постучала в дверь. «Войдите», – ответили мне. В кабинете было два стола, за каждым из них сидел офицер. Спросили, говорю ли я по-немецки. Я сказала «Нет». Затем повторили вопрос по-французски. Я сказала, что по-французски говорю плохо, а родной язык – русский. Привели переводчика, который прекрасно говорил по-русски. Видно было, что он русский в немецкой форме.

Стали задавать вопросы. Когда я овдовела? Есть ли у меня дети? Где мой муж? Когда и как он умер? На все эти вопросы я

отвечала спокойно и правдиво. Мне указали на стул: «Садитесь». Я поблагодарила и продолжала стоять. Из дома я прихватила несколько писем бывших пленных туркестанцев. Конечно же, они обнаружили их, проверяя чемодан. Спросили, по какой причине я поддерживаю связь с военнопленными, о чем они писали. Я сказала, что они могут узнать все сами, прочитав письма, которые не содержат ничего подозрительного, прошли цензурную проверку. Добавила также, что многие туркестанцы малограмотны. «Мы знаем, – сказали они, – что вы проводите среди них агитацию против нас». Я в сердцах возразила: «Я еще не потеряла разум, чтобы в военное время заниматься такими вещами». Все улыбнулись. Спросили, связана ли я с французской полицией. Я сказала, что хожу в полицию раз в три года по вопросу продления прописки, и что больше меня с ней ничего не связывает. Поинтересовались, имею ли я друзей среди французов. Ответила: «Нет! К тому же я плохо говорю по-французски». Следующий вопрос: «Кто ваши русские друзья?».

– Друзья были, но с началом войны многие переехали в Америку, а с остальными из-за транспортных проблем не встречаюсь. Сижу дома и никого не вижу.

– Что думают французы о немцах?

– Вы сами знаете, что они думают и говорят о вас.

– Ладно. А что думают русские?

– С русскими я порвала связь давно.

Допрос длился с 9 утра до 11. Мне несколько раз предлагали сесть, но я отказалась. От страха пересохло в горле, чуть не зарыдала. Мне казалось, что если я сяду, то допрос затянется. Сильно устала. Наконец один из офицеров встал, протянул мне руку и сказал: «Можете идти». «Куда?» – спросила я. «Вы свободны». Переводчик открыл дверь и вручил мне мой чемодан. Я даже предположить не могла, что допрос закончится так.

Соседи меня встретили радостными возгласами. Каждый что-то приносил, кто хлеб, кто яйца, кто молоко... Меня их внимание тронуло до глубины души. После этого события слегла, болела несколько дней. Долго ломала голову, кто мог донести на меня. Перед глазами все время было лицо Каюмхана. Он вовсе не одобрял мою связь с пленными туркестанцами. Он решил, видимо, избавиться от меня, но не смог. Аллах вновь спас меня.

ВТОРОЙ АРЕСТ

В ноябре 1943 года пришло предписание явиться к станции метро «Порт Дофин» на авеню Фош. Не зная, куда и для чего, я пришла без всяких вещей. Выйдя из метро, обратилась к полицейскому, который сказал мне идти прямо по улице, отгороженной досками и колючей проволокой. Увидев ее, ощутила тревогу. Опять тюрьма, а у меня и вещей нет с собой. Но было поздно. Прошла вдоль досок с колючей проволокой и подошла к зданию. У входа часовой крикнул: «Стой!» Я остановилась и показала повестку. Он забрал у меня бумагу и сумочку. Нажал на звонок. Дверь открылась. Вошла во внутренний двор. Не успела осмотреться как увидела идущего мне навстречу морского офицера. Лицо знакомо еще с времен царской России. Хотела с ним поздороваться, но он глазами дал знать, что этого делать нельзя. Проходя мимо шепнул: «Мы незнакомы. Отвечайте на вопросы кратко. Не старайтесь что-либо объяснять!». И исчез. Я стала ждать вызова. После слов знакомого офицера бояться стала еще больше. Не соображала, где нахожусь. Знакомый офицер открыл дверь и пригласил войти. В комнате за двумя столами сидели два пожилых немецких офицера. Знакомый офицер был в сером. Мы и раньше, узнавая его по одежде, называли его Серым. Спросили имя, фамилию, чем занималась до войны, кто разрешил мне открыть кабинет и библиотеку мужа. Последние вопросы меня просто поразили. «Мою квартиру никто не опечатывал – сказала я. – А вещи мужа остались в Германии у Каюмхана». И дала им его адрес. Поняла, что все это исходит от Каюма. На все остальные вопросы отвечала кратко: «Да» или «Нет».

Как выяснилось, произошло недоразумение. С первых моих ответов немцы поняли мою прямоту и что я ни в чем невиновна. Лишь много позже, когда немцы покинули Францию, я узнала, что за страшное здание я посетила на авеню Фош.

Англичане стали чаще нападать с воздуха, однако Париж они не трогали. И все же приходилось каждый раз при воздушной тревоге бежать в убежище, которое не было приспособлено для защиты от воздушных атак, т.е. бомбежек. 300-500 килограммовые бомбы уничтожали до основания 5-этажные здания, словно это были карточные домики. Люди на улице задыхались в гари от

взрывов бомб. Спастись от нее могли только те, кто находился в здании.

Некоторые слушали тайком лондонское радио. Англичане ежедневно предупреждали о готовящихся налетах. Но поскольку они не всегда имели место, люди перестали верить этим сообщениям. Полеты английских самолетов над Парижем участились. Однажды вечером, примерно часам к пяти, они совместно с американцами сбросили несколько бомб на заводы Рено и Ситроен, расположенные на берегу Сены. В результате было разрушено несколько домов, погибло много людей, а с немцами ничего не случилось. Французы не жаловали таких союзников, которые уничтожали мирное население. Люди устали от такой жизни. Все жили ожиданием скорого конца войны, каким бы исход ее для них ни был.

В один из таких дней ко мне явился один туркестанец. Он по секрету сообщил, что на советских фронтах большевики бьют немцев и немцам хвастать нечем. Я лишь выслушала его, но ничего не сказала. Даже не знала, как ответить. Поняла лишь одно: этот человек был правой рукой Каюма. По специальности – врач, родом из Ташкента, интеллигентный узбек. В разговоре, как бы невзначай, он спросил, не собираюсь ли я покинуть Францию. «Куда же мне идти? Кругом война», – ответила я. Дальнейший разговор шел примерно так:

– Скажите, что вы желаете. Все будет исполнено.

– Кем?

– Нами.

После того, как я узнала, что думает Каюмхан обо мне, я этому человеку не верила. Что бы ни произошло, я решила остаться в Ножане. На том наш разговор был закончен. Через два месяца после этого разговора ко мне пришли два казаха: один из них – известный писатель Асан Кайгин, другой – бывший милиционер из Ташкента. Я их напоила чаем. Было 5 часов пополудни. Вдруг началась тревога. Люди заспешили в укрытие. Мои гости тоже. Я осталась одна, потому что уже привыкла. Решила переждать все дома. Через час дали отбой. Гости вернулись и попросили разрешения переночевать у меня. Я разрешила. Не помню, что они говорили еще, но помню, что они хотели дезертировать из немецкой армии и просили у меня помощи. Я объяснила им, что при всем сочувствии я не могу им ничем

помочь, так как все знают, что я живу одна и невозможно никого укрыть. Они проговорили между собой всю ночь. Утром ушли. Больше я их не видела.

Спустя какое-то время после высадки американцев и англичан в Нормандии, мне позвонил доктор Сеит Керими и сообщил, что до 17 августа в мое распоряжение предоставляется целый вагон на случай, если мне захочется уехать отсюда. Я поблагодарила и сказала, что предпочитаю оставаться в Ножане. 19 августа он вновь предложил это. Я отказалась снова.

Я видела как выпустили на свободу немецких военных. Это было страшное зрелище. Они с трудом волочили ноги, эти некогда бравые служаки. Склонив головы, они, едва дождавшись приближения поезда, сразу же бросались в вагоны. Женщины были грязные, вместо платьев они были закутаны в мешковины. Ругались и в любую минуту были готовы подраться. Они были из стройбата. Ходили слухи, что эти поезда попали под бомбежку союзников, и многие погибли.

Откуда-то появились французские партизаны. Но мы, простые жители, были не в курсе. Какие-то 15-летние юнцы с оружием в руках постреливали и пугали население. Они взрывали самодельные бомбочки, врывались в дома, кого-то брали в плен, стреляли в прохожих французов. Они избивали француженок, всячески издевались над ними: мазали им лица сажей, краской, отрезали им волосы, каленым железом жгли им груди и животы. Одна известная певица кабаре, не выдержав такое, умерла.

У меня сохранилось письмо одного старика-эмигранта, больного туберкулезом. Когда немцы отступали под натиском французского генерала Леклерка, этот старец находился 2 сентября в санатории Бреван. Там были также больные туркестанцы и я их хоть не часто, но все же навещала.

В ноябре 1944 года советское правительство начало репатриацию всех больных и раненых туркестанцев из Франции через Бордо и Марсель в Одессу. Тех, кто был покрепче здоровьем, собрали в лагере под Версалем для дальнейшей отправки на родину. Позже я узнала, что многие из них были расстреляны в Германии. Эта участь коснулась в основном офицеров.

Некоторые изъявили желание остаться во Франции и просили меня укрыть. Но это было невозможно, так как везде сновали тайные агенты. Даже если бы их удалось сокрыть, трудно было

бы выписать на них продовольственные карточки, да и не было денег их отоварить.

Почти год жил у меня мулла-татарин. Ему помогала также парижская мечеть. Ко мне домой он приходил лишь переночевать. На руках у него не было никаких документов, и его могли арестовать в любой момент. С трудом удалось найти ему документы. Ему было 54 года и надо было найти ему работу, а он ничего не умел кроме чтения молитв. Знал хорошо арабский, мог читать лекции на арабском, но не было тех, кто интересовался этим языком. В конце концов он обратился в консульство, и в 1945 году он был репатриирован. Мне кажется, что ему не удалось добраться до родины, поскольку я от него вестей не дождалась. Возможно, его убили.

В 1945 году я получила письмо из Италии от Сеит Керими. В письме он просил меня помочь с получением визы во Францию. Писал, что он бежал из Германии в Италию, не один: с ним был секретарь, но просил он визу на себя одного. В Италии они жили в горах, сам он занимался врачеванием, тем зарабатывая себе на жизнь. Он женился на итальянке и у них родилась двойня. На деле он не имел законных прав ни на врачевание, ни на женитьбу из-за отсутствия документов и денег. И он намеревался скрыться, чтобы избежать последствий. Его интеллигентность, воспитание, способность к языкам, а также внешнее обаяние сблизили его с итальянской девушкой. Будучи врачом, Сеит разбирался хорошо в латыни и это помогало ему быстро усвоить итальянский. Итальянская девушка стала настаивать на том, чтобы узаконить их отношения и зарегистрировать детей и крестить их. Он не стал говорить ей ни о том, что он женат и имеет в Туркестане сына, ни о том, что он мусульманин. Вот почему он забросал меня просьбами о визе. Я сделала все, что смогла. Обратилась за помощью в общество врачей под названием «Мечников». Там работал знакомый врач из Ирана, националист. Стала умолять его выдать поручительство на визу для Керими. Но у меня в итоге ничего не вышло. Больше вестей от него не было.

Несколько лет спустя я узнала, что он в Америке и устроился врачом в Филадельфии. А спустя еще два года дошел слух, что он вернулся на Родину и встретился с семьей. Конечно, все это удалось ему благодаря его службе Советам. Может он и дал сведения о таких как Каюмхан, которые в период войны жили

припеваючи. Меня бы это не удивило. Не знаю, жив ли сейчас Сеит Керими.

В 1945 году одна из моих приятельниц рассказала мне об одной девушке, крымской татарке, которую изнасиловал один американец и она была в положении. Бедная девушка выносила ребенка, родила, но жить ей было негде. Меня попросили приютить эту девушку. Я согласилась без долгих раздумий. Девушка по имени Султана сразу после родильного дома пришла с ребенком ко мне. Сына назвала Роберт Степан. Они прожили со мной около года. Через консульство я стала разыскивать американца, который надругался над Султаной. Мне удалось узнать, что он был женат на одной француженке, развелся с ней и хотел жениться на Султане. Султана приняла католическую веру и сменила имя на Сусанну Паркер. Хотя она целый год делила со мной кров и пищу, от нее я не услышала ни слова благодарности, да и ни одной строчки мне затем не написала. Она была очень красивой и чувственной. По рассказам моих знакомых в Америке, в браке она оказалась несчастлива: муж ее бил, свекор со свекровью называли ее не иначе как «дрянной католичкой». Она была к тому же плохой мусульманкой. У нее не было никакого религиозного воспитания, даже не хотела слышать слова «Аллах». Стоило мне начать говорить ей о стыде и совести, как она тут же закрывала мне рот. Мне было очень трудно жить с ней. Но сын ее был очарователен. Представляю, какое воспитание она могла ему дать.

В 1945 году из Германии ко мне прибыл казах, он шел пешком через границу. У него тоже не было документов. Приютила и его. Ему хотелось учиться в военной школе, но у него не было денег, да и языка он не знал. Со мной уже жила Султана с сыном. Удалось получить карточки на нее и младенца, но покупать продукты было не на что. Из старых парашютов стала шить галстуки и продавать. На вырученные деньги кормила Султану и квартиранта. Тут прибыл Хасан. Ему надо было купить обувь, рубашку, пальто. Зима была снежной и суровой. Прокормить троих мне было нелегко. Обратилась к знакомому швейцару с просьбой устроить куда-нибудь на работу Хасана. Возможностей устроить Хасана на работу в Париже у него не было. И он нашел ему работу в Лионе, где на одном из заводов директором был сын швейцара. Хасан быстро освоился, стал выполнять самую

сложную работу. Но рабочие завода стали интересоваться его прошлым, правом на трудоустройство. Узнали, что он антикоммунист. Пришлось Хасану через 3 месяца покинуть Лион и вернуться в Ножан.

Во Франции правительство возглавляли левые. Было много советских солдат. Получить прописку или же право трудоустройства было крайне сложно. Хасан в Лионе познакомился и подружился с одним рабочим, выходцем из Легистана, у которого в свою очередь был знакомый англичанин. С помощью этого англичанина было решено переправить Хасана в Германию. 9 марта 1946 года Хасан рано утром покинул нас. Не знаю, сумел ли он купить билет, потому что без специальной разрешительной бумаги на вокзале билеты не продавали. Возможно, что он пошел пешком до Страсбурга. Он тоже, как и мулла, обещал написать, но вестей от него не было. Боюсь, что его убили. Жалко его. Хасан был очень хорошим человеком, умным, способным, у него была тяга к военному делу. Из него мог бы получиться прекрасный генерал или танкист. Он был ранен на войне и пленен. Вновь пошел на фронт. Он говорил: «Война – мое основное занятие, я живу ею». Он тоже был без религии, и за него я тоже очень переживала.

Через год из Германии приехал скрипач Алим Алмат. Он был очень хорошим скрипачом. Ему нужен был диплом об окончании консерватории. До войны он был студентом Московской консерватории. Из-за войны не смог завершить учебу. Я его записала в русскую консерваторию им. Рахманинова в Париже. Однако ему не понравился профессор Андреев как педагог. Стал получать частные уроки у одного француза, чтобы сдать экзамены экстерном. Сдал успешно и получил диплом. Затем переехал жить в Турцию. В Турции он женился и устроился на работу. Сейчас он преподает, читает лекции и выступает как музыкант. Добился больших успехов.

В 1952 году туркестанцы отметили 10-летие со дня смерти моего мужа Мустафы Чокая. День памяти отмечали в Мюнхене. Пригласили меня. Организовал все казах Карис Канатбай. По специальности он был горным инженером. Меня встретили хорошо, оказали по возможности почести. Туркестанские националисты жили в Мюнхене в бараках, где не было ни окон, ни дверей. Комнаты были перегорожены сундуками. Были и дети. Многие были женаты на немках. Я очень удивлялась, как

степному казаху и немке удавалось понимать друг друга. И дети у них говорили на смешном смешанном немецко-казахском языке с добавлением русских слов.

В Советской России были изданы две книги о деятельности Мустафы Чокая за рубежом. Авторство обеих книг принадлежит туркестанцам, но оба они написали вещи, далекие от правды. Первая книга, названная «Набад», написана в жанре исторического романа и посвящена теме вооруженной борьбы против туркестанских коммунистов, которая началась в феврале 1918 года после роспуска автономного правительства и длилась 10 лет до октября 1928 года. Большевики прозвали эту войну «басмаческой» или «войной с бандитами».

Чокай вообще не участвовал в этой войне. Он в феврале 1918 года, после падения Кокандской автономии, через Ферганские горы перебрался в Ташкент. До 1 мая он там прятался от большевиков, а затем поездом добрался до Оренбурга и оттуда прибыл в Самару. Там собрались участники съезда 1917 года, распущенного в Петрограде, где Чокай держал речь. Чокай был с ними в период колчаковского восстания в Томске и Екатеринбурге. Затем он на лошадях добрался до Кавказа: сначала в Азербайджан, потом в Грузию

В 1921 году через Турцию переехал жить во Францию, где пробыл до 1939 года, то есть начала второй мировой войны. Его политическая биография доступна любому интересующемуся.

Вторая книга названа «Уловки предателей», написана на узбекском. Автор Махмут Айкарлы. Махмут Айкарлы пишет, что в 1942 году Каюмхан и Мустафа Чокай совместными усилиями создали Туркестанский национальный комитет, настроенный прогитлеровски. Он пишет, что будь Вели Каюм один во главе этого комитета, то он для народов Туркестана стал бы лучшим руководителем, чем Мустафа Чокай. Далее он утверждает, что Мустафа Чокай был в 1942 году отравлен.

Эти сведения неверны. Мустафа Чокай в 1941 году был арестован во Франции, направлен в лагеря, заболел в Ченстохове и 27 декабря 1941 года умер в Берлине.

В 1960 году книга М.Айкарлы вышла в Ташкенте в русском переводе.

Вышла еще одна книга в Вашингтоне в университете Джорджтаун. Автор – доктор-тюрколог С.В.Гостлер. В этой книге

говорится о некоем Оскаре Нидермайере, который организовал 162-й пехотный туркестанский легион. Махмут Айкарлы был руководителем каюмхановского комитета в Пакистане. В 1953 из Мюнхена в Пакистан прибыл Баймурза Хаит, правая рука Каюмхана. Он встретился с М.Айкарлы и говорил о том, что Мустафа Чокай был отравлен.

М.Айкарлы был во время войны советским агентом и приложил руку к созданию в Берлине 162-го Туркестанского пехотного легиона Каюмхана.

При поддержке Каюмхана М.Айкарлы издал в Советском Союзе книгу «Уловки предателей». В этой книге М.Айкарлы рассказал обо всех тайных сторонах жизни Каюмхана в период войны.

Обо всем этом написал мне в 1960 году один из туркестанцев, сейчас не помню его имени. Об этом говорится и в брошюре доктора Тахира, вышедшей в Стамбуле в 1959 году. 1939-1940 годы принесли много горя. Никому неизвестно, сколько погибло и сколько погублено бессмысленным образом молодых талантливых туркестанцев, сколько невинных туркестанцев пострадали, подверглись тяжелым недугам.

Мустафа Чокай был против войны, даже ненавидел военную форму. Знал, что не бывает государств без армии. Но считал, что достаточно ограничиться полицией и жандармерией. Сам он никогда не хотел одевать форму. Он редко говорил с другими о том, как можно прожить без войны и что для этого надо сделать. Говорил, что народ не дорос до этого уровня. «Как бы я хотел вернуться на Родину и вести такую пропаганду! Наступит ли когда-нибудь такое время? Кажется, что жизни моей на это не хватит. Наверное мы будем погребены здесь» – говорил он мне в 1940 году. Когда его соотечественники попали в плен к немцам, он желал одного «Лучше умереть, чем видеть такое».

В одном из своих последних писем он писал: «Мне очень больно, что не могу ничем помочь этим несчастным людям. Они просят о помощи и очень надеются на меня. Я дал слово, что помогу им, но все это лишь для того, чтобы успокоить их. Зная, что я бессилен помочь им, мне приходится обманывать их. Я больше не в силах выдерживать дальше такое. Лучше умереть. Вчера удалось спасти от расстрела 35 человек, но надолго ли? Сейчас ноябрь, а они – кто в летнем, кто полуголый – вынуждены рыть руками ямы, чтобы спастись от холода. Им как собакам

говорится о некоем Оскаре Нидермайере, который организовал 162-й пехотный туркестанский легион. Махмут Айкарлы был руководителем каюмхановского комитета в Пакистане. В 1953 из Мюнхена в Пакистан прибыл Баймурза Хаит, правая рука Каюмхана. Он встретился с М.Айкарлы и говорил о том, что Мустафа Чокай был отравлен.

М.Айкарлы был во время войны советским агентом и приложил руку к созданию в Берлине 162-го Туркестанского пехотного легиона Каюмхана.

При поддержке Каюмхана М.Айкарлы издал в Советском Союзе книгу «Уловки предателей». В этой книге М.Айкарлы рассказал обо всех тайных сторонах жизни Каюмхана в период войны.

Обо всем этом написал мне в 1960 году один из туркестанцев, сейчас не помню его имени. Об этом говорится и в брошюре доктора Тахира, вышедшей в Стамбуле в 1959 году. 1939-1940 годы принесли много горя. Никому неизвестно, сколько погибло и сколько погублено бессмысленным образом молодых талантливых туркестанцев, сколько невинных туркестанцев пострадали, подверглись тяжелым недугам.

Мустафа Чокай был против войны, даже ненавидел военную форму. Знал, что не бывает государств без армии. Но считал, что достаточно ограничиться полицией и жандармерией. Сам он никогда не хотел одевать форму. Он редко говорил с другими о том, как можно прожить без войны и что для этого надо сделать. Говорил, что народ не дорос до этого уровня. «Как бы я хотел вернуться на Родину и вести такую пропаганду! Наступит ли когда-нибудь такое время? Кажется, что жизни моей на это не хватит. Наверное мы будем погребены здесь» – говорил он мне в 1940 году. Когда его соотечественники попали в плен к немцам, он желал одного «Лучше умереть, чем видеть такое».

В одном из своих последних писем он писал: «Мне очень больно, что не могу ничем помочь этим несчастным людям. Они просят о помощи и очень надеются на меня. Я дал слово, что помогу им, но все это лишь для того, чтобы успокоить их. Зная, что я бессилен помочь им, мне приходится обманывать их. Я больше не в силах выдерживать дальше такое. Лучше умереть. Вчера удалось спасти от расстрела 35 человек, но надолго ли? Сейчас ноябрь, а они – кто в летнем, кто полуголый – вынуждены рыть руками ямы, чтобы спастись от холода. Им как собакам

бросают хлеб, о воде нет и речи. Я очень просил дать им хоть какую-то подстилку. Дали или нет неизвестно. Эти «цивилизованные» хуже зверей.

Со мной Каюмхан, тот, который приезжал весной в Ножан, помнишь? Через него просил немцев хоть как-то улучшить режим содержания туркестанских военнопленных. Он передал это кому-то. Неизвестно, будет ли толк. Обхожу лагеря, проделывая десятки километров. Силы на исходе. Тебе и без того понятно, насколько я устал душевно. Хочется умереть. Словом «смерть» завершаю свое письмо».

* * *

1963 год. Франция и Германия стали жить в дружбе. Два старика, один военный, другой из народа, оба умерли. Но удастся ли молодым продолжить их дело по сохранению мира? Трудно дать ответ. И сейчас, не говоря уже об Англии и Советском Союзе, есть противники дела мира даже внутри обеих стран.

В 1896 году Николай II вносил предложение о разрушении Европы. Это предложение принято не было. Вильгельм смеялся над этим. Бисмарк желал вечной дружбы с Россией. Целью его было править всей Европой. Но и это оказалось из области мечты.

6 государств хотели бы построить новую Европу, но они не имеют доверия друг к другу. В этом деле никто не согласится с верховенством Франции. Англия чинит препятствия, подписание соглашений откладывается. Все говорят о мире, при этом готовясь к войне. Взять хотя бы американские подводные лодки.

Что нас ждет? Кто-то сказал, что в 1965 году разразится война. Избави бог от этого. Я устала жить. Один бог ведает, как тяжело одинокому человеку.

Везде протесты, недовольства. С каждым годом все больше стихийных бедствий: ураганы, сели, смерчи, столкновения самолетов, катастрофы. Неудивительно, если люди когда-нибудь сойдут с ума. Видно я заболела неврастенией, замечаю, что стала нервной, невыдержанной. Силы уходят, да и глаза стали плохо видеть. Надо заказать новые очки. К врачу идти совсем не хочется. Да и надо ли? Сколько же мне осталось жить?

На этом заканчиваю свои записи.

М.Я.Ч.
22.II.63.

им хоть
вилизо-

Ножан,
режим
кому-
лывая
нятно,
ерть»

Два
астся
удно
юзе,

ении
ился
его
ить.
и не
ся с
ние
ясь
на.
ло
ше
ия
ль
а-
о
и.

ПИСЬМА*

* В письмах нами сохранены орфография и синтаксис оригиналов.

Мария Чокай – Алиму Алмату

15 марта 1961 года

Мои дорогие любимые дети: Галимджан, Идиль и Торе, поздравляю с весенним праздником Курбан Байрам, о котором узнала, что он начинается 17-го в пятницу, из газет и по радио.

Передайте от меня привет и поклоны Октаю, Саиде, Саалат, Тахиру и другим, кто меня еще не забыл.

Я пока еще существую. Хотя часто хвораю. У меня больное сердце и сильное артериальное давление крови: 24. Я на строгой диете. Все ем без соли. Невкусно. Я, которая любит покушать. Вообрази мою тоску по пилаву, биш-бармаку, пирогам и блинам, и ты представишь мою «веселенькую» жизнь.

Напиши мне о себе. Как вы все живете? Почему никто мне не пишет? От Октая не имею ни строчки больше года. Что такое? Мыслями часто с вами. Обнимаю и крепко целую. Жду с нетерпением ответа. Любящая Мама.

Париж, 8 ноября 1962 года

Мои родные, дорогие дети Галим, Идиль и Торе. Утром получила ваше письмо от 6-го XI и спешу ответить, поблагодарить за ласку и любовь ко мне. Ваши слова меня поддерживают и утешают, спасибо, храни вас всех Аллах. Счастливы и здоровы.

Пересылаю тебе письмо Игоря Алексеевича Фремке, я неправильно написала (Иванович), из которого ты увидишь, как он занят устройством памятника Мустафе Ага.

Вчера я отправила бюст Мустафы в Берлин по железной дороге по адресу Siegfrid Weigel. Упаковала голову в корзину хорошо, солидно завернула и перевязала, чтоб она не двигалась

в корзине в разные стороны, надеюсь и думаю, что дойдет она в целости, не разобьется. Деньги на постройку буду посылать частично, с оказией, так как из Франции почтой разрешается посылать не больше 10 франков в месяц — это на немецкие марки выходит очень мизерная, маленькая сумма, что-то 8 марок. Деньги у меня есть: я продала пианино Богенгардам, верней его дочери – Ольге Скрябиной; у них уже четверо детей, муж Ольги служит в немецкой фирме и часто ездит в Германию, он и будет пересылать понемногу Игорю Алексеевичу деньги – по 200-300 марок, как он сможет. Если вы берете постройку памятника на себя, то мне сообщите. Я тогда скажу Ольге, чтоб ее муж не беспокоился пересылкой денег. Вы же сообщите Игорю Алексеевичу: что это вы, Туркестанцы, ему пошлёте нужные средства на сооружение памятника Мустафе Ага.

Я пока что еще в Ножане. Не знаю, когда буду в Шелле в старческом доме.

Октая, Тахира с женами обнимаю и целую. Храни вас всех Аллах. Целую. Мама.

Ножан, 14 ноября 1962 года

Мои родные, дорогие детки, спасибо за подарок, который получила вчера, и спешу вас об этом известить.

Меня ваше внимание трогает до глубины души и слёзы умиления текут. Я бы была очень рада, если бы вместо меня ты посылал Игорю Алексеевичу на расход по разъезду и посещения могилы Мустафы Ага. Он многосемейный, и у него каждая марка на счету, а транспорт в Берлине дорогой. Он служит и зарабатывает немного. Я ему посылала в письме время от времени маленькие суммы: подарки детям к Рождеству, к Пасхе — по двадцать марок. Как я тебя просила и прошу, мой родной мальчик, не посылай мне ничего. Я знаю твое доброе сердце и сердце Идиль: сделать мне приятное. Но поверьте, я старая, и у меня нет времени тратить на себя. У меня много старых вещей, от которых я хочу избавиться. Я никуда не хожу, в Париж езжу очень редко, только в церковь; то, что я ношу, очень прилично для моего возраста. Мне очень хочется вам послать из Парижа модные вещи для Идиль и тебе, но боюсь, вам придется платить большой дуан — дороже, чем стоят сами вещи. Хотя жизнь здесь очень дорогая и одежда также.

Пиши мне, твои письма для меня большая радость. Кланяйся доктору и его жене, также Бенценгам, и поблагодари за меня. Ты, кажется, кому-то из их детей даёшь урок и часто их встречаешь.

Ну вот, мои родные детки, еще раз вас мысленно троих обнимаю и крепко целую. Молю Бога, чтоб он послал вам счастья и здоровья и сохранил на долгие годы.

Горячо любящая всех вас Мама.

1 февраля 1963 года

Мой дорогой Галимджаным, сейчас 8 часов вечера. Слушала радио и узнала, что в Анкаре в центре города упало два авиона, много убитых и раненых. Сообщи, пожалуйста, нет ли несчастий среди нам дорогих лиц, как то Тахир или Саадат ханум, которые могли быть случайно в центре города по делу.

Какое несчастье! Вот, действительно, не знаешь, где тебя ожидает смерть.

Сообщи также, получил ли ты почтовые немецкие и французские марки. Я очень беспокоюсь. Жалею, что не послала заказным письмом, а просто по avion-post. Там самое малое — 15 тысяч франк. Немецкие дороже французских, т. к. это 43-го года, настоящие. Американцы, когда захватили Германию, они захватили станки и выпустили марки, но это цены не имеет, т. к. немцы выпускали ограниченное количество, тогда как американцы выпускали без ограничений. Я буду очень огорчена, если мой пакет пропал, я так хотела, чтоб Тёре, когда вырастет, мог бы их реализовать за большую цену. Это для любителя очень хорошая коллекция и редкая в будущем; немецким маркам уже 20 лет. Боже, как я себя ругаю, что пожалела на заказное письмо 250 франк. лишних. Ответь скорей, очень беспокоюсь о вас всех, как у вас там, здоровы ли вы все?

Я остаюсь в Ножане до мая месяца. Холода и морозы приостановили работы на постройках домов; дом, в который я записалась, будет окончен не раньше мая, вот почему мой переезд откладывается. Письмо от Октая получила. Я собираюсь еще послать тебе и ему посылкой: письма Муст. и мои воспоминания в тетрадях. Мне очень трудно, везде я одна, помощника нет, я же старая.

Целую всех вас крепко. Мама.

Ножан, 27 февраля 1963 года

Родные мои дети, Идиль, Галим и Терё, как живете в эту суровую зиму? Здоровы ли? Слышала по радио что у вас там эпидемия кори в очень сложной форме. Будьте осторожны, не пускайте в школу маленького – пусть сидит в холод дома.

Посылаю книгу М.Глинка, в которой собрала и уложила почтовые марки; пришлось смешать все вместе. Английские, австрийские, чехослов., венгерск., болгар., сербск., румынск., и еще какие-то – сейчас не помню, потихоньку в свободное время, не ругая меня, разберёте, как следует, дубликаты обменяете.

Получила письмо от Игоря от 18.II. где он пишет, что получил от Консула сто девяносто мар. и передал их Зигфриду на постройку памятника, так как он не знал, от кого это, то он тебе и не писал.

У него в семье несчастье: его тёща, мать жены, под Новый год попала под автомобиль, три недели была в госпитале без сознания, теперь разбитая лежит дома и медленно поправляется. Она ничего не помнит как случился с ней несчастный случай. У нее сотрясение мозга и перелом р. и ноги. У бедной Наташи, жены Игоря, помимо пяти ребят, ещё разбитая мать. Бывает же такое несчастье! Бедные, бедные люди... К тому же у них там зима, мороз третий месяц, как и здесь, солнце, а снег не тает.

Я чувствую себя очень усталой и старой старухой.

Душой и мыслями всегда в вашем обществе. Целую всех. Мама.

Напиши, что книгу получил.

P.S. Твои письма по авиону приходят сюда через 5-ть дней.

Ножан, 20 марта 1963 года

Мои дорогие дети Идиль, Галим и Тёре, я очень огорчена, мой пакет с марками, который я послала par avion 15.II, не пропустили турки, и вернули мне обратно. Как обидно! 250 f. пропало зря за пересылку старых почтовых марок. Я на днях отправила тебе пакет нот которые тебе пригодятся: сонаты и концерт для скрипки, и ещё что-то, что мне подарил сам автор Федор Степанов. Акименко, надеюсь, ты их получишь. Напиши пожалуйста, получил ли ты книгу Чайковский? Потом я послала книгу Глинка в ней я положила пакет разных марок. Наверное тоже вернут, не пропустят. Мне так обидно, обидно до слёз. Октаю я тоже послала несколько посылок с тетрадями мои воспоминания о революции в

Ташкенте 1918 г., и письма Мустафы ко мне. Не знаю, получил ли он мои посылки. Я собиралась послать ещё. Теперь этот возврат пакета с марками меня обескураживает. Я не знаю как мне быть?

Получила письмо от Игоря из Берлина вчера. Он сообщает, что уже начал Зигфрид делать памятник, памятник обойдётся на 200 марок дороже, чем предполагали, так как цены на рабочие руки поднялись и гранит тоже вздорожал, вместо 700 марок, будет стоить 900 марок. Я конечно, согласилась.

Ну, а что у вас? Все здоровы? Я себя чувствую очень неважно. Слабость во всем теле, плохо сплю, нервы никуда не годятся. Дряхлая старуха – больше ничего... Мыслями с вами. Целую. Храни вас всех Аллах! Мама.

Перро, 29 октября 1963 года

Мои дорогие дети, вчера получила ваше письмо с адресом «Тюркели». Целый день обдумывала, как мне поступить и пришла к заключению: письма в «Тюркели» не писать и вот почему. Этот комитет существует, наверное, уже давно, я же от них ни от кого до сего времени не имела ни одного признака жизни, значит, он, этот комитет, не желал меня признавать, что существует вдова Мустафы Чокаева, зачем же я буду обращаться к нему с просьбой.

Если я писала тебе, то только потому, что ты лично проявил интерес и послал первый на памятник и просил меня об этом деле тебя извещать, что я и делала, исполняя твою просьбу. Ты мне писал: «Это наша национальная обязанность, и Вы не должны тратить Ваших личных средств». Твое заявление такое меня обрадовало... Теперь, ты написал в комитет «Тюркели» и я считаю, что этого достаточно, нет никакой надобности подтверждения с моей стороны. Ты казах, личность известная в Туркестанской эмигрантской колонии, твоим словам должны верить без никаких свидетельств.

Господину Фрёмке я двести марок пошлю сама, из моих средств, у меня деньги есть.

Правду сказать, меня удивляло, что д-р Октай не проявил интерес к памятнику или ты ему ничего не говорил или он не хотел? Ведь он богаче тебя, они оба работают, они, столько видели внимания от Мустафы, могли бы принять участие в его памятнике.

Вот, мой дорогой Галимджаным, мои размышления. Я думаю, что я права, если ты находишь, что нет, объясни почему!

У нас здесь холодно, туманы густые хоть ножом режь, в доме тоже холод собачий, я никаких вестей из дома стариков не имею, не дождусь когда попаду в тепло с центральным отоплением. Ну, что Бог ни делает, всё к лучшему, надо терпеть.

Целую все вас и обнимаю крепко.

Любящая Мама, бабушка.

Шелль, 23 ноября 1964 года

Мои дорогие, родные дети, я давно не имею от вас вестей, что такое? Все ли у вас благополучно? Дайте о себе знать.

Что касается меня я слава Богу жива как видите, но часто недомогание чисто стариковское: то ноги побаливают то спина то глаза. Жизнию здешней я очень довольна, живу без забот материальных: в чистоте, в тепле, кормят и лечат хорошо. Скучно среди стариков, но уж это удел всех отживших, ничего против этого не поделаешь... Слушаю концерты по радио, много читаю. К сожалению, глаза быстро устают, не могу долго читать. Купила диск советскаго новаго композитора Хренникова, концерт для скрипки играет Коган – очень красивый, ut majeur op 14, и концерт для piano fa majeur тоже с оркестром играет Хренников. Дирижирует оркестром Кондрашин. Эти музыканты, композиторы все советскаго производства молодые и талантливые. У них есть мелодия, не то что у наших здешних. Такой модерн! – что уши заткни, сплошная какофония, а публика, по-моему, над ними издевается, хлопает не жалея рук в насмешку. Я возмущена и иногда закрываю, недождавшись конца. Они хитро составляют программу, чтоб заставить слушать их галиматью, набор диких звуков, вставляют Баха, Чайковского, Прокофьева, но пока дойдет черед до настоящей музыки, уже окончательно обалдев от модерна, приходится закрыть.

Пост. Дорогой Галимджан что ты играешь, как солист, что выучил новаго? Как играет мой внучек? Любит ли он музыку, любит ли музыку Идиль? Часто ли вы у себя устраиваете музыкальные собрания? Мне это очень интересно знать. Пиши мой родной. Мои мысли и душа часто с вами. Кланяйся всем нашим. Храни всех вас Аллах. Целую. Мама.

Шелль, 26 мая 1965 года

Дорогие дети, Галимджан, Идиль и Торе. Я серьезно больна: у меня от нарыва на пальце правой руки получилось заражение крови, мне делают уже 10 уколов пенициллина, но, нарыв не прорывается, может быть придется делать операцию. Я очень ослабела может и долго не проживу. Я оставляю мои записи которые хотела бы тебе переслать после моей смерти и портреты. У меня есть деньги золотые, и серебряная ложка и вилка нож еще из России которые я дарю тебе.

Оставляю эти вещи у моего бывшего ученика господина Виктора Иосифовича Остена. Он честный человек и надеюсь тебе передаст. Адрес его: Monsieur Victor Austin 24, rue des Crochteurs Antony-Seine.

Пиши ему по-русски или по-английски (он австралиец).

Я пока в уме, что будет дальше не знаю.

Желаю вам всем быть счастливыми и здоровыми. Мыслями с вами. Целую всех. Любящая Мама.

Шелль, 28 сентября 1965 года

Дорогая моя доченька Идиль! Спасибо большое за адрес написанный тобой; у тебя красивый почерк, очень ясный и спокойный, жаль, что ты не можешь мне написать письма по-русски. Ещё раз сердечно тебя благодарю и мысленно обнимаю и крепко целую, любящая твоя Мама.

Мой дорогой Галим, спасибо за фото, которые получились хорошо. Жаль, что ты вышел в профиль, не фас. Терёша получился совсем как живой на снимке в ресторане, славная у него мордочка, а твоя лысина блестит как солнце, и грустное выражение, а Идиль очень серьезная. Снимок, у меня в комнате, очень красивый. Я не думала что я такая безобразно толстая. Но, ничего не поделаешь, надо терпеть свое уродство. Фото стоят у меня на бюро и я каждый день вами любуюсь мои дорогие детки.

Храни вас всех Аллах. Целую. Мама.

Шелль, 22 ноября 1965 года

Очень была рада вашему письму мои дорогие дети: Галим, Идиль и Торе. Я всегда когда прохожу площадь чтоб пройти к себе завтракать или обедать невольно вспоминаю вас мои родные дети и смотрю в даль, туда, где вы жили, вижу ваш автомобильчик

на углу моей улицы и мне так приятно будто вот-вот вы зайдете ко мне. Как хорошо, что вы приехали сюда и мы встретились. Живая встреча совсем иное чем переписка; вы в натуре увидели меня а я вас и вы мне стали еще ближе и дороже, чем в письмах на расстоянии.

Я до сих пор еще не написала Бенцингу о моей книге. Нет у меня в голове мыслей для изложения моей просьбы я как-то поглупела, от старости наверно, не знаю с чего начать. Чувствую себя очень неважно: болит спина, правая нога отказывается повиноваться. У нас снега пока нет, но холодно. Комнатка у меня теплая топят хорошо. Одежда у меня тоже теплая. Ты мне не написал, как понравились туалеты купленные Идиль ея знакомым турчанкам, ея костюм шляпка и сумочка, и довольна ли она сама своим выбором?

Хорошо, что ты решил пока не ехать в Германию, я читала в газете, что у вас прошли хорошо выборы и коммунистическая опасность миновала, очень рада за вас всех.

Ну, мои дорогие, на этом пока кончаю. Всем нашим мой душевный привет. Всей душой и мыслями часто с вами.

Целую все и обнимаю. Мама.

Шелль, 18 ноября 1966 года

Мои родные, милые дети, я была очень рада вашему письму, что у вас всё благополучно и нет слов о болезни рук, которые меня всегда наводили на мрачныя размышления: что если ты потеряешь возможность играть. Самое ужасное у тебя мой дорогой Галим, нет другой специальности для заработка на «хлеб насущный», ну, слава Богу ты поправился и можешь продолжать играть.

Я о себе написать вам ничего новаго не могу, все те же боли в ногах: не могу ходить, больше провожу время в кресле и постели. Погода к этому располагает, холодное лето, дожди с градом, в комнате сырость, настроение мрачное… У нас появилась пенсионерка, которая играет довольно сносно на piano и может читать ноты с листа; я с ней иногда пою лёгкия романсы, голос пока что звучит довольно прилично для моего возраста и наши старики довольны.

Наверно, в эту зиму я буду переведена в большой дом и мне придётся жить с кем-нибудь в одной комнате, так как контракт

нашего помещения, где я сейчас живу кончается в следующем году 1967, и дом будут ломать. Эта перспектива, конечно, мне не очень нравится, но ничего не поделаешь, надо примириться...

Очень рада за Терёша что он хорошо учится. Надеюсь, что на следующее лето вы вновь меня посетите в Шелле если я буду жива и остановитесь в том же отеле.

Читала в газете, что в Эрзеруме было сильное землетрясение и много погибло народу, а также и в Ташкенте. Мысленно обнимаю и всех вас целую. Храни всех вас Аллах.

Пиши чаще и сообщи о своем самочувствии. Ваша Мама.

Шелль, 24 июня 1967 года

Дорогие дети, здравствуйте! Была рада вашему письму, что живется вам не плохо. Все же я хочу вам послать немного денег, сообщи пожалуйста, есть ли у тебя текущий счет в банке и его №. Что стоит лира? – по отношению к франку. Иными словами, что можно купить на 10 лир? или на 10 франков?

Мое здоровье не улучшается. Старею и дряхлею с каждым днем все больше и больше, это неизбежно и с этим надо смириться.

Ты так мило написал фразы: «Вы достойны в наших сердцах, Вы такая большая, громадная». По-турецки это звучит наверно иначе. Целую вас всех горячо и крепко. Храни Аллах и дай здоровья. Любящая Мама.

Шелль, 16 августа 1967 года

Мои родные, дорогие дети Идиль, Галим и Терё, простите за долгое молчание на ваше любезное письмо. Я очень была рада тому, что вы все живы и здоровы и живете по-прежнему без нужды в материальной помощи.

Моё здоровье по-прежнему; без изменений. Хожу с трудом, в ногах слабость, без палки не рискую выйти.

Читаю и пишу также с остановками; глаза устают и слёзы мешают, вот причина моего молчания с ответами на письма.

Как вы переживаете землетрясения? Ведь оно происходит недалеко от Стамбула, по газете судя в 60 километрах. Во Франции тоже трясет от Парижа далеко. Как здоровье Тахира? Передаю ему скорого выздоровления и пожелания всех благ ему и его жене.

Уже здесь чувствуется осень, было несколько дней очень жарких, в данное время две недели льют дожди и у меня в комнате сыро и прохладно что очень отражается на настроении: старые кости хотят тепла и солнца, а топить будут ещё не скоро.

Ну, что же вам еще сообщить из нашего старческого общежития? Как будто всё.

Благодарю тебя мой дорогой за письмо за те чувства, которые в нем сквозят. Будь здоров и пиши чаще ваши письма мне приносят большую радость.

Храни вас всех Аллах. Всем передай мою память о них.

Вас всех обнимаю и целую.

Любящая Мама.

Шелль, 1 декабря 1967 года

Мои дорогие дети, Идиль, Галим и Терё, что-то вы мне давно не писали. Почему? Как вы ж(ив)ете? Как здоровье?

Я очень беспокоюсь о здоровьи Галима, как вы все живёте материально? У вас там начинается война с греками на Кипре, отражается ли это на вашей жизни? Сообщите мне о себе и обо всех вас.

О себе могу сообщить, что я живу по-прежнему на старом месте, болею тоже по-старому, даже хуже, но хожу, с палкой правда, вижу тоже хуже чем год тому назад.

Жду от вас вестей. Целую и мыслями часто с вами. Храни вас Аллах! Мама.

Шелль, 22 февраля 1968 года

Сегодня 22 февраля день моего рождения и мне исполнилось 80 лет, я была очень обрадована получив от вас дорогие мои дети ваше письмо в котором вы выражаете беспокойство обо мне по поводу моего долгого молчания. Дело в том, что я упала на улице и растянула себе на правой руке сухожилие к счастью ничего не сломала и мне трудно писать, (разбила) на левой ноге щиколотку и мне трудно ходить. Упала я перед Рождеством и почти два месяца стала инвалидом... У меня накопилась масса писем на которые надо ответить и я не могу собраться на это дело; голова пустая, глаза плохо видят, ноги плохо ходят. Совсем я стала дряхлая старуха.

Ваше письмо и карточку поздравительную получила своевременно, за что благодарю и крепко всех вас целую. Посылаю фотографию, снимок сделан под Новый Год 1968-й. Я сижу в шубе, на лице у меня рыжие пятна; это рефлексы; это рефлексы от вспышки электрической лампы; отсвета пианино, около которого я очень близко сижу рядом Шебек.

Вот вам причина моего молчания. Вы думаете, что я вас забыла. Нет, я всегда мыслями с вами. Напиши о твоей больной руке и о работе. Целую. Храни вас Бог! Мама.

Шелль, 13 сентября 1968 года

Мои дорогие, родные дети, Галим, Идиль и Тёре, пишу вам после долгого молчания. Оно было вынужденное по несчастью со мной. Я была смертельно больна, лежала в госпитале три месяца, теперь шесть недель я вернулась к себе, но не в свою комнату, а в клинику.

Вот что со мной случилось 4-го мая: в три часа утра я встала на горшок сделать (пи-пи), когда я хотела идти к себе в постель, у меня закружилась голова, и я упала на колени, внутри меня что-то треснуло, мне больно не было, но когда я хотела подняться, то положить ноги не могла, у меня они были сломаны, я кричала от боли невыносимой в течение трех часов, и меня никто не слыхал, я совсем потеряла голос, моя соседка встала на работу и услышала странный писк: я уже обессилела и говорить не могла. Вызвала директора амбуланс и меня оперировали, у меня под Radio обнаружено было перелом бедра в правой ноге. Починили мне ногу: соединили металлическим гвоздём. Я хожу с палкой, только когда около меня кто-нибудь есть, иначе я не могу, боюсь упасть, вот, мои милые, дорогие дети, какое несчастье меня постигло, и всё это произошло во время революции в Paris, когда всё было закрыто: почта, дороги, не было бензина, сообщения никакого, ни по воздуху, ни поездом, ни телефону, ни радио, никто ничего не знал, шла война в Париже, газеты были прекращены. Только в госпиталь ночью привозили тяжело раненых и запрещено об них говорить служащим, раненых отделили от обычных больных, и мы не знали, кто были эти раненые. Я думала, я сойду с ума: меня никто не навещал, мне казалось всё вымерло, так было в течение целого месяца, наконец, постепенно все вошло в норму...

Очень печальную новость вы мне сообщили о докторе Октае. Бедная Саида! Как я ей сочувствуют, но такая наша с ней судьба. Передайте ей мое сочувствие.

Я очень устала сейчас вам писать. Шлю всем мой поцелуй.

Ваша любящая Мама.

Шелль, 22 января 1969 года

Мои дорогие дети, Идиль, Галым и Терё, я еще жива, но чувствую себя очень больной. У меня по временам не действуют руки, и я не могу писать. Вот как сейчас: я еле-еле пишу это письмо.

Прошу тебя, Галым, напиши мне ясно и точно, есть ли у тебя в банке текущий счет, и в каком, как он называется. Я хочу послать вам деньги, по почте можно послать только 25 франков. Сколько это будет на турецкие лиры? 25 франков — это по-здешнему очень мало. Может быть, через банк лучше, чем по почте.

У меня начинается, наверно, или паралич, или ревматизм рук и ног, глаза очень плохо видят. Меня лечат от малокровия, но улучшения я заметного не замечаю.

Напиши, скорей, так как могу скоро умереть или потерять возможность говорить и писать коряво, как сейчас.

Ну, пока, на этом заканчиваю. Храни вас Господь. Будьте здоровы. Целую вас всех. Любящая вас всех горячо Мама.

Телеграмма*

MONSIEUR ALIM ALMAT PETROL SITESI BOLIK 9 N12
LEVENT ISTANBUL
++81 PARIS TELEPHONE DE CHELLES 322 23 16 4 1969 9 50
++
MADAME TCHOKAIEFF DECEDEE OBSEQUES JEUDI 17
AVRIL A 10 H 30 CROIX ROUGE RUSSE CHELLES
+++++ K 91 2 N17 10 H 30 RPT 9 N12
++

* Мсье Алим Алмату
Мадам Чокаев скончалась похороны четверг 17 апреля
10 ч 30 русский красный крест шелль

Карис Канатбай - Марии Чокай

Для Вашего внимания моя автобиография в кратком виде

I. Я Карис Косай Оглу Kanat-Bay родился 1 мая 1911 г. в Barsi/ Turkistan-Westkasachstan (Западный Казахстан) в семье крупного землевладельца-бая.

До осени 1926 года учился в сельской школе у себя на родине, и с осени 1926 года учился в городе Оренбург и окончил Оренбургский Рабочий Факультет в 1930 году.

С весны 1931 года по 1936 год учился в Горном Институте в городе Свердловск (Екатеринбург) и 3 июня 1937 года защищал дипломную работу перед Государственной Квалификационной Комиссией на тему — «Постройка и разработка Золото-рудного месторождения на Алтае Акжал Золото» и мне было присвоено звание Горного Инженера с Дипломом Второй Степени.

С июля 1937 года до начала Германо-Советской войны в 1941 году работал в Галюшурминском Буроугольном месторождении на реке Кама в качестве главного инженера.

II. Мой отец Kosay Kanatbay Ogly за участие в повстанческом движении против Советской власти в 1918—1919 годах подвергался гонениям со стороны Советов и скрывался в Саратовском краю, и поэтому мне приходилось оставить родные места и поехать на учебу в далекий край Оренбург, где я учился под маской сына батрака.

Однако в 1930 году, когда я уже был на последнем курсе, каким-то образом стало местным властям известно, что:

1) мой отец Косай сын крупного землевладельца и был активным участником повстанческого движения против Советской власти;

2) мой дед Канатбай был в свое время очень богатым человеком и носил духовное звание Хаджи и

3) мой прадед (отец моего деда Канатбая) Бекжан был военоначальником у Джангир-Хана (хан Малой Орды) — и я был исключен из состава студентов Оренбургского Рабочего Факультета, как чуждый элемент по социальному происхождению.

Однако я не падал духом, и пользуясь тогдашним Советским лозунгом, что — «сын за отца не отвечает» подал касационную жалобу о моем обратном восстановлении на учебу. И после 6 месячного разбирательства и хождения мне удалось, с помощью

друзей-знакомых моего отца, окончить Оренбургский Рабочий Факультет в 1930 году — т. е. сдать экстренный экзамен.

III. Весною 1931 года я поехал в Москву с целью поступить в высшее техническое учебное заведение, однако устроиться мне в высшее учебное заведение было невозможно так, как в моих документах были отмечены мое непролетарское происхождение и мне надо было найти человека, который дал бы мне рекомендацию. А поэтому я обратился известному Туркестанскому националисту Турару Рыскулову, который тогда занимал пост Первого Заместителя Совнаркома Р.С.Ф.С.Р. и по рекомендации последнего получил путевку в Горный Институт в гор. Свердловск на Урале.

IV. Во время моей учебы в Горном Институте в гор. Свердловске я состоял на учете Н.К.В.Д. и подвергался к учетным допросам по делу «Казахского Землячества», которое объединяло всех студентов-казахов обучающихся во всех высших учебных заведениях города Свердловск и я был секретарем этого Землячества.

Постольку наше Казахское Землячество признавалось Казахским Правительством, как студенческая организация, ведущая культурно-воспитательную и экономическую работу нам не так трудно было отражать нападки со стороны НКВД. Основной задачей нашего Землячества были: 1) учет всех студентов-казахов и докладывал Казахскому Наркомпросу — кто, когда и какое высшее учебное заведение кончает. 2) оказание экономической помощи студентам-казахам — в виде стипендии от Казнаркомроса и оказание единовременной помощи с кассы Землячества.

И на меня, как секретаря Землячества была возложена особая, секретная задача держать непосредственную — живую связь с господином Искараевым, который тогда был Председателем Петровского Областного Испольнительного Комитета и потом Главным Прокурором Казахской Республики.

Начиная с 1932 года я в году 2 раза встречался с госп. Искараевым в разных местах и давал ему отчерпывающий отчет о работе и составе нашего Казахского Землячества. И последний раз я имел встречу с госп. Искараевым в конце июня 1937 года в гор. Алма-Ата, когда я окончил Институт и стал инженером. Искараев мне говорил, что положение националистов с каждым днем осложняется и имеется опасность разгрома, а поэтому он порекомендовал мне воздержаться от поездки на работу в «Ал-

тай Золото» или в «Караганду», и поехать в другую республику и по возможности в глухой район.

Согласно совета госп. Искараева я поехал на работу вновь открытое буро-угольное месторождение на Каме, которое лежало далеко от железных дорог и этим месторождением были заняты только местные власти, а центральные власти им мало интересовались.

V. Когда в июне 1941 г. вспыхнула война между Германией и Советами я добровольно поехал на фронт, отказавшись от той отсрочки, которая предоставлялась мне, как Главному Инженеру и 23 июля 41 года сдался немцам в плен на Калининском (Псков) направлении фронта.

В сентябре 1941 года к нам в военнопленный лагерь р. Сувалки – Восточная Пруссия приехал наш Президент Мустафа Tschokayogly, которого я знал на родине, как руководителя национального движения за границей и в течение 12 дней он нас посещал ежедневно. Интересовался нами и в тоже время читал нам лекции. И в частных беседах с Мустафа Ага я познакомился с нашим положением и о предстоящих трудностях, которые нам предстояло преодолеть. И действительно, когда Мустафа Чокай Оглу уехал от нас мы остались в таком же почти положении, как до его приезда. С наступлением зимы положение наше еще ухудшилось, военнопленные начали умирать от холода и голода. И кроме того военнопленные жили почти голые под открытым небом и нас гоняли на работу несмотря на то, что мы кое-как ходили на ногах, и были разутые.

9 ноября 1941 г. нас 80 чел. туркестанцев, согласно списка присланного Чокай Оглу, направили в гор. Люкенвальд (Luekenwalde), где за городом был Шталаг III.A. В этом лагере нас поместили в такие бараки, где немцы не держали бы своих свиней и в этом лагере мы находились до конца апреля 1942 года. Не смотря на то, что среди туркестанских пленных была строгая дисциплина и спаянная дружба все же погибли из 80 чел. около 10 чел., так как вспыхнувшая эпидемия тифа сводили мои и старания моих друзей по спасении туркестанских пленных почти на нет. Однако же благодаря нашей спаянности и дисциплинированности нам 70 человекам удалось себя спасти от неимоверной голодной смерти.

Только в начале апреля 1942 г. мы узнали о смерти нами всеми любимого и уважаемого человека Мустафа Чокай Оглу.

29 апреля 1942 г. нас 70 чел. перевезли в особый лагерь Wustrau, где были более-менее устроены в жилищных отношениях, однако питание было недостаточное. Благодаря тому, что наши туркестанцы хорошо освоили «немецкую дисциплину», нам было в этом лагере, и я как руководитель Туркестанской гр-пы быстро вошел в дружеские отношения с начальником лагеря, легче.

До марта м-ца 1943 года я работал руководителем Туркестанской гр-пы и за проявленную мною неосторожность в части недемократического поведения некоторых руководителей в Туркестанской организации в Берлине, во главе которого стоял Veli Kajum я начиная с сентября 42 г. подвергался гонениям со стороны последнего, и 12 марта 43 г. я был арестован гестапо и посажен в Потсдамовскую тюрьму. Только упорная защита начальника лагеря госп. Францелем, мою сторону дала мне возможность выкрутиться с рук Gestapo. Но я был лишен права заниматься национальной работой среди туркестанцев и мне было предложено поехать на работу в город Позен (Posen) к одному фабриканту. Однако я не поехал в Позен, а по совету моих друзей поступил в Институт по изучению иностранных языков при Берлинском Государственном Институте. И до 15 января 1944 г. посещая Институт по изучению иностранных и в тоже время проводил работу через моих единомышленников против вождизма в Туркестанском деле.

Мое пребывание в Берлине не было выгодно ни Veli Kajum и ни Ostministerium, так как я своей деятельностью, хотя бы со стороны мешал им, и поэтому они добились моей отправки в Туркестанский легион и 12 января 1944 г. я получил извещение от OKW (*Верховное командование вооруженными силами Германии - Б.С.*), что согласно письма Ostministerium'a от 1.11.43 г. и еще на основании каких-то законов я призывался в Немецкую Армию т. е. в Туркестанский легион. И 17 января 44 г. меня в сопровождении унтерофицера направили в Легион. Когда 20 января 1944 г. я прибыл в Штаб Восточного Легиона, мне стало из доклада моего сопроводителя известно, что Штабу была известна моя личность, конечно только с плохой стороны. И я вынужден в моих докладных на имя генерала Heigendorff подробно описать о моих разногласиях с Veli Kajum, и подробно обосновал, что Туркестанскому вождизм совсем не подходит. Кроме того я категорически отказался поехать в Туркестанский легион так, как

меня ожидала репрессия и конечно под-ставленники Kajum'a сумели со мной легко справиться.

После моих 3-х докладных записок на имя генерала Heigendorff по Туркестанскому вопросу я был зачислен в состав Штаба Остлегиона и 14 февраля с этим Штабом обратно прибыл в Берлин и до 3 июня 1944 года находился в Штабе в качестве солдата-чернорабочего (мыл пол, чистил окна и уборные) иначе говоря надо мной издевались т. к. мой непосредственный начальник Oberleutnant Zill, который заведывал особым отделом - I C, был личным другом Veli Kajum.

Так, как я в мое свободное время уходил к моим друзьям и там занимался Туркестанскими делами и это стало (известно) Kajum; и последний через своего друга ст. лейтенанта Zill добился моей отправки опять таки в Туркестанский легион.

3 июня 1944 г. я в 12 ч. дня получил приказ в течение 2х часов оставить Берлин поехать в город Лион. Но когда я прибыл в Штаб дивизии в гор. Лион, категорически отказался поехать в Туркестанский легион и я был оставлен временно при Штабе дивизии в качестве переводчика и оттуда я перешел во вновь организованное учреждение - Zentralnachweisstelle fuer die Freiwilligen aus dem Osten и 12 сентября 1944 года служил в этом учреждении в качестве солдата-легионера.

12 сентября, при обратной поездке с Лиона в Германию, в гор. Karlsbade во время воздушной бомбардировки я был тяжело ранен в голову и до 30 октября 1944 г. находился в больнице в городе Карлсбад.

VI. В начале ноября 1944 года я прибыл в Берлин и зная, что Kajum опасался моего присоединения к движению генерала Власова я договорился с Kajum остаться в Берлине в качестве его главного советника по всем вопросам касающимся Туркестана и в начале декабря 1944 г. я был назначен Генеральным Секретарем Туркестанского Комитета в Берлине. И начиная с того момента я перевел секретные переговоры лично с генералом Власовым и в феврале 1945 года я с 80% членами Турк. Комитета присоединился к Власовскому движению, и переехал в Карлсбад. Там мы организовали Туркестанский Национальный Совет, где я был избран председателем этого Национального Совета и в данный момент являюсь председателем Национального Совета при Антибольшевистском центре в гор. Мюнхен.

Weinheim, den 2.6.48 г.
Любимая Маман!
Выше я изложил мою автобиографию, конечно только д/вас. Хотя я в предыдущем письме просил Вас переслать письмо написанное в Adr. Министерства Иностранных Дел Франции, но теперь я думаю надо будет правильнее воздержаться от посылки этого письма по назначению, так как я после долгого обдумывания пришел к выводу, что такое обращение к Министру не приведет ни к какому хорошему результату, и моя личность (выбранная ли эта личность или не выбранная) в данный отрезок времени не будет его совсем интересовать. И поэтому прошу Вас это письмо не посылать.
Любящий и уважающий Вас Ваш сын Карис

Махмуд Мухамадемин – Марии Чокай

20 октября 1951 года

Уважаемая госпожа Чокаева,
Я Туркестанец Махмуд Мухамадемин шлю Вам низкий поклон, и желаю Вам всего хорошего.
Во время войны я был в Германии работал за освобождение родины, вместе с Вели Каюмом.
В последнюю катастрофу я приехал в Египет. Я давно желал иметь с Вами письменную связь, но, к сожалению, не знаю точно ваш адрес, теперь я решил написать к Вам по адресу из журнала.
Раньше когда я был в Вустрау, Вы посылали одежду от нашего покойного великого отца Мустафа Чокая, госп. Канатбай дал мне шерстяные желтые носки, до сих пор, как глаз я сохраняю память от нашего отца Мустафа Чокая.
Я нашего отца Мустафа Чокая знаю из Стамбула.
Когда-то Мустафа Чокай и доктор Межидин бей, и мой покойный отец хаджи Махмуд, были все вместе как братья.
В данное время я нахожусь в Египте, имею жену, она из Петрограда, и имею две дочери одна 4 года, вторая 6 лет. Если же Вы получили мое письмо, то, пожалуйста, прошу Вас напишите мне ответ, т. к. я хочу знать Вашу жизнь.
К Вам с большим уважением, желаю для Вас счастье.
Мой адрес: Mahmud Mahamadamin
Scharia Darbullabbana 9

17 января 1952 года

Много уважаемая мадам Мария Яковлевна Чокаева,

Ваша письмо от 22.10.51 г. я получил, благодарю Вас за быстрый ответ, но, к сожалению, я не был дома два месяца, работал в Порт Саиде, прошу от Вас извинение т. к. я не мог написать ответа сразу. Получив от Вас письмо я был очень обрадован, но когда я прочел всю Вашу жизнь, был очень огорчен, я обижен что Вы сейчас оставшись совсем одни, около Вас нет одного человека, который бы помогал Вам. Я лично тоже один без отца без матери, и так же моя жена оставила всю свою фамилию. Я сожалею, что мы от Вас далеко, но если бы были с Вами вместе, Вы были бы для нас мать. Очень жалко, что я сейчас не имею не какого подданства, а без подданства я не могу не куда уехать, в данное время я стараюсь и хлопочу, чтобы уехать из Африки куда-либо.

За Ваша положения я писал в Германию и Турцию, я удивлен. почему они стали такими бессердечными к своим людям. Эти все без уважительные люди наверно забыли нашего великого Мустафа Чокая.

Мы как беженцы мусульмане приехали в Мыср, но здесь государство нас не признает, живем пока в одном кампо, жизнь наша протекает средняя. Здесь есть разная нация, и так же очень много людей из России, даже здесь есть Царский консул.

Я имел одного знакомого господина, он по нации чечен, раньше он жил в Франции в Париже, он Мустафа Чокая знает очень хорошо, его имя Чулик Ибрагим, этот человек в 1946 г. уехал из Рома в Францию. В данное время я не знаю, где он, т. к. я писал письмо в Францию, но мое письмо пришло обратно.

Я желаю иметь связь с Канатбай Карисом, но, к сожалению, где он, я не знаю.

Поклон для вас от моей жены. Желаем для Вас всего хорошего. Ожидаю от Вас ответ.

Махмуд Мухамадемин.

10 мая 1952 года

Уважаемая госпожа Мария Яковлевна Чокаева,

Привет и низкий поклон для Вас от меня и так же от моей жены и от моих деток.

Посланные Вами журналы «Тюркели» я получил и также от гос. Канатбая получил письмо. Большое спасибо Вам за вашу

добрую заботу. Ваша письмо 7-III-52 с Вашей фотографией я получил. Моя жена и дети очень довольны были видеть вашу фотографию. Госп. Мария Яковлевна извините меня, я не мог писать сразу ответа, т. к. я не нахожусь на одном месте, а письма я получаю по адресу Туркестанского дома. В Египте я живу пять лет, но что я здесь видал и переживал, ни в каком государстве я этого не видал.

Здесь три месяца была революция, зажгли весь город Каиро. Госп. Мария Яковлевна вы беспокоитесь за нас, но мы же не страшимся от этого, т. к. мы созданы на свет для войны, куда мы идем, то вслед за собой войну несем. Вы мне советуете ехать в Америку я тоже хлопочу, один год уже как ожидаю ответа. Здесь невыносимая жара, кругом жгучий песок, болезни очень много, кроме этого иностранному человеку здесь работы не дают. Я посылаю для Вас нашу фотографию, снята 1948 г. Следующий раз я пошлю Вам нашу новую фотографию.

Желаем Вам от Бога здоровье и счастье.

С поклоном к Вам

Махмуд Мухамадемин.

Петр Дюпир – Марии Чокай

Париж, 30 января 1954 года

Многоуважаемая и Дорогая Госпожа!

Еще раз я Вам очень благодарен за Ваш так сердечный и несравненный прием!

Мне было так приятно познакомиться и поговорить с Вами, что я теперь должен извиниться за то, что я держал Вас наверно более чем следует!

Всегда Виктор о Вас говорит с восторгом; и я сам теперь понимаю почему он действительно такой счасливец!

Надеюсь иметь большое удовольствие снова с Вами встретиться, а пока уверяю Вас от своих самых сердечных воспоминаний и молитв.

Искренно Ваш

о. Петр Дюпир

P.S. Пожалуйста, передайте мои искренные приветы и Вашей доброй соседке, с которой я тоже был очень рад познакомиться. Посылаю тоже Вам некоторые Русские иконы.

22 сентября 1954 года

Дорогая Мария Яковлевна,

Мне очень стыдно! Один месяц уже прошел с тех пор, как я получил Ваше любезное письмо и замечательный снимок... и только теперь Вам отвечаю. Сердечное спасибо!

Правда, я был довольно занят со всеми этими симпатическими, а живыми, мальчиками. Все-таки я Вас не забыл, особенно во своих молитвах. Летний лагерь окончился 4-ого этого месяца, но после того мне было нужно ехать до Мюнхэна (в Германию) и потом в Бельгию, откуда я возвращусь в Париж после завтра. Я буду в Париже 2 недели и потом поеду в Рим, но раньше того, конечно, заеду к Вам, чтобы прощаться с Вами и организовать Ваше занятие с Мишкой.

Получил письмо от отца Алексея и привет для Вас, пока он сам Вам напишу. Мама тоже Вас благодарит за привет и посылает Вам свои сердечные. С радостью надеюсь с Вами и с Виктором скоро снова встретиться и немного поболтать!

Сердечный Ваш о. Петр

Воскресенье, 26 сентября 1954 года

Дорогая Тетя Маша,

Я только что получил точные сведения, насчет уроков с Мишой.

Как мы это уже предвидели, Миша будет ехать к Вам по вторникам от 16.15 до 18.15 ч.

Он приедет к Вам, для первого урока, во вторник 5-го октября.

Я его еще не встретил, но позвонил ему и все объяснил ему. Для первого урока, он наверно ничего не успеет приготовить, но мне кажется что это не так страшно, так как Вы сможете таким образом побольше познакомиться с ним и с его знанием... или незнанием! в Русском языке.

Позавчера я забыл с Вами поговорить об одном пункте, еще не установ(л)енном, хотя Вы об этом, уже до каникул, мне что-то сказали. Я в самом деле не помню сколько Вы спрашиваете за урок

(или точнее за один час), и еще раз прошу у Вас извенения за свое невнимание и забвение.

По этому будьте любезны, дорогая тетя Маша, меня сообщить это сведение, так как меня спрашивают об этом. И еще раз извините меня за безпокойство!

За Ваше уютное угощение Вам очень благодарен, так же как и я благодарю Господа Бога за то, что я с Вами познакомился, так же как и с Виктором.

Вам обоим желаю всего лучшего и отдаваясь Вашим молитвам, прошу Вас, дорогая тетя Маша, верьте моему возпоминанию перед Господом и моей сердечной и искренней преданности Вам.

о. Петр.

Париж, 9 октября 1954 года

Дорогая и Уважаемая Тетя Маша!

Очень Вас благодарю за Вашу открытку и, пока я собираюсь к Вам заехать, Вам пошлю это объявление о паломничестве в Лизье. Некоторые из наших медвежат наверно тоже и поедут, т.к. им очень полезно будет говорить целый день по-русски.

Скоро начнут наши «культурные вечера» по четвергам, как раньше. Мы сейчас приготовляем нашу программу и, как раз, отец Павел и я были бы Вам очень благодарны если Вы хотели бы один раз читать маленький доклад, о чем Вам угодно, например о жизни оперных артистов в Петербурге (или в Москве), или о личных воспоминаниях своей жизни, или о любом другом предмете, который по Вашему мнению мог бы интересовать нашу молодежь. Это безсомнено было бы им, и поучительно, и полезно как упражнение Русского языка.

Так как мы сейчас составляем нашу прграмму, Вам очень благодарен буду, если Вы могли мне сказать Ваш принципиальный ответ, и, в положительном случае, мне определить Вам удобное число: один четверг в Октобре, или в Ноябре, или в Декабре, кроме 5-го Ноября (и 24-го и 31-го Декабря). Нам подходящее число было бы особенно: или 12-го Ноября, или 3-го Декабря. Но, конечно, можно и устроить иначе.

Как Ваше здоровье? Жду с нетерпением с Вами встретиться, т.к. имею много Вам рассказывать о Вашей любимой, но так многострадальной Родине! До скорого свидания, дорогая тетя Маша.

Сердечный Вам во Христе P.B.Dupire

8 апреля 1955 года

Первые приветы от «путешествующего и плавающего» Вашего друга в своем приезде в «Новый Мир». Христос Воскресе!

Сердечно Вам

о. Петр Дюпир

обратный адрес: 511 East Drinker st. Dunmore PA USA

Париж, 15 февраля 1961 года

Дорогая и Уважаемая Тётя Маша!

Какое печальное известие мне принесло Ваше милое письмо! Я очень хорошо понимаю Ваше настроение и я особенно тронут Вашем отношением ко мне, но я надеюсь что, с Божьей помощью, Ваша замечательная, бодрая и крепкая «Русская природа» даст Вам обратно ту физическую силу, которая до ныне сопровождала Вашу исключительно молодую духовную силу, которая никогда Вас не покинула и еще теперь так ярко сияет у Вас, так горячо горит у Вас и вокруг Вас!

Да, от всего сердца, молюсь Бога, чтобы Вы еще долго продолжали Ваш путь с нами. Правда, Ваша жизнь уже переполна. Но разве, не имеете-ли Вы еще так много богатых и интересных опытов, нам полезных?

В следующую субботу и в следующее воскресенье я уезжаю из Парижа. Если Вы не думаете что это слишком поздно я заеду к Вам в субботу 25-го после обеда. Иначе я могу раньше заехать к Вам в другой день, если Вы чувствуете что действительно это было бы лучьше. Просто скажите мне (через Françoise, например) то, что Вам кажется лучьше. Мне лучьше же в субботу, потому что я свободным буду в тот день до 7 ч. вечера, но еще раз – это будет как Вы хотите.

С нетерпением жду удовольствие Вас видеть и душевно целую Вас

P.B.Dupire. Сердечный привет от отца Павла.

Хан Иомудский – Марии Чокай

Париж, 20 декабря 1956 года

Многоуважаемая Мария Яковлевна, несколько лет тому назад я Вам написал письмо, но Вы тогда его превратно поняли и меня тогда ввел в заблуждение Тамби Эпихотов, сказав что Вы будете рады иметь весточку от меня. Тогда Вы мне написали письмо такое, что я несколько лет Вам снова не ответил; т. к. подобные письма старым знакомым не пишут.

Как и тогда и теперь, пишу зная, что Вы одиноки и прошлое меня связывало с Мустафой еще с моей Родины-Туркестана.

Буду рад узнать как Вы живете? Предлагаю ничего не вспоминать, а писать о настоящем. Я лично много лет тому назад получил права юридического советника и сначала практиковал долго в Ницце, а теперь в Париже. Квартирный кризис все мне портит; т. к. практикую в одной комнате. Принимаю ежедневно кроме праздников от 5 ч. в. до 7 ч. в. Если хотите я могу Вас как-нибудь повидать только в Воскресенье и если я буду знать, в какие часы Вы дома.

Пишу Вам по старому адресу.

Хыдыр Хан

Париж, 19 апреля 1957 года

Глубокоуважаемая Марія Яковлевна, прошу принять мои поздравленія с праздником Св.Пасхи и пріятно провести эти праздники. Пользуюсь случаем чтобы Вам пожелать хорошего здоровья и полного благополучия. Дай Бог!

Вас я не забыл и давно пытался или Вас лично повидать или Вам написать. Так как мне приходится вести всю работу самому, то никак не мог найдти свободную минуту. Составление бумаг, переписка, хожденіе по судам и по учрежденіям берет целый день, а от 5 ч. в. и до 7 ч. в., а часто позже принимаю кліентов. Все это дает скромную возможность нам сводить концы с концами. Русскіе обеднели и дела не очень большія. Ищу возможность обменять мое помещеніе, дав мою комнату взамен и небольшое отступное чтобы я мог поставить телефон и улучшить качество кліентуры. Даже французы адвокаты меня ставят на равную с собой ногу в смысле моих юридических познаній. Мы славу Богу с

Зоей Алексеевной живы и здоровы и я за все всегда Создателя благодарю. Вот вкратце наша жизнь. По вечерам много читаю чисто профессіональныя вещи, а равно книги общаго характера. Хорошая книга мне больше дает, чем кино или лекціи. Буду рад узнать как Вы живете и как Ваше здоровье! Будет желаніе, то черкните пожалуйста. Продолжаете ли Вы давать уроки? А как Ваша пенсія?

В это воскр. приглашен к друзьям на обед, а в Понедельник должен уехать на целый день, сделав 80 км.

Желаю всего хорошего. Будьте здоровы. Если у нас и была разница во взглядах, то все же я всегда был другом Мустафы и Вашим - каковым и остаюсь.

Искренно преданный Вам.

P.S. Имеете ли Вы новости о туркестанцах, которые многіе из них пошли по ложному пути? Хотел бы их повидать.

Париж, 24 апреля 1957 года

Дорогая Марія Яковлевна, спешу поблагодарить Вас за столь любезное Ваше приглашение приехать к Вам в эту субботу, но увы я приехать не могу, т. к. я по субботам как обычно принимаю от 5 ч. вечера и обычно ко мне именно по субботам приезжают те клиенты, которые в другие дни работают. Я бываю и то ни каждое Воскресение свободным. Очень об сожалею и мне было бы приятно Вас и повидать и поговорить на различные темы.

Ничего: увидимся в другое какое либо Воскресенье. Вчера я был приглашен на грузинские фильмы и очень интересные. Видел старый Тифлис и невольно вспомнил Вас и Мустафу, когда у нас были тогда большіе надежды. Все проходитъ! А в кино я не был 2 года. Очень рад был из Вашего письма узнать, что Вы в добром здравіи и что у Вас обстоит хорошо. Помощь, которую Вам присылают с rue Vaugirard, часто бывает выше, чем пенсія. Ваша пенсія может длиться около 1-го года, но Вам дадут за старое прошедшее время; т. е. со дня подачи прошенія. С наступленіем тепла как-то стало все легче и приятнее. Желаю Вам всего хорошего, а главное здоровья. Мне очень было приятно с Вами беседовать когда я был у Вас.

Искренно Ваш

Париж, 28 апреля 1957 года

Дорогая Мария Яковлевна, пишу два слова чтобы сердечно поблагодарить за милейшее приглашение. Очень я хотел бы Вас и повидать и поговорить, но 1-го Мая я должен буду уехать в S-te Geneviéve de Paris к моей клиентке, которая после операции сама не может приехать в Париж.

Это все очень досадно. Я Вам заранее напишу и буду очевидно свободен только в одно из Воскресений, ближайших.

Очень тронут Вашим вниманием. Будьте здоровы и отдыхайте у друзей. Желаю всего хорошего. Искренно Ваш

Преданный Ваш

Париж, 20 июня 1957 года

Дорогая Мария Яковлевна, очень досадно, что в это Воскресенье я занят и никак не могу воспользоваться Вашим любезным приглашением приехать к Вам и иметь удовольствие Вас повидать, а равно интересно побеседовать.

Сразу Вам не написал; т. к. пытался мою поездку переложить на другое Воскресенье, но мне нужно поехать к кліентке, в виду спешности ея дела, которая из за сердца не может сделать по жаре 70 километров.

Вас сердечно благодарю за Вашу добрую память, приглашеніе, а равно за то, что Вы вспомнили меня в разговоре с Abaliantz.

Его я не знаю. Если напишет, то отвечу. Как Вы живете? Вы ничего не пишете о себе. Полагаю, что Вы в добром здравии? Я живу слава Богу и много работаю, но заработки скромные.

Зоя Алексеевна одно время чувствовала слабость, а теперь, слава Богу, поправилась.

Это меня волновало очень. Операция бывшая сказывается иногда. Как только освобожусь, то Вам черкну пару слов.

Будьте здоровы. Желаю всего хорошего.

Искренно уважающий Вас

Ахмед Цаликов – Мустафе Чокаю

30 декабря 1925 года
Kral. Vinohrady

Дорогой Мустафа! Поздравляю Вас и Марію Яковл. с новым годом и от души желаю здоровья и счастья. Не писал Вам, так как мы переживаем катастрофические минуты. Ликвидируется русская акция и что будет со мной больным — неизвестно. Дадо тоже серьезно болен (сейчас лежит), у него обнаружили ишіас. Таковы то дела. Куда ехать? В ЧСР найти работу невозможно, кроме рабского труда в деревне, на что я не способен. Столько планов и все это рухнуло. Как горько Вы не можете себе представить. Хочется сжечь все свои рукописи и «разбить бокал».

Любящий и преданный Ахмед Цаликов

Как Ваши дела?

Федор Акименко – Марии Чокай

1 мая 1940 года. Христос Воскрес!

Милая и многоуважаемая Мария Яковлевна! Шлю Вам и Влад. Васильевичу мои лучшие приветствия и поздравления со Светлой Неделей. Не собрался написать Вам раньше. Как Ваше пение? Выступаете ли в концертах? Как здоровье Ваше? У меня попрежнему много работы и работаю всегда с удовольствием, хотя не всегда в благоприятных условиях протекает моя деятельность.

Если увидите Белоусова, то прошу передать ему мой добрый привет — надеюсь, он на меня не сердится. Забыл его адрес. Надеюсь что он не покинул Парижа. Влад. Васильевича поцелуйте от меня — он такой милый и очаровательный. Никаких новостей у меня. Погода стоит прескверная в Ницце. Моя фотография на этой открытке сделана в 1938 году. Я считаю ее лучшей из всех прежних. Когда Вам надоест смотреть на нее — не выбрасывайте в мусорный ящик — а перешлите мне ее обратно.

Votre compatriote

Th. Akim.

Елена N. – Марии Чокай

Madrid 14/9/53

Моя матушка
Я вас целую много
Madrid est splendide la nuit. Tout a l'heure nous repartons pour Cordove et Grenade. Nous sersons demain au Maroc. Beaucoup d'affectueux baisers. A bientot
Helene
Ваша Леночка

Над. и Ив. Герман – Марии Чокай

Дорогую Марью Яковлевну поздравляем с Новым Годом и Рожд. Хр., желаем Вам в Новом году душевного покоя и много-много радостей.

Наши пожеланія исходящие из глубины наших сердец – сбудутся. Аминь!

Как живете, родная? Почему не даете о себе знать? Имете ли Вы вести от Аси? Что пишет, что делает и почему внезапно уехала?

Мы оба Вас сердечно целуем и дружески приветствуем
Над. и Ив. Герман

1/154

Дорогую Марьюшку поздравляем сердечно с Рожд.Хр. и Новым Годом, желаем Вам много-много радостей на многие-многие годы!..

Целуем Вас всем сердцем
Искренно Ваши
Над. и Ив. Герман

25.XII.1954. Paris

Вера Попова – Марии Чокай

Париж, 16 декабря 1955 года

Милая Марія Яковлевна

Пишу Вам по порученію Ниси. Она очень просит, если Вы знаете сообщить ей адрес Васи Romey..... он писал из Америки что собирается в Германію. Нися ему написала давно но ответа не имеет. А ему нужно спешно подавать заявленіе чтобы держать экзамен на диплом. И Нися должна ему написать объяснив как нужно подать. Ничего не знаем как Вы живете? Все также работаете галстуки? Богенгард тоже давно не видели. Какая у них беда с ребенком Оли.

Крепко Вас обнимаю и жду ответа.

Ваша Вера Попова.

P.S. Работаем с утра до ночи и никого не видим.

Василий Ромей – Марии Чокай

Дорогая Тетя Маша!

Мы поздравляем вас с рождеством Христова и с Новым Годом! Вот наша фотография, снята летом этого года когда мы были в Северной Калифорнии, где я проводил полевую работу на свою докторскую диссертацию. Мне надо будет ещё не меньше одного лета провести в этом месте. Зимой я делаю разные лабораторные исследования (микроскопические и химические). В этом году я тоже работаю как помощник профессора и преподаю классификацию горных пород. Очень надеюсь что я смогу кончить работу на диссертацию через полтора года. Пока жизнь интересная, работы много, дети на глазах растут и вообще всё хорошо. В Беркели и Сан Франсиско мы совершенно влюблялись.

Раз в неделю я тоже преподаю начальный курс русского языка для Флотского резерва. Это конечно мне очень нравится.

Сейчас у нас каникулы рождественные но у меня осталось так много работы что у меня каникулы не каникул!

Мы надеемся что ваше здоровье хорошее и что праздник будет так счастливый для вас как и для нас.

Очень крепко целуем вас, Вася, Лукреция, Катя, и Гретчен.

На обороте другого фото: Golden Gate Park, San Fransisco
William, Catherine, Gretchen and Lucretia Romey
December 1957

Игорь Фремке – Марии Чокай

Берлин, 5 сентября 1962 года

Дорогая Мария Яковлевна!

Получил Ваше письмо еще в конце июля с. г., но оно застало нас в неудачный момент, в разгар подготовки и ожидания нашего переезда на новую квартиру. Это была очень трудная задача, ибо переезд сделать с 8-ью человеками семьи из дома, в котором я прожил 35 лет – не легко. Теперь мы только устроились на новом месте, больше загородом, чтоб было здоровее для детей и чтоб не придирались к нам без конца домохозяева и соседи, не терпящие детей. Вам же писать раньше того, как я узнал что-либо определенное, не стоило. Вот что я могу теперь Вам сообщить:

Я был на Турецком кладбище, могила Вашего мужа в довольно хорошем виде. Я дал старой женщине, которая смотрит и ухаживает за кладбищем, 10.– марок денег. Она же управляющая и все вместе. Она сказала, что препятствий для установления памятника не имеется. Единственно, по взглядам магометан, кажется не следует делать изваяний, фигур, портретов, – но я думаю и это можно уладить; так как ведение кладбища все в руках этой 75-летней старушки. Правда цены на памятники здесь страшно дорогие. Это будет стоить примерно 700-800 немецких марок. Каменный крест на могиле моей мамы (небольшой) обошелся в 1000.- марок. Итак если желаете, то высылайте голову-бюст по адресу, приложенному на отдельной карточке. Если почта не примет из-за тяжести веса, то нужно обратиться в экспедиционную контору. Надпись на памятнике следует сделать на немецком языке. Французский и русский на турецком кладбище непригоден. На могиле указан год смерти 1941, а не 1942. Если ставится памятник, то платить снова концессию не надо.

Всего доброго и с сердечным приветом

Игорь Алексеевич Фрёмке

I.Froemke Berlin-Charlottenburg 9 Heerstr. 41e (West - Berlin)

Мустафа Чокай – Байдаулету Дабылову*

Адресат: *Дабылов Байдаулет ученик ФЗУ им. КИМа*
ул.Кафанова № 150 г. Ташкент

Любезный Байдаулет,

Твои письма, отправленные из Ташкента и Москвы, я получил. Я очень обрадовался, узнав, что ты побывал в Казани, Нижнем и Москве. Кто не путешествовал, кто не видел все страны, у того меньше бывает сила знания. Москва и Ленинград являются хорошими городами. Хорошо было бы, если бы ты побывал в российских кишлаках. Я лично побывал в кишлаках Ярославля, Владимира, Москвы, Харькова, Курска, Саратова, Нижнего, Уфы, Казани и других, поэтому я приблизительно знаком с жизнью русского крестьянства... Я много раз бывал на Кавказе и в Крыму...

Теперь по гонению бога странствую по Европе: Берлин, Лондон, Париж, впереди Москва. Европейскую технику и знание можно испытать в указанных городах...

Тебе хочу поручить одно дело. В скором будущем из Ленинграда на твое имя будет переведено 40 рублей. Ты как-нибудь эти деньги отправь нашему Нуртазе. В Кызылорде якобы проживает некто Мухамед Али Газизов, его адрес; Муратбайская, дом № 2. Если написать указанному человеку и просить передать такому-то лицу в Сулутобе, то он (*должно быть речь идет о Нуртазе. От переводчика*) получит. Ты, будь молодцом, отправь ему деньги и от своего имени напиши письмо Нуртазе ...

Ты пишешь о книге. Отправленная мною книга французского языка — самая подходящая и легкая для знающих русский язык. Попробуй читать с вниманием. Если же не поймешь, то письменно сообщи мне: предпримем что-нибудь.

Вышли мне книгу Турара Рыскулова под названием «Революция и коренное население Туркестана». Вышли и другие книги, написанные о революции Туркестана...

---

* Перевод писем М.Чокая и Б.Дабылова выполнен в служебном порядке сотрудником НКВД Казахстана в 30-х годах.

Я хотел выслать тебе свою карточку, но до получения ответа на это письмо решил подождать. До свидания. Передай привет своей маме. Не забывай.

(Вместо подписи — синяя круглая печать с арабскими буквами: «М.Ч.» — От переводчика.)

Мой родственник Байдаулет,

Из Стамбула я вернулся дней 4-5 тому назад. Я сильно утомился за дорогу, а потому никуда из дому не отлучаюсь. Обещанные тебе книги за неимением времени искать их пока не мог послать, но на днях пошлю. Посланные тобою 4 шт. карт., «Песни» (стихи) Майлина Беимбета и книги «Ер Сайин» получены в мое отсутствие.

Если найдешь книгу Абая, то пошли мне. На днях в Кызылорде должна издаваться книга под названием «Тар жол, тайгак кешу» (Узкая дорога, скользкая переправа). Если ты эту книгу можешь достать бесплатно, то пошли ко мне. Потом, если будет издана Новая Конституция Узбекистана, пошли и ее. Если имеется карта по районированию Узбекистана или же, возможно, напечатаны названия районов, то пришли их. Я, кажется, много поручил тебе всяких вещей.

Ездил ли ты в горы? Что ты там видел?

От нашего Нуртазы нет известий в течение полугода. Я не знаю, чем он занят и боюсь за его здоровье.

Ты просил мою карточку, но я давно не снимался и не особенно люблю сниматься. Как-нибудь снимусь и пошлю тебе.

Если в Ташкенте имеются открытки со снимками Узбекистана или из казахской жизни, то посылай мне.

Ты спрашиваешь меня о моей жене, она русская, родом из Ташкента.

Если летом в каникулярное время ты выедешь из Ташкента и если расстояние между нами увеличится, то не забывай, что мой прежний адрес является постоянным. До свидания. Привет твоей матери.

Мустафа. 3 мая 1927 года.

(5 июля 1927 года. Перевел: Мухамедов)

Свет Байдаулет. Давно не писал писем. После получения твоего последнего письма путешествовал и недавно вернулся.

Для посылки фотоаппарата имеется много препятствий. Во-первых, нужно получить разрешение, а потом — отправка потребует много расхода, т.к. налагается тяжелая пошлина. Думаю, что фотоаппарат дороже станет тебе, чем мне, поэтому я на время отменил посылку его.

Ты не беспокойся хлопотами о посылке книг. Если тебе в руки попадет журнал «За партию» № 2, вышедший в октябре прошлого года, то вышли мне. Цена его, кажется, 50 копеек.

Как ты учишься?

Привет матери. Желаю Вам здоровья.

Мустафа. 8 февраля 1928 года.

Байдаулет Дабылов – Мустафе Чокаю

Мустафа агай!

Тяжесть Вашего положения очень давит меня. Мне ничего не присылайте. Если будет возможность, пришлите фотоаппарат и карманную батарею подешевле. Деньги Нуртаза, наверное, получил (выслал). Продолжительность нахождения здесь напишу. Письмо опущено с опозданием. Простите.

Байдаулет. *21 сентября 1927 года.*

Дядя Мустафа!

Получил Ваше письмо от 12 октября с.г. и карточку Вашу от 2 августа с.г.

Я поступил в Фабзавуч 20 октября 1923 года. Когда я поступал в эту школу, то я умел читать лишь по-казахски, что же касается русского языка, то я владел им незначительно. В момент поступления в эту школу я, благодаря своему возрасту и своей несознательности, ни о чем не имел понятия, но сейчас получаемое образование дает мне кое-что.

В Ташкенте очень трудно прокормиться. В Ташкенте тысячи безработных. Беднейшее дехканство, не имеющее средств для пропитания в кишлаках, покидает свои родные места и приезжает в город на заработки. Число таких приезжих в город дехкан все

больше увеличивается. Эти дехкане понемногу устраиваются на открывающиеся, правда, их единицы, новые заводы и фабрики.

Если бы я не поступил в Фабзавуч, то для прокормления своей семьи мне нужно было бы заняться чем-нибудь другим. Пока у меня в перспективе основной цели нет. Если спросите, почему, то скажу Вам, что получаемое мною образование достаточно для поступления в университет. Не знаю, как мне поступить после окончания Фабзавуча, какую избрать себе специальность. Школу я окончу в мае 1928 года. Посоветуйте, как мне поступить?

Я знаком частично со всеми отраслями работы, но за все специальности ухватиться нельзя, а нужно избрать себе одну специальность. Например, я хорошо рисую, но все-таки я хочу поступить на работу, ибо в семье я один трудоспособный человек и кроме меня некому позаботиться о семье. С другой стороны, хочется мне поехать в Ленинград на ученье и думаю, что если уеду в Ленинград, то моя семья не пропадет с голоду и достанет себе на пропитание кусок хлеба.

Ежедневно в 8 часов утра ухожу на работу. Моя работа заключается в ремонте паровозов. Всего на практическую работу у нас уходит 6 часов, а 2 часа на ученье. До 4 декабря 1927 года на эту же практическую работу у нас уходило 4 часа, а остальные 4 часа шли на ученье.

В прежнем своем письме я просил Вас прислать мне фотоаппарат и карманную батарею. Если Вы достанете это, то пришлите мне его. Мне этот фотоаппарат нужен для того, чтобы когда я приеду на Родину, то там сниму местность и близких родственников, о которых Вы упоминали в своих прежних письмах.

Пишите, как поживает тетя и как ее здоровье? Передайте ей привет. Когда у меня будут деньги, я вышлю Вам книгу Рыскулова «Революция и коренное население Туркестана».

Пока, до свидания. Байдаулет Дабылов.

Нуртаза Чокаев – Мустафе Чокаю

Франция, 19 февраля

Мустафа ага,

Посланное Вами письмо получил позавчера. Семейство в благополучии. Больше не о чем писать. Зима, первые дни были суровыми, но в последующие дни настала оттепель, тает снег.

Если так будет продолжаться, можно ожидать хорошую жизнь. Плюс к этому приближается время пахать. Если будет возможность, пришлите детям свою фотокарточку, нужно же им посмотреть на Вас после такой Вашей долгой отлучки.

Ну, пока, кош.

Привет от семейства.

Нуртаза.

Кызылорда, 1928 год.

Брат Мустафа,

Последнее Ваше письмо, хотя поступило своевременно, но в мои руки попали с некоторым опозданием по причине моего отсутствия. Поэтому отвечаю Вам с опозданием. Местные работники живы и здоровы. Прошлою зимою скончался Жангара Магзум. Брат твой Ахан жив и здоров, передает Вам привет. В нынешнем году не было воды, поэтому у населения не было урожая. У меня тоже самое не было, хотя посеяно мною очень мало. Но поскольку мы сами здоровы, постольку не тужу об этом. Детей не мог отдать в школу.

Нуртаза. Кызылорда. 10 августа.

Выписка из акта

Постановление Тройки УНКВД по Южно-Казахстанской области от 1 ноября 1937 года о расстреле Чокаева Нуртазы и Калмухамедова Мырзеке приведено в исполнение 3 ноября 1937 года в 24 часа.

Старший инспектор УНКВД Ю/К области. Подпись.

19 февраля

ство в бла-
дни были
ет снег.
ую жизнь.
можность,
осмотреть

енно, но в
ине моего
Местные
ся Жанга-
привет. В
я не было
ною очень
ку об этом.

-
кал-
/ года

ПРИЛОЖЕНИЯ

МУСТАФА ЧОКАЙ ОГЛЫ (ЧОКАЕВ)

(25 декабря 1890 г. – 27 декабря 1941 г.)

Издано Обществом изучения Центральной Азии
Англия, Оксфорд, 1986.

Мустафа Чокай родился в аристократической семье казахских кочевников из рода торайгыр кыпчакского племени Средней Орды (Орта жуз), в Ак-Мечетской области (Перовск), в настоящее время город Кзыл-Орда в Южном Казахстане. По материнской линии он находился в родственных отношениях с Хивинской царской династией. Сначала учился в школе (мектепе) в родном ауле, затем продолжил учебу в Ташкенте в русской гимназии и, наконец, окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Таким образом, он получил двойное образование – европейское и азиатское, свободно говорил на русском, турецком, английском, французском и польском языках.

В Санкт-Петербурге Чокай познакомился с лидерами казахского и турецкого народов, которые вскоре стали его близкими друзьями. Это Алихан Букейханов, член Думы, Махмудкожа Бехбуди, Мюневер Кари, Сиралы Лапин и Ахмед Байтурсын. По рекомендации Алихана Букейханова Мустафа Чокай стал секретарем Мусульманской фракции Думы по туркестанским делам, и этот пост он занимал вплоть до февраля 1917 года, когда он вернулся из Петрограда в Туркестан.

После февральской революции в Туркестане забурлила политическая жизнь. В Туркестане, который после завоевания русскими был на положении колонии и где русские власти проводили политику апартеида, среди местной аристократии стали быстро распространяться антирусские ксенофобные настроения: «Туркестанским мусульманам (как было написано в

ташкентской газете «Тараки» от 19 августа 1906 года) нечего ждать от русской бюрократии, которая в ответе за нашу нищету, бедность и невежество».

Февральская революция была встречена в Туркестане с большим энтузиазмом. Мусульманская интеллигенция ошибочно полагала, что Александр Керенский, будучи родом из Туркестана, поймет и решит их проблемы. Но влияние Временного правительства – даже в случае, когда оно хотело дать местному населению большую степень автономии – было невелико в Центральной Азии. Ташкентские Советы, в которых доминировали большевики и левые эсеры, были единственным органом власти на этой территории, и их главной целью было – не допустить мусульман к власти.

Мусульмане отреагировали на это образованием двух политических организаций: консервативной «Улема Жамиати» («Ассоциация ученых») и прогрессивной «Шура-И-Ислами» («Исламский Совет»). В марте 1917 года эти партии совместно созвали в Ташкенте конгресс мусульман Туркестана, который избрал Центральный комитет туркестанских мусульман («Тюркестан Мусульмани Шураси»), который также назывался «Милли Меркез» («Национальный центр»). Все районы Центральной Азии были представлены в этом центре. Среди его членов было немало видных деятелей мусульманского национального движения, таких как Махмуд Бехбудин (Бухара), Убайдулла Кожаев, Асадулла Кажаев, Назыр Хан Торе (Фергана), Мухамеджан Тынышбаев (Семиречье), Ораз Сардар (Туркестанский край) и Мустафа Чокай, который был избран председателем.

Деятельность Мустафы Чокая была направлена на политическое пробуждение мусульманского населения. В отношении России его позиция была пантюркистской, но умеренной, больше автономической, чем сепаратистской; его главные усилия были направлены на объединение всего Туркестана.

В апреле 1917 года Чокай стал ведущим членом редколлегии одной из важнейших мусульманских газет Центральной Азии «Улуг Тюркистан» («Великий Туркестан»), издаваемой Бюро татар Туркестана (Тюркистан татарларинин Бюроси), главным пантюркистским и панисламистским издательством. «Долой татар, сартов и казахов», – писал редактор «Улуг Тюркистана»

30 апреля 1917 года, повторяя идею Мустафы Чокая «Да здравствует тюркизм и ислам».

В июне 1917 года Мустафа Чокай вместе с группой казахов, членами казахской Алаш-Орды, и туркестанцев (Мир-Якуб Дулат, Султанбек Кожанов, Алибек Комус) издали в Ташкенте радикальную пантюркистскую и исламистскую газету «Бирлик Туы» («Флаг Единства»), главным редактором которой стал Чокай.

Октябрьская революция обострила отношения между русскими и местными мусульманами. Советская власть получила неожиданную поддержку со стороны русской общины, гражданских служащих, купцов, офицеров, богатых землевладельцев, т. е. тех, чье социальное положение, по идее, должно было бы быть враждебно коммунизму, но которые видели в местном мусульманстве главную угрозу для себя. Все пятнадцать членов Туркестанского Совнаркома, сформированного в Ташкенте 16 ноября 1917 года, были русскими или же другой европейской национальности. За день до пятой сессии председатель Совнаркома Колесов заявил: «нельзя допускать мусульман в верховный орган революционной власти, потому что отношение местного населения к нам неопределенно, потому что у них нет ни одной пролетарской организации.»

22 ноября 1917 года все мусульманские организации собрались в Коканде, древней столице Ферганского каганата, на Всетуркестанский конгресс мусульман, где было сформировано правительство, или «Народный Совет» («Халык Шураси»). Первым председателем его был Мухамеджан Тынышбаев. После отставки Тынышбаева Мустафа Чокаев был избран его председателем.

В январе 1918 гола ташкентский Совет решил ликвидировать параллельное мусульманское правительство. На Коканд были брошены красные войска (рабочая красная гвардия, вооруженная милиция армянского дашнак-цутунского отряда и воинские части Ташкентского гарнизона). 5 февраля красные отряды подошли к мусульманской столице. Штурм был предпринят на следующее утро. Сопротивление небольшого мусульманского отряда, защищавшего Коканд, было легко сломлено. Город пал. После трех дней резни и грабежа разрушенный город был сожжен. Точное количество вырезанных мусульман неизвестно, но оно,

безусловно, огромно. Население Коканда, которое в 1897 году составляло 120.000 человек, в 1926 году упало до 69.300.

Мустафа Чокай избежал резни. Вначале он присоединился к басмачам, которые вели партизанскую войну против Советов, затем эмигрировал в 1919 году во все еще независимую Грузию. В Тифлисе он принимал активное участие в политической жизни кавказской мусульманской общины, выступал со статьями в газетах «Вольные горцы», «На рубеже» на русском языке, «Новый мир» на турецком, выражая в своих публикациях политические чаяния северокавказских народов.

В 1920 году, когда Грузия была захвачена и оккупирована Красной Армией, Чокай бежал в Турцию, оттуда он уехал в Берлин и, наконец, обосновался в Ножан-сюр-Марне, возле Парижа. В изгнании Мустафа был признан неоспоримым национальном лидером мусульманской эмиграции. Он издавал два крупных журнала: «Новый Туркестан» в Стамбуле, ежемесячно, с июля 1927 г. по сентябрь 1931 г.; «Молодой Туркестан» – в Берлине, 1929-1939 гг.

Мустафа Чокай был главным редактором и политическим руководителем. В то же время он регулярно сотрудничал с другими изданиями, с журналом Королевского Центрально-Азиатского общества «Азиатский обзор».

Наиболее важные статьи М.Чокая, затрагивающие тему революции в Центральной Азии: «Басмаческое движение в Туркестане», Азиатский обзор, 1928, том 24; «Пятнадцатилетие большевистского правления в Туркестане». Журнал Королевского Центрально-Азиатского общества, 1931 г., том 18.

Он также опубликовал несколько монографий: «У Советов Центральной Азии», Париж, 1928 г., «Туркестан под властью Советов» (на русском языке), Париж, 1935.г., «Воспоминания 1917-го года» (на турецком языке). Париж-Берлин, 1937 г.

В июне 1941 г., когда Париж был оккупирован германскими войсками, Мустафа Чокай был арестован немцами и отправлен на некоторое время в лагерь в Компьень. Освободившись, он уезжает в Берлин. Позже он посетил своих туркестанских соотечественников, оказавшихся в плену. В декабре 1941 г. он умер в Берлине. Обстоятельства его смерти до сих пор неизвестны.

безусловно, огромно. Население Коканда, которое в 1897 году составляло 120.000 человек, в 1926 году упало до 69.300.

Мустафа Чокай избежал резни. Вначале он присоединился к басмачам, которые вели партизанскую войну против Советов, затем эмигрировал в 1919 году во все еще независимую Грузию. В Тифлисе он принимал активное участие в политической жизни кавказской мусульманской общины, выступал со статьями в газетах «Вольные горцы», «На рубеже» на русском языке, «Новый мир» на турецком, выражая в своих публикациях политические чаяния северокавказских народов.

В 1920 году, когда Грузия была захвачена и оккупирована Красной Армией, Чокай бежал в Турцию, оттуда он уехал в Берлин и, наконец, обосновался в Ножан-сюр-Марне, возле Парижа. В изгнании Мустафа был признан неоспоримым национальном лидером мусульманской эмиграции. Он издавал два крупных журнала: «Новый Туркестан» в Стамбуле, ежемесячно, с июля 1927 г. по сентябрь 1931 г.; «Молодой Туркестан» – в Берлине, 1929-1939 гг.

Мустафа Чокай был главным редактором и политическим руководителем. В то же время он регулярно сотрудничал с другими изданиями, с журналом Королевского Центрально-Азиатского общества «Азиатский обзор».

Наиболее важные статьи М.Чокая, затрагивающие тему революции в Центральной Азии: «Басмаческое движение в Туркестане», Азиатский обзор, 1928, том 24; «Пятнадцатилетие большевистского правления в Туркестане». Журнал Королевского Центрально-Азиатского общества, 1931 г., том 18.

Он также опубликовал несколько монографий: «У Советов Центральной Азии», Париж, 1928 г., «Туркестан под властью Советов» (на русском языке), Париж, 1935.г., «Воспоминания 1917-го года» (на турецком языке). Париж-Берлин, 1937 г.

В июне 1941 г., когда Париж был оккупирован германскими войсками, Мустафа Чокай был арестован немцами и отправлен на некоторое время в лагерь в Компьень. Освободившись, он уезжает в Берлин. Позже он посетил своих туркестанских соотечественников, оказавшихся в плену. В декабре 1941 г. он умер в Берлине. Обстоятельства его смерти до сих пор неизвестны.

Биография этого выдающегося политического лидера еще не написана, но есть несколько очерков, полностью или частично посвященных ему:

«Альбом Мустафы Чокайулы — великого националиста и сына (батыра) туркестанских тюрков». Стамбул, декабрь 1942 г.

Хасан Оралтай. «Алаш-тюркское государство». Район Истиклал, Стамбул, 1973 г. (стр. 76-83, Мустафа Чокайулы).

Специальный выпуск «Жас Туркестан» («Молодой Туркестан») — «Памяти Мустафы Чокайбея» (на русском языке), Париж, 1949-50 гг., собрание мемуаров его вдовы Марии Чокай, его друзей и коллег (Тахир Чагатай, Карис-бей, А. Шульгин, А. Чхенкели и Жумаев).

Биографическую информацию, касающуюся Мустафы Чокая, можно найти в следующих публикациях Запада:

Беннигсен, Александр и Лемерсье-Келькежей, Шантал. «Пресса и национальное движение российских мусульман до 1920 года». Париж-Ля-Хайя. 1964 г.

Кастанье, Жозеф. «Мусульмане и политика Советов Центральной Азии». Париж, 1925 г.

Хаит, Баймурза. «Национальные правительства из Коканда и Алаш-Орды». Кафедральный собор, 1950 г.

Хаит, Баймурза. «Восточная политика советских русских на примере Туркестана». Кельн, 1962 г.

Менде, Герхард фон. «Национальный лагерь российских тюрков». Берлин, 1936 г.

Ольсша, Райнер и Клайнов Г. «Туркестан». Лейпциг, 1942 г.

Парк, Александр. «Большевизм в Туркестане, 1917-1927». Нью-Йорк, 1957 г.

Пиерс, Ричард. «Образование Советского Союза». Кембридж, 1957 г. (1-е издание), 1964 г. (2-е издание).

Тоган, Зеки Велиди. «Настоящая история современного Туркестана (Туркели)». Стамбул, 1942-1947 г.

Тоган, Зеки Велиди. «Письма». Стамбул, 1969 г.

Из секретных донесений Французской миссии в Персии

Публикуемые впервые архивные материалы являются докладными военного атташе Франции в Персии (Иране) военному министру своей страны о событиях, происходивших в центрально-азиатских колониях России после падения царского правительства.

Отчаянная борьба за сферу влияния сомкнула здесь интересы трех российских претендентов на власть:

– представителей свергнутого режима, не потерявших надежду на восстановление монархии;

– Временного правительства, сменившего его;

– большевиков.

Вместе с тем территория Центральной Азии была привлекательна и для англичан. Она могла бы стать щитом и защитой от посягательств большевиков на английские владения в Индии и Месопотамии.

И, наконец, Афганистан, пользуясь ситуацией смены власти в России, питает надежду вернуть себе захваченные царской Россией территории в этом регионе.

Ни одна из противоборствующих сил не склонна считаться с интересами коренного населения, которое предпочитает независимое существование. Лишь Временное правительство признает Автономию, провозглашенную Советом народа Туркестана.

Военные донесения лаконичны и беспристрастны. Они излагают сведения, полученные от надежных источников. В этом их ценность как исходного материала для исторических исследований.

Мы сочли необходимым включить их в настоящую работу, так как они не только подтверждают объективность рассказа Марии Гориной-Чокай о событиях в Туркестане, но позволяют также увидеть их в более широком контексте.

Материалы взяты из фондов Service histirique de l'Armee de Terre (Париж).

* * *

Военный атташе – Военному министру
3 октября 1919 года
Секретно

Докладная о положении в Туркестане и Закаспие

I. Коротко о революции в Туркестане

Смещение генерала Куропаткина

Первые революционные события в Туркестане зародились в Ашхабаде и Ташкенте, где зачинщиками были русские рабочие и железнодорожники. Генерал-губернатор Куропаткин был смещен с должности кучкой демагогов, возглавляемых молодым евреем из Одессы по имени Бройдо, который находился на военной службе всего несколько недель. Главным обвинением, выдвинутым против Куропаткина, было, по словам его противников, то, что он якобы отдал всем начальникам структур возглавляемого им региона приказ вооружить местное население и направить против революционных элементов.

Куропаткин такой приказ не отдавал. В этом нас убеждает его досье, содержащее материалы о его смещении. Куропаткин и не думал вступать в борьбу с демократическим движением, но он чувствовал, что должен пойти на некоторые уступки и тем самым может удержаться у власти. По этой причине генерал-губернатор направил по телеграфу главам военных ведомств инструкции о необходимости изменить политику как к местному населению, так и к русским и попытаться удовлетворить требования обеих сторон.

Смещение Куропаткина не было результатом спонтанно возникшего движения масс. Оно стало результатом интриг демагогического характера и силового давления. После его изгнания председателем солдатского Совета стал Бройдо. Благодаря усилиям полковника Черкесса в армии был установлен относительный прядок.

Щепкин

Правительство Львова направило в Ташкент члена Думы Щепкина. Он прибыл вместе с несколькими сотрудниками и возглавил исполнительный комитет. Однако большевистские идеи благодаря оголтелой пропаганде и денежной помощи России стали получать все большее распространение в Туркестане. Творцом этой пропаганды был некий Шмидт, ставший позже представителем Советов в Ташкенте и Бухаре. В Доме Свободы после одного из митингов вспыхнул бунт. Члены солдатского совета были убиты. Полковник Черкесс был до полусмерти избит, а Бройдо предусмотрительно сбежал.

Нелифкин

Для управления краем был создан специальный комитет, председателем которого был назначен Нелифкин, ученый, уважаемый человек, знавший языки местных жителей Туркестана. Однако Нелифкин, будучи человеком мягкого характера, оказался неспособен возглавить правительство. Оно просуществовало очень короткое время.

Коровиченко, граф д'Оррер, Шендиков

Узнав о происходивших в Ташкенте волнениях, Керенский направил туда в качестве комиссара с неограниченными полномочиями генерала Коровиченко. Одновременно комиссаром по делам Закаспия был назначен граф д'Оррер. Но Коровиченко попросил графа прибыть в Ташкент и возложил на него функции по гражданскому управлению Туркестаном. С ними был и третий комиссар по фамилии Шендиков. Создавшийся триумвират решил опираться на общественные организации Туркестана. Населению было предложено самому избрать делегатов в парламент из числа представителей рабочих, солдат, буржуа, офицеров, юристов, интеллигентов.

Большевики же стали убеждать народ в том, что этот парламент преследует реакционные цели, и задача его — свержение власти рабочих.

В начале сентября 1917 года один из митингов, организованный большевиками, завершился бунтом, который был подавлен усилиями Коровиченко. Зачинщики были арестованы.

Восстание большевиков в Ташкенте. 26 октября 1917 года

26 октября два сибирских полка подняли мятеж. Воспитанники школы младших лейтенантов, поддерживавшие (*Временное* – Б.С.) правительство, сумели обезоружить один из полков, однако второй полк успел добраться до пригорода, населенного русскими, и доставить им оружие. В результате школа младших лейтенантов, расположенная в крепости, и близлежащие заводы были обстреляны. При поддержке двух казачьих полков Коровиченко сумел в течение четырех дней благодаря удачно выбранной тактике изолировать мятежников и преградить им путь в город.

В конце концов, была предпринята попытка примирить стороны. Городской Совет Ташкента предложил свои услуги арбитра. Обе стороны дали обещание. Школе младших лейтенантов надо было сохранить свое существование, и Коровиченко пообещал не преследовать виновных. Оба казачьих полка покинули город: один выехал в Семиречье, а другой – в Оренбург. Однако большевики лишь на время приостановили военные действия, так как хотели дождаться помощи из Кушки: артиллерию и офицерский корпус во главе с Шульцем. Сразу же по их прибытии большевики проявили несговорчивость и нарушили свое обещание. Крепость была ими атакована, лейтенанты – обезоружены, а Шендиков спасся бегством.

Убийство Коровиченко

Коровиченко был вначале заточен в крепость, затем расстрелян группой солдат в камере. Что касается графа д'Оррер, то большевики изъявили желание устроить над ним суд с соблюдением всех формальностей. Они обратились в адвокатуру Ташкента с просьбой прислать председателя суда и защитников. Чтобы спасти невинную жертву, адвокатура удовлетворила эту просьбу, и в отношении графа суд ограничился решением о шестимесячном заключении.

Манифестация коренных жителей Туркестана в Ташкенте 13 декабря 1917 года

13 декабря в Ташкенте прошла крупная манифестация коренных туркестанцев, организованная умеренными в поддержку Автономии Туркестана. Состоялось собрание с участием

представителей коренного населения (они составили две трети общего числа представителей) и русских (они составили одну треть). Киргизы прибыли верхом на конях, чтобы присоединить свои голоса к голосам сартов. Это грандиозное шествие с участием нескольких тысяч людей сформировалось в старой части города. Манифестанты, пройдя новую часть города, потребовали освобождения политзаключенных. Граф д'Оррер, взобравшись на автомобиль, поддержал манифестантов. Выступление графа было встречено овацией. Однако Автономию Туркестана признал только представитель Временного правительства. Ему были возданы почести. Когда кортеж повернул назад в старый город, он был встречен вооруженными большевиками. Пулеметные очереди вызвали панику в рядах манифестантов. Автомобиль графа был окружен, а самого графа вместе с генералом Киелечко, губернатором Самарканда, адвокатом Дружкиным, братом комиссара Закаспия, полковником Беком и капитаном Русановым увезли в крепость. Все они были умерщвлены самым жестоким образом: их крики доносились из крепости с раннего вечера до двух часов ночи. Руководили пыткой большевики Тоболин, Перфильев, Колосов, Стасиков. Они же захватили власть в Ташкенте, организовали свой совет. А Колосов стал главным диктатором. Позже Перфильев сбежал в Москву, прихватив с собой деньги из государственного банка.

Восстание в Фергане

Большевистское правительство Ташкента, состоявшее исключительно из русских, настроенных враждебно против Автономии Туркестана и коренного населения, осталось верным этой линии поведения. В тесном контакте с правительством Советов в Москве оно быстро стало централизующим и антисепаратистским органом. Большевики и не думали считаться с интересами местных жителей, зато они проявили снисходительность к некоторым кругам старых русских консерваторов, так как большевикам не был чужд принцип единения русских по национальному признаку.

Репрессивные акции большевиков против повстанцев Ферганы стали новым проявлением негибкой политики в отношении автономистских тенденций. Когда начались волнения в этой плодородной провинции, по праву называемой туркестанским

раем, Колосов при поддержке рабочих и железнодорожников подавил бунт с энергичностью, напоминавшей действия русских генералов в Андижане. Заводы были разрушены, все промышленное богатство Ферганы было уничтожено. Комиссар Осипов принимал самое деятельное участие. Волнения не прекратились, они продолжаются и сейчас. И это вынуждает большевиков поддерживать в Фергане военные действия.

Политика англичан в Фергане

Во всем этом присутствует «рука» Англии. Англичане действуют в революционной Фергане через одного из своих самых активных агентов – полковника Бэйли (Baily). Агент работает подпольно, его считают подстрекателем местного населения к восстанию, поэтому за его голову объявлено вознаграждение. Большевистские комиссары располагают документами, не оставляющими сомнений в том, что полковник Бэйли подбивал сартов к мятежу и что он получал для этой цели от дунганских торговцев в Фергане деньги в сумме двух миллионов рублей, последовав совету кашгарского тао-тай. Последний распорядился, чтобы Бэйли дали все, что он запросит. Данный факт свидетельствует о том, что в настоящий момент Англия имеет влияние на Кашгар и Фергану. Англичане держат под пристальным вниманием эти два региона, которые являются воротами в Китай и открывают также путь к Индии.

II.Ашхабад. Бунт против большевиков

Комиссар Фролов

Комиссар Фролов, бывший военный комиссар Самарканда, известный своей жестокостью, был направлен Колосовым в Ашхабад для защиты власти большевиков. Фролов имел обыкновение после девяти часов вечера прогуливаться в автомобиле по улицам Ашхабада и стрелять в освещенные окна жителей. За ним ранее числились разного рода убийства и другие преступления. Злоупотребления властью со стороны Фролова в конце концов вызвали недовольство даже у самих рабочих. В Кызыл-Арвате, где располагается железнодорожное депо, готовился бунт. Фролов был об этом предупрежден, и он послал в Ашхабад

войска для подавления мятежа. Железнодорожники, поняв, что силы неравные, направили делегацию. Фролов приказал делегацию расстрелять. Затем он организовал серию убийств. Железнодорожники Кызыл-Арвата сообщили о своей горькой участи рабочим Ашхабада. Те решили надавить на большевистского комиссара. Шестьдесят человек, остававшиеся в ашхабадском гарнизоне, были рабочими разоружены. Оружейное депо, находившееся под охраной армян, было разграблено. Отряд туркмен из Теке, на который рассчитывали большевики, присоединился к мятежникам. Все эти силы, объединившись, направились в Кызыл-Арват. Фролова об этом слишком поздно предупредили, и он не смог организовать должное сопротивление. В итоге его войска были оттеснены к церкви и уничтожены. Сам Фролов был уничтожен тоже.

Новое правительство Закаспия

Власть в Закаспие взял в руки исполнительный комитет, сформированный из умеренных социалистов. В составе правительства были в основном русские, но было несколько туркмен. Горас Сардар, туркмен, бывший солдат русской армии, был назначен командующим войсками новой Ашхабадской республики.

Палтровский

Появление Ашхабадской республики стало неприятным сюрпризом для большевиков Ташкента. Они впали в уныние, видя, что рабочие Ашхабада отошли от них. К тому же это было для них потерей выхода на Каспий, связывающий их с Баку, а через него дававший выход на продовольственные поставки и другие ресурсы Закаспия. В Мерв был направлен большой друг Колосова, рабочий завода по фамилии Палтровский, который должен был попытаться вернуть ашхабадцев в лоно большевиков. Палтровский вместе с частным адвокатом города Мерв Калиниченко организовал митинг, желая собрать вместе всех недовольных. Правительство Ашхабада приказало им прекратить всякую пропаганду, но, поскольку те хотели заставить одно из подразделений ашхабадской армии признать большевиков, правительством был отдан приказ о расстреле организаторов митинга. Это вызвало у большевиков сильное возмущение, и они

объявили, что переименуют Ашхабад в тот же день, когда он ими будет взят. Слово свое они сдержали: в августе 1919 года Ашхабад был переименован большевиками в город Палтровский.

Соглашение между правительством Ашхабада и правительством Англии от 19 августа 1918 года

Ситуация в новой Ашхабадской республике оставалась критической. В результате спонтанного мятежа власть перешла в руки умеренных социалистов. Они захватили 47 миллионов рублей, но ни армии, ни организации у них не было. Представители исполкома Зимин и Доков были направлены в Персию просить помощи у находившихся там англичан. В Ашхабад направили эскадрон англичан, и тем самым продвижение большевиков было приостановлено. Ашхабадцы тотчас же вошли в переговоры с командующим британскими войсками в Персии генералом Мэллисоном (Mallison). 19 августа 1918 года было подписано соглашение, в соответствии с которым Англия обещала поддержку молодой республике. К сентябрю на фронте в Мерве насчитывалось 800 русских, 800 туркмен и 800 англичан. Главнокомандующим был русский, администрация была в руках русских, управление – в руках исполнительного комитета и Советов. Представитель генерала Мэллисона капитан Фигсонс (Feaghsones) устроился вместе с представителем генерала Данстервилля (Dunsterville) полковником Баттсеном (Battsen) в Ашхабаде. В октябре англичане направили новые отряды, при поддержке которых ашхабадцы сумели отбросить противника за пределы Мерва и занять Кушхан. Генерал Мэллисон переместился в Ашхабад и, хотя он не взял на себя откровенным образом функции гражданского губернатора, все же сумел навязать свою волю на всех жизненно важных участках.

Политика генерала Мэллисона

Ранее генерал Мэллисон возглавлял бюро контрразведки в Северной Индии. Как все бывшие политические офицеры, он отличался менталитетом завоевателя, агрессивным темпераментом и культом британской гегемонии. Генерал был настроен антирусски. Силы, которые он задействовал в Туркестане, были посланы генеральным правительством Индии, с которым была

налажена связь через Нуски и Кумаликсижах, расположенные в конечной точке железнодорожной линии. Линия коммуникации и снабжения проходила через Мешхед и Сеистан вдоль афганской границы.

Генерал Мэллисон стал вести в Ашхабаде любопытную политику. Поскольку в его власти была цензура над поступающими депешами, он решил воспрепятствовать прохождению в Заскаспий воодушевляющих сообщений о сопротивлении русских. А сообщения обескураживающего характера им пропускались и публиковались. Генерал Мэллисон написал даже в правительство Ашхабада, что он не советует ему вступать в какие-либо контакты с русской миссией в Тегеране, сформулировав свою мысль буквально следующим образом: «Вам нечего ждать от этой миссии, настроенной против революции». Копия этого документа находится в посольстве России в Париже. Можно было бы допустить, что целью генерала Мэллисона было полностью изолировать правительство Ашхабада и помешать ему связаться с армиями Колчака, Поволжья, Деникина, т.е. со всеми, кто боролся за восстановление прежней России.

Генерал Данстервиль находился в это время в Баку. По указу короля Англии, которого он знал лично, и вопреки неблагоприятному для генерала мнению правительства Месопотамии, имевшего своего кандидата, а именно – генерала Томсона (Thomson) на должность представителя Англии в Закавказье, генерал Данстервиль был послан на Кавказ. Генерал Данстервиль имел в своем подчинении 1200 человек в Баку и 200 человек в Красноводске. Правительство Багдада отказало ему в поставке провизии, военной помощи и техники, запрошенных им, тогда как его преемник, генерал Томсон получил все это без особого труда. В Закаспие влияние генерала Мэллисона оказалось сильнее влияния генерала Данстервилля.

В октябре 1918 года правительство Закаспия сплотило местные власти вокруг сил Бичеракова, признав его главой объединенных русских войск. Бичераков направил в Ашхабад людей и снаряжение, но когда турки изгнали Бичеракова из Персии, а тот попытался найти убежище для себя и своей армии у союзников в Закаспие, генерал Мэллисон обратился к исполнительному комитету Ашхабада запретить въезд в республику Бичеракову и его армии. Это вызвало самое сильное волнение в Ашхабаде.

Положение меньшевистского правительства в Ашхабаде было нестабильным: причиной волнений стали злоупотребления властью некоторых большевистских комиссаров, однако волнения их не были направлены против большевизма как такового, ибо в Закаспие он имел немало последователей. Железнодорожники в свое время дали согласие на временную мобилизацию, не желая долгой задержки на фронтах. Постепенно они стали один за другим покидать фронт вопреки усилиям правительства Ашхабада по поддержанию и укреплению участия русских в военных действиях. Однако все эти попытки были сведены на нет большевистской пропагандой. Большевики выдвинули в качестве предлога иностранное вмешательство и пригрозили правительству Ашхабада сместить его, если оно будет продолжать идти на поводу у англичан. У населения стало складываться довольно враждебное отношение к англичанам, хотя последние были преисполнены внимания и предупредительности к молодой республике.

Убийство большевистских комиссаров

Такое отношение населения к англичанам не преминуло проявиться в ходе митинга в Ашхабаде 31 декабря 1918 года, который был организован с целью подготовки к всеобщей мобилизации. Выступавшие предлагали покинуть фронт и идти на примирение с большевиками. Англичане, державшие в свих руках почту и телеграф, сумели добиться роспуска враждебно настроенного против них исполнительного комитета. Он был заменен Комитетом Общественного Спасения, состоявшим из трех русских и двух туркменов. Однако событием, больше всего ожесточившим ашхабадцев и настроившим их против англичан и правящего правительства, стало убийство 26-ти большевистских комиссаров в Баку. Они были взяты в плен в ходе антибольшевистской (Февральской – Б.С.) революции в Баку в июне 1918 года, затем освобождены турками и отправлены в Астрахань. Их хитростью привезли в Красноводск, где они были арестованы меньшевиками и убиты по дороге в Ашхабад. Среди убитых были Шаумян, Джапаридзе, Корганов и полковник артиллерийских войск Петров. Подробности этой операции стали известны лишь в марте 1919 года. Член исполнительного комитета Дружкин, работавший в тесном контакте с генералом Мэллисоном, был вынужден покинуть Закаспий.

Бунт Осипова

Когда граф д'Оррер был вызван генералом Коровиченко в Ташкент, он прибыл в сопровождении бывшего главы канцелярии полковника Цветкова, которого назначил главой канцелярии генерал-губернатора. Эта должность была сохранена большевиками. Полковник Цветков был человеком образованным, автором ряда книг о языках народа Туркестана, имел опыт административной работы.

После прихода к власти в Ташкенте большевиков Цветков хотел уйти в отставку, но рабочий завода Агапов, назначенный комиссаром внутренних дел, на редкость честный и убежденный большевик, попросил его остаться на прежней должности. Агапов использовал в работе опыт полковника Цветкова. Он не принимал никаких решений без согласования с ним. В итоге Цветков приобрел над Агаповым такое влияние, что постепенно большевистские убеждения Агапова были расшатаны. Агапов, осознав свое заблуждение, отказался от должности комиссара внутренних дел и вернулся на завод. Полковник Цветков подал в отставку. Между ними возникла крепкая дружба. Они стали объединять рабочих, недовольных режимом большевиков. В правительстве на них стали смотреть с подозрением. Агапов был известной личностью, он ни о чем не беспокоился. Цветкову пришлось скрываться у друзей. Он занялся распространением антибольшевистских листовок. Агапов и Цветков пришли к выводу, что восстание против большевиков в Ташкенте имеет шансы на успех. Они завязали знакомства в армии и нашли общий язык с Осиповым, бывшим выпускником школы младших лейтенантов, перешедшим на сторону революции и состоявшим в партии левых социалистов-революционеров. Под влиянием Цветкова Осипов занялся антибольшевистской пропагандой. Несмотря на двадцатипятилетний возраст, он командовал большевистскими войсками в Ташкенте и пользовался популярностью. Осипов кичился тем, что сумел привлечь на свою сторону 2-й полк Советов, находившийся в его подчинении. Офицеры этого полка были его однокашниками. Он рассчитывал также на поддержку казанских красных воск, дислоцированных в Самарканде. Однако тактика, избранная заговорщиками, оказалась

неудачной. Они не учли силы большевиков, которые могли получить подкрепление, не заручились поддержкой умеренных социалистов Ашхабада, которые могли бы предпринять атаку на туркестанском фронте в случае, если бы Осипов поднял ташкентский гарнизон, а Агапов – рабочих.

12 января, в день восстания, офицер Колосаев, на которого рассчитывал Осипов, отказался действовать, предпочтя нейтралитет. У Колосаева в подчинении было 200 человек, была артиллерия. Осипов смог удержать город только в течение суток, но он сумел воспользоваться этим коротким временем, чтобы успеть расстрелять с полтора десятка самых жестоких большевистских комиссаров. Цветков, скорее прожектёр, чем реалист, в одной из прокламаций поспешил объявить о свержении власти большевиков. Последние, поначалу застигнутые врасплох развернувшимися событиями, быстро спохватились и успели вооружить свои подразделения. На третью ночь Осипов вместе с 600 сторонниками из школы младших лейтенантов, офицерами, кадетами и просто гражданами покинули Ташкент и направились через Чарнаев в Семиречье. Им перекрыл путь гарнизон большевиков. Тогда они повернули назад и пошли через горный перевал, разделявший Аму-Дарью и Фергану. Во время перехода они сумели выдержать жестокие бои с большевиками, потеряв половину своих людей. В февральские морозы Осипов и его люди преодолели перевал, который, по словам местных жителей, никому еще не удавалось пройти. Людям Осипова приходилось спать, зарывшись в снег и прижавшись друг к другу. Три дня они были без еды и воды. Наконец они добрались до Ферганы, и после нового сложного перехода через горы 62 оставшихся в живых человека прибыли в Бухару. Их там встретили хорошо: эмир назначил Осипова войсковым инструктором.

В Ташкенте большевики предались кровавым репрессиям. Цветкова арестовали и забили в камере ружейным прикладом. Агапов был приговорен к заточению в крепости сроком на шесть лет. У всех жителей были произведены обыски. Те, у кого было найдено оружие, расстреливались на месте. Таким образом было истреблено более семи тысяч человек. Большевики выбирали свои жертвы в среде интеллигенции и офицеров, оставляя в живых тех, кто не мог интересоваться политикой. В целях оперативности

людей убивали пулеметными очередями. Девушек убивали в помещении депо либо в замке, превратив их в бойни.

Продвижение большевиков к Оренбургу

Эта кровавая расправа совпала по времени с новым продвижением большевиков на уральском фронте. 21 января они заняли Оренбург, а 24-го – Уральск. Между Оренбургом и Ташкентом была установлена прямая связь. Правительство Ташкента выбивалось из сил: вынужденные бои в Фергане, Семиречье и на ашхабадском фронте вывели из строя всю артиллерийскую технику, кончилось снаряжение. Прорыв к Оренбургу позволил большевикам восстановить на короткое время связь с Москвой. Пушки заводов Круппа, боеприпасы были доставлены инженером путей сообщения комиссаром Кобесевым и агитатором Левиным в Ташкент. С ними прибыл и доктор Каспаринский, назначенный министром образования.

Эта помощь подняла дух большевиков. В особенности то, что несколько представителей интеллигенции, направленные Советами из Москвы, по своему потенциалу значительно превосходили тех, кто был набран на месте из числа железнодорожников.

Мадьяры в составе ташкентской армии

Армия большевиков укрепилась. Она состояла в основном из мадьяров. Ими командовали австро-венгерские офицеры, немцы и турки. Мадьяров охватило волнение, когда они узнали о перемирии. Они запросились домой, организовали митинг в Ташкенте, но Кобесев сам возглавил митинг, предварительно окружив его ротой пулеметчиков. На требования мадьярских солдат он ответил, что дорога захвачена врагами и австро-венгерским пленным придется отказаться от этой мысли. На заявление о том, что пленные готовы пойти домой даже пешком, он заявил, что солдаты большевистской армии должны быть репатриированы достойно и иного он не допустит. Мадьяры настаивали. Тогда Кобесев объявил, что он откроет огонь. Митинговавшие разошлись, но один корпус мадьяр в составе 1500 человек все же сумел сбежать на север Ташкента. Его окружили и вынудили сложить оружие.

Большевистская пропаганда среди мусульман

К этому времени ташкентским правительством были разработаны и приняты новые планы относительно пропаганды, которую надо вести среди мусульманского населения. Радиосообщения большевиков, перехваченные нами, свидетельствуют о том, какое большое значение Совет Ташкента придавал этому мероприятию. Совет рекомендовал своим агентам проявлять самую большую осторожность в изложении доктрины большевиков в мусульманской среде и не идти напролом.

Бравин

Одним из авторов этой пропаганды был Бравин, бывший российский консул в Индии и Персии, бывший представитель правительства большевиков в Тегеране. Это был очень умный и активный мусульманский еврей из Крыма (караим), которого интересы карьеры подвигли к сотрудничеству с большевиками. Сначала он был направлен большевиками в Тегеран, где он проявил большое усердие в организации интриг против прежней русской миссии. Затем его отозвали в Москву и по указанию Троцкого был направлен на работу в Ташкент, Бухару и Афганистан. Задание состояло в том, что он должен был поднять афганцев, доставить им оружие и боеприпасы, а также организовать им инструкторскую помощь через привлечение немецких и турецких специалистов. Непохоже, что он в этом преуспел. Афганские волнения, несомненно, были инспирированы большевиками, но сами большевики не получили от афганцев никакой помощи. Афганский мятеж был подавлен англичанами. В Кабуле Бравин попал в плен к афганцам, а те заподозрили его в чем-то и бросили в зиндан.

Сложное положение правительства Ташкента в апреле 1919 года

В тот самый момент, когда правительство Ташкента лелеяло грандиозные захватнические планы, оно испытывало большие трудности, связанные с продовольственным снабжением. Население страдало от нехватки хлеба и скота. Не хватало горючего для транспорта. Остро ощущался недостаток квалифицированных рабочих. В Ташкенте не хватало рабочих в металлургической промышленности, нужны были механики,

шахтеры, рабочие типографий, монетчики. Это также одна из причин, по которой правительство Ташкента ревниво удерживало на своей территории мадьяр. Из-за дефицита бумаги ежедневно задерживался выпуск газет и, особенно, бумажных денег. Число локомотивов, которые ранее заправлялись топливом, привозимым из Баку и Ферганы, сократилось. Приходилось использовать хлопковое масло, которое было в большом количестве в Туркестане и предназначалось в основном для продовольственного снабжения армии. Вагоны, груженные сухой аральской рыбой (лещом), тоже нуждались в горючем. Топливом служил также саксаул, деревце, произрастающее в Туркестане. Ходили только воинские поезда. Гражданским лицам в поездках отказывалось.

Сказывались на работе правительства Ташкента и внешние трудности. В апреле 1919 года казаки Дутова перерезали путь на Оренбург. Армии Колчака и Деникина шли на сближение. Были взяты Самара и Уральск. Туркестанская армия отступала на всех фронтах. Один из флангов армии Колчака продвигался через Семиречье и угрожал Ташкенту. Эмир Бухары, которому афганский эмир предложил заключить союз и войти в панисламистское движение, колебался. До этого момента бухарский эмир держал нейтралитет, но теперь он мог в любую минуту примкнуть к врагам большевиков.

Заключение

Туркестан, казалось бы, по своему географическому положению находится в стороне от поля сражения большевиков с контрреволюционными войсками. Крупные военные операции происходили в основном в Сибири, на юге и западе России. Туркестан поэтому вроде бы представляет второстепенный интерес. Контрреволюционеры не получили в Туркестане никакой поддержки со стороны союзников. Десяти тысяч человек хватило бы, чтобы разбить большевиков.

Однако Туркестан сыграл в истории большевизма диверсионную роль. И с этим следует считаться. Его атаки становятся угрозой то левому флангу армии Колчака, то правому флангу армии Деникина. Туркестан — это постоянная угроза свободе доступа к Каспию через Ашхабад. В случае европейского краха он может стать убежищем для Москвы. Ленин заявил, что если

наступление контрреволюционных сил вынудило бы его покинуть Москву, то он выбрал бы местом пребывания Азию, где принялся бы за создание нового большевистского движения, более грозного, чем настоящее. И, конечно, жить бы он хотел в Туркестане, где мог бы оказывать влияние на местный мусульманский народ и народ Китая.

Большевики Туркестана не раз были отрезаны от остальной части России, не раз они были на грани капитуляции перед противником из-за отсутствия боевой техники и боеприпасов. Но каждый раз происходило какое-то неожиданное событие, спасавшее их. Совсем недавно они восстановили связь с Оренбургом (сентябрь 1919 года). Они не могут воспользоваться линиями железных дорог Туркестана, так как они разрушены при отходе армии Колчака. Связь между Ташкентом и Оренбургом также ненадежна из-за казачьих налетов.

Однако же, если бы в Туркестан были направлены главные силы большевиков, то он мог бы стать при необходимости серьезной точкой опоры.

Радиограммы большевиков, недавно перехваченные нами, свидетельствуют о том, с каким вниманием правительство Москвы следит за событиями в этой азиатской части России. Ежедневно из Царского Села либо Ташкента идут обращения большевиков к турецкому и персидскому пролетариату, а также пропагандистские новости о различных большевистских движениях, которые могут появиться в Персии, Афганистане и у туркмен.

Интенсивная пропаганда большевиков панисламистского толка пытается ориентировать мусульманские народы Азии в поддержку большевиков, против союзников.

Англия небезразлична к такой активности большевиков, хотя она относится к этому с некоторым высокомерием. Это подтверждают коммюнике военного представительства в Мешхеде, телеграммы агентства Рейтер, опубликованные британской миссией в Тегеране. Совсем недавно не без помощи Англии в Фергане разразились новые события, представляющие опасность для правительства Ташкента. Англия тайно вооружает сартов и киргизов. Ее влияние простирается вплоть до китайского Туркестана. С другой стороны, Англия оказывает влияние и на туркмен, толкая их на создание военных формирований, которые прикрывали бы северную часть Персии.

Афганцы, с которыми Англия совсем недавно вела переговоры, в настоящий момент поворачиваются против большевиков, явившихся подстрекателями их последнего мятежа. Поступают сигналы о том, что афганская делегация пересекла границу Туркестана. Она намерена потребовать от имени афганского правительства у правительства Ташкента возвращения Афганистану Кушки, Пенджаба, а также территории, захваченные русскими в 1885 году. Если ее требования не будут удовлетворены, афганцы готовы объявит войну большевикам. Афганские войска сосредоточены у границы, готовые к вторжению на русскую территорию. Опасаясь, что их делегация может быть расстреляна большевиками, они держат в заложниках большевистского агитатора Бравина. Если русские посмеют тронуть их эмиссаров, то афганцы им отомстят, убив Бравина.

Новые антибольшевистские акции очень хорошо скоординированы и мало похожи на спонтанный мятеж. Нити мятежа ведут к некоей державе. Англия хотела бы опередить большевиков в завоевании мусульманских народов Азии. Она проводит в отношении сартов, киргизов и туркменов ту же политику, что и в отношении грузин, армян и азербайджанцев. Она берет под опеку все отколовшиеся нации, желая вывести их из-под влияния русских. Тем самым Англия обеспечивает прикрытие для своих владений в Индии и Месопотамии. Она утверждает свой престиж великой исламской державы, ослабляя соперника, представляющего опасность в случае возрождения.

Жорж Дюкрок

Тегеран, 16 ноября 1919 года
Военный атташе — Председателю Совета,
Военному министру
Секретно

Сообщение о положении в Афганстане

Сведения, поступившие 10 ноября в Тегеран из Мешхеда из русских источников, сообщают о том, что афганские силы, ранее перешедшие туркестанскую границу в Кушке и направляющиеся в Иолотан, достигли Мерва. Шесть офицеров и три десятка солдат вошли в город. Оставшаяся часть людей (примерно 300 человек) по приказу афганского консула в Мерве остановились за городом.

В тот же самый момент, когда этот отряд захватил Мерв, английская миссия в Мешхеде объявила о том, что два кавалерийских полка захватили район Герки и Термеза. Там эмиссары Мусульманского Союза проводят агитационную работу среди туркмен, и, похоже, они в этом преуспели. Два пехотных полка афганцев, идущие из Мазари-Шерифа, пересекли Аму-Дарью и направляются в Керки. Их конечный пункт — Самарканд.

Цель этой операции остается загадкой. В штаб-квартире генерала Мэллисона в Мешхеде смотрят на это с оптимизмом и хотели бы представить дело как военно-религиозное движение за освобождение сартов, туркмен, киргизов и персов, всех мусульман от большевистского ига. Афганцы выдают себя за освободителей туркмен. Русские же, напротив, (русское консульство в Мешхеде и русская миссия в Тегеране) считают происходящее операцией, проводимой с согласия большевиков и в пользу Советов. Большевики, должно быть, заманили афганцев в Туркестан, пообещав за это вернуть Афганистану ранее оккупированные Россией Кушку, Пяндж, а также пересмотреть границу вдоль Аму-Дарьи и, в особенности, пообещав перспективу безграничного грабежа.

Эта последняя гипотеза кажется близкой к правде. Отряд афганской армии дошел до Мерва, не встретив никакого сопротивления со стороны большевиков, которые продолжают продвижение в Красноводск к Каспию. Афганская мирная делегация, сделавшая остановку в Москве, а также афганская миссия

в Ташкенте, по всей вероятности,
относительно этой интервенции с делегацией, возглавляемой Бравиным, бывшим русским дипломатом, перешедшим на сторону большевиков. Для большевиков эта интервенция – еще одна акция в их поддержку как в военном, так и пропагандистском плане. Афганцы как и туркмены являются суннитами, поэтому опасности не так велика: афганцы, известные своим двуруш-ничеством, могут заявить туркменам и сартам, что они действуют во имя их свободы, скрыв при этом тайный сговор с большевиками.

Пока не похоже, чтобы военная операция имела целью оказание помощи восставшим мусульманам Ферганы, уничтожаемым большевиками Ташкента, как это утверждают в штаб-квартире генерала Мэллисона.

Сообщения, появившиеся в газетах Тегерана 13 ноября, свидетельствуют о том, что правительство Англии начинает осознавать значение афганского движения, его истинные намерения. Англичане готовятся принять энергичные меры в отношении Афганистана. Судя по недавним статьям в газете «Таймс», внешняя политика Афганистана после подписания в начале августа мирного соглашения между Индией и Афганистаном, вопреки утверждениям лорда Карзона (Curzon), ускользает из-под контроля англичан. Это соглашение расценено в официальных кругах Лондона как ослабление английского влияния на Афганистан.

Новый эмир не против поиска моральной и материальной поддержки у большевиков. Из-за присутствия в Кабуле агитатора масштаба Бравина, очень умного крымского еврея, которого Советы назначили специально для ведения большевистской пропаганды среди мусульман Центральной Азии, афганская внешняя политика вызывает тревогу.

И, наконец, афганская армия значительно пополняется и укрепляется австрийскими и венгерскими дезертирами. Представляется, что недавние волнения афганцев управлялись из Москвы по немецкой методике ведения пропаганды.

Тем не менее, не похоже, что торговые отношения между Афганистаном и Туркестаном могут быть восстановлены, как этого хотели бы большевики. Афганцы приводят в качестве доводов против возобновления коммерческих операций трудности с

валютным обменом. Они отказываются принимать большевистские рубли в обмен на свои товары.

Что же касается сартов и туркмен, они не проявляют большого энтузиазма к своим освободителям. Афганцы хорошо известны населению пограничной зоны, которые уже успели побывать под их игом и не хотят больше возврата к этому опыту. Афганские войска уже начали грабить жителей занятых ими регионов, а среди населения Мерва и Серекса, в частности среди персов, царит паника.

Жорж Дюкрок

И. Гилязов

ПАНТЮРКИЗМ, ПАНТУРАНИЗМ И ГЕРМАНИЯ

(отрывок из статьи. «Этнографическое обозрение», № 2, 1996 г.)

...С началом войны со стороны Германии наблюдался определенный интерес к туранистскому движению. Создавалось впечатление, что по крайней мере руководство германского МИД считало туранистов влиятельной и авторитетной силой в Турции, способной оказывать давление на официальную Анкару в деле военной поддержки Германии (под видом заботы о судьбе своих тюркских собратьев в СССР). При этом очевидно и другое - турецкое правительство проявляло большую осторожность, явно дистанцируясь от туранистских лидеров.

Таким образом, руководство германской дипломатии заблуждалось в оценке потенциала пантуранистского движения в Турции, которое сводилось к деятельности пусть авторитетных, но все же отдельных политиков. Одним из них был брат Энвера-паши Нури Киллигиль, или, как его чаще называют, Нури-паша.

Личность этого человека заинтересовала германский МИД уже в самые первые дни войны с СССР. Он заявил о своей озабоченности судьбами тюркских народов и выразил желание отправиться в Берлин, чтобы консультировать германское правительство по тюркскому вопросу. Кстати говоря, такое же желание высказал и Ахмед-Зеки Велиди, подавший уже в июле 1941 г. заявление о выдаче ему германской визы.

В отличие от Велиди Нури-паша визу получил и в сентябре прибыл в Берлин. Тогда ему было за 50 лет и он считался в Турции преуспевающим фабрикантом.

11, 19 и 15 сентября он вел обстоятельные переговоры с государственным секретарем МИД Эрнстом Верманном, после которых последний составил подробный отчет об их ходе и содержании. Этот отчет в полной мере отражает мнения, которые господствовали в Германии в отношении пантуранизма.

Документ содержит сведения о личности Нури-паши, о сущности пантуранистской идеи, а также выводы и конкретные предположения на текущий момент.

Пантуранистское движение, по словам Верманна, имело целью создание самостоятельных государственных образований тюркских народов. Несмотря на то, что оно предполагало известное изменение ныне существующих границ, Турция не будет аннексировать их территорию, а окажет им лишь политическую поддержку. Речь шла в первую очередь об Азербайджане и Северном Кавказе, затем — о Крыме и Поволжье-Приуралье и лишь потом — о Туркестане (Средней Азии).

Причем Нури-паша заверял германский МИД, что официальное турецкое правительство придерживается концепции Ататюрка о чисто национальном государстве только из практических соображений, что это лишь политика целесообразности, в основе которой лежит страх перед Советским Союзом. Теперь же, когда Германия успешно ведет войну с Советским Союзом, этот страх более не имеет оснований.

Нури-паша сразу же хотел успокоить германское руководство. Турецкие амбиции, по его мнению, территориального характера не носили.

Для Верманна было совершенно очевидно, что Турция сможет реализовать пантуранистские идеи только с помощью Германии, т. е. пантуранистски настроенная Турция одновременно должна быть и прогермански настроенной. Потому Германия должна проявлять к пантуранистам самое серьезное внимание и всячески их поддерживать. Что касается перспективы, то к идеям создания одного или нескольких самостоятельных государств после военного поражения Советского Союза германский дипломат отнесся очень своеобразно. Когда речь шла о Закавказье или о Поволжье, то для Германии, по Верманну, было политически невыгодно возникновение в этих регионах самостоятельных, да еще протурецки ориентированных государств (с учетом политической нестабильности в самой Турции).

Иначе обстоит дело со Средней Азией. В сферу непосредственного влияния Германии ее территории не входят и, скорее всего, входить не будут. Создание же здесь Туркестанского государства должно существенно ослабить международные позиции Англии, а потому идея эта с германской стороны

временно и против стремления некоторых из них к государственности.

В ходе переговоров Нури-паша обратился к Германии с рядом конкретных предложений:

1. Среди советских военнопленных необходимо отделить тюркских и мусульманских и создать для них особый лагерь подобно тому, который существовал в годы первой мировой войны в Вюнсдорфе неподалеку от Берлина. Затем предлагалось проверить, насколько возможно использование этих военнопленных в качестве боевых отрядов туранистского движения.

2. Управление тюркскими и мусульманскими народами на занятых Германией территориях должно быть сосредоточено в руках самих тюрок - это было, пожалуй, пожелание на перспективу.

3. Нури-паша сам хотел играть заметную роль в туранистском движении. Он был готов переехать в Германию, чтобы заняться организацией работы с тюркскими военнопленными. В дальнейшем он полагал возможным создание туранского пропагандистского центра в Берлине со своим участием.

В конце своего отчета Верманн подчеркнул, что Нури-паша уезжает из Берлина несколько разочарованным, ибо здесь его встречали не с распростертыми объятиями.

И тем не менее игра началась. В начале октября при поддержке германского посла фон Папена была организована поездка двух турецких генералов на советско-германский фронт, а именно на Крымский п-ов. В поездке их сопровождал бывший еще в то время представителем МИД при командовании 11-й армии Вернер Отто фон Хентиг. Али Фуад Эрден, начальник Военной академии Турции, и Хюсню Эмир Эркилет, уже находившийся на пенсии, по воспоминаниям Хентига, менее интересовались «нашими военными успехами, чем нашими политическими намерениями, прежде всего относительно тюркских народов России». Оба генерала высказали серьезное беспокойство за судьбу тюркских военнопленных». Эрден как официальное лицо должен был сдерживать эмоции и следить за своими высказываниями, но Эркилет, фактически частное лицо, представлял интересы тюрко-татарской эмиграции в Турции и высказывался совершенно определенно. Их визит, по мнению Герхарда фон Менде, стал последним толчком к созданию так называемых легионов.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ, ДОКТОРОМ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК АХМЕТ ТЕМИРОМ (ТУРЦИЯ)

Я, Ахмет Темир, родом из Татарстана, родился в 1912 г. в селе Энвет и до 17 лет жил в Татарстане. С 1929 года живу в Турции. Учился в Трабзоне. Затем в 1935 г. окончил лицей Хайдарпаша, в Стамбуле, после окончания которого поступил в открывшийся Анкарский Университет на факультет языка, истории и географии, где проучился 1 год, затем поехал в Германию. Мои воспоминания о Германии начинаются в этот период. Я закончил Берлинский университет, затем обучался в аспирантуре. Я поехал в Германию в 1936 г., где я преподавал татарский язык на семинарах востоковедения. Там я учился и одновременно зарабатывал деньги. Я преподавал татарский язык в Берлинском Университете в течение 7 лет и одновременно изучал монгольский, китайский и турецкий языки.

В тот период я познакомился с лидером Идель-Урала Аязом Исхаки, его дочерью Саадат Ханум, с которыми долгое время работал в Берлине, а также с Тахиром Чагатаем, Мустафой Чокаем.

...После начала войны Германия, одержав несколько побед, вышла к Волге и Кавказу. Именно в этот период она столкнулась с национальным вопросом, который был очень важен. Германия предполагала, что сможет решить сама эти вопросы, но увеличение числа союзников СССР осложнило ситуацию. Поэтому правительство было вынуждено обратить внимание на национальный вопрос и начать поиск лидеров. Тогда в тюркском мире в этих странах были люди, которые занимались этими вопросами. Кто были эти люди?

Например, Мехмет Эмин Ресул Заде занимался азербайджанскими вопросами, он был из России, занимался этими

вопросами извне. Из Крыма Джафер Сейдахмет занимался крымскими вопросами. Как я уже говорил из Бухары был Осман Ходжаоглу, также выходец из России, из лидеров Восточного Туркестана Мехмет Эмин Бугра, Иса Юсуф Алптекин. Часть этих людей жила в Турции, другие в разных странах. Например, представитель казахов Мустафа Чокай жил во Франции, в Париже. После отъезда из Советского Союза, он прибыл во Францию и жил там. Даже когда Германия оккупировала Францию, он оставался в Париже. В то время Германия начала заниматься вопросами тюркских народов и создала специальную комиссию. Вообще-то комиссия была создана в 1939 г., в начале войны с Польшей. Было создано даже специальное Министерство «Остминистериум» — Восточное Министерство. Это министерство было призвано заниматься вопросами оккупированных Германией стран. После начала войны с Россией в этом министерстве была создана комиссия по национальным вопросам. Я также входил в состав этой комиссии, т.е. эта комиссия занималась вопросами исследования нерусских народов. В Восточном министерстве в эту комиссию были также включены люди, занимавшиеся вопросами Кавказа, включая армян, грузин. Эта комиссия состояла из 15 человек и после начала войны с Россией приступила к работе с пленными, которых было много в первые месяцы войны. Представители комиссии были направлены в лагеря для военнопленных. Я участвовал в трех поездках. Немцы стали придавать большое значение вопросам Туркестана, по этой причине начали искать лидера. Думая о том, кто может им быть, они не брали в расчет тех лидеров которые жили в Турции, о которых я уже упомянул: Мехмет Эмин Расулзаде, Аяз Исхаки, Осман Ходжаоглу, Мехмет Эмин Бугра. Они заинтересовались Мустафой Чокаем, а искать его не надо было, он и так находился в их руках. В конце сентября 1941 г. он был привезен из Парижа в Берлин. Комиссию возглавлял сначала Вели Каюмхан. Мы несколько раз, точнее три раза, ездили с Вели Каюмханом в лагеря и работали там. Мустафа Чокай прибыл позже. Впервые я увидел Мустафу Чокая в конце сентября 1941 г., когда он прибыл в Берлин. До тех пор я не был знаком с ним. Он жил в Париже. Дело в том, что Мустафа Чокай в период демократической Германии, до прихода Гитлера, часто приезжал в Берлин. Он участвовал во встречах, которые организовывали его земляки. После прихода Гитлера к

власти он не приезжал в Берлин. Поэтому я его не видел. Я встретился с ним в 1941 г., после того как он был привезен в Берлин. Однако мои встречи с Мустафой Чокаем были очень короткими. Я не смог узнать его поближе. Я собирался обсудить с ним несколько проектов, однако он неожиданно умер. Поэтому мое знакомство с ним было коротким. Я всего один раз ездил с ним в лагерь, где мы работали вместе. Это была моя четвертая поездка в лагеря. Она состоялась с 7 октября до 28 октября 1941 г. Мы вместе объездили все лагеря, находившиеся тогда в Польше. Я встречался с татарами, башкирами, чувашами, мари, удмуртами, финами. Мустафа Чокай разговаривал с пленными из Туркестана. Алихан Кантемир занимался пленными с Кавказа.

Моя совместная работа с Мустафой Чокаем, как я уже сказал, продолжалась всего 3 недели. Комиссия начала работу в августе 1941 г. 15 членов комиссии ездили в лагеря на поезде, где работали потом, разделившись на соответствующие группы, разговаривали со своими земляками и искали людей, кто был бы полезен в национальных вопросах.

После возвращения из поездки я готовился к встрече с Мустафой Чокаем для того, чтобы узнать его мнение по национальными проблемам, по Туркестану и узнать, что он думает о народах, проживающих в Туркестане. По этому вопросу у меня были некоторые проекты и я думал ознакомить его с ними и обсудить их. После четырех поездок, как я уже упомянул, бросил работу в комиссии и занялся вопросами подготовки к экзамену и защите докторской. В пятой поездке вместо меня принимал участие мой земляк Абдуррахман Шафи Алмас. Именно он сообщил мне печальное известие о том, что Мустафа Чокай заразился тифом и скончался. Это случилось не в Берлине, а во время поездки. Дата смерти Мустафы Чокая — 27 декабря 1941 г., как вы знаете.

Вопрос: Знали ли Вы сподвижников Чокая?

Я встречался с его земляками, например, Тахиром Чагатаем, супругом Саадат Ханум, в Берлине я часто встречался с ними, навещал их. Саадат ханум издавала журнал «Милли Йол», а я занимался его распространением.

Тахир Чагатай от имени Мустафы Чокая в Берлине издавал журнал «Яш Туркестан». В этот период земляками, с которыми я общался, были Тахир Чагатай, а также Октай-бей, его близкий

друг, он тоже был казахом. Его супруга Саида ханум. Они приехали в Стамбул, Саида ханум преподавала немецкий язык. Потом они умерли в Стамбуле.

Вопрос: Как бы Вы охарактеризовали М.Чокая?

Прежде всего, как большого гуманиста. Мустафа Чокай был очень видным человеком, твердых убеждений, открыто мыслящим. Я его знал, как очень умного, мудрого человека. Он любил шутить, рассказывал разные истории. Был предан своему делу.

Вопрос: Как работали члены комиссии? Можете ли вы рассказать о каком-либо конкретном случае?

Члены комиссии по прибытии в лагеря разделились на группы. Мы редко видели друг друга, поскольку туркестанцы были в одном месте, татары в другом. Мы собирались вечерами, вместе ужинали, разговаривали.

...У меня есть одно воспоминание, связанное с Мустафой Чокаем и немцами. Может быть, вы раньше слышали об этом. Однажды члены комиссии направлялись через лес к лагерю. Вокруг деревья, река, дорога узкая. Мы шли по узкой тропинке. Навстречу вышли два немецких солдата. Они, видимо, ожидали, что им уступят дорогу. Произошла небольшая заминка. Мустафа перепрыгнул первым, солдат рассердился и ударил его. Об этом Мустафа Чокай доложил председателю комиссии, который был немцем. Потом было разбирательство, дело дошло до высоких инстанций. Немецкие власти принесли извинения Чокаю и сказали, что виновные понесли наказание.

Во время переговоров с немцами вел ли Мустафа Чокай какую-то политику, преследовал какие-то цели, знать невозможно. Знаю, что он любил свой народ, всегда хорошо отзывался о татарах и других народах.

Вопрос: Были ли вы знакомы с Марией Чокай?

Нет, к сожалению. Не встречался.

13—587

СОДЕРЖАНИЕ

И.Тасмагамбетов. *Слово к читателю* 5

От составителя 7

Мария Чокай. Воспоминания о Мустафе Чокае 10

Письма

Мария Чокай – Алиму Алмату 126
Карис Канатбай – Марии Чокай 138
Махмуд Мухамадемин – Марии Чокай 143
Петр Дюпир – Марии Чокай 145
Хан Иомудский – Марии Чокай 147
Письма А.Цаликова, Ф.Акименко, Елены N.,
Над. и Ив. Германов, В.Поповой, В.Ромея, И.Фрёмке 152
Мустафа Чокай – Байдаулету Дабылову 156
Байдаулет Дабылов – Мустафе Чокаю 158
Нуртаза Чокаев – Мустафе Чокаю 160

Приложения

Биография Мустафы Чокай оглы 162
Из секретных донесений Французской миссии в Иране 167
И.Гилязов. Пантюркизм, пантуранизм и Германия. 187
Из интервью с Ахметом Темиром 190
П. фон цюр Мюлен. Между свастикой и советской звездой 194

Чокай М.

Ч-75 **Я пишу Вам из Ножана...** — Алматы: Кайнар, 2001. — 208 с.

В книгу вошли воспоминания Марии Чокай (Гориной) о ее супруге Мустафе Чокае, письма, фотографии, многие из которых публикуются впервые.

Ч 4702010201-009 / 403(05)-01 без объявл.

ББК 84 Р 7-4

МАРИЯ ЧОКАЙ

Я пишу Вам из Ножана...

Воспоминания. Письма. Документы.

Редактор *К.Бакбергенов*
Художник *А. Баймуратова*
Технический редактор *Т. Суранова*

Сдано в набор 27.09.01. Подписано в печать 08.11.01. Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Гарнитура «Тип Таймс». Усл. п.л. 11,8. Усл.-изд.л. 11,8. Усл.кр.-отт. 13,1. Тираж 2000 экз. Заказ № 587.

Республика Казахстан, ТОО «Кайнар» баспасы, 480009, г. Алматы, пр. Абая, 143. тел./факс. 42-27-96.

Издательский дом «Кітап», 480009, г. Алматы, пр. Гагарина, 93.
Тел.: 42-36-31, 42-07-90, too_kitap@mail.ru

Chelles, 22. II 68.

Сегодня 22 февраля день моего рождения
исполнилось-ось 80 лет, я была очень
тронута получив от вас дорогие мои
письмо в котором вы выразили
беспокойство о болезни
нашего молчания. Дело в том, что я
упала на улице и раздробила себе на
правой руке сухожилие, к счастью ни
чего не сломала и на левой ноге шишку, и мне трудно
ходить. Упала я перед рождеством и
почти два месяца стала инвалидом.
У меня накопилось масса писем на
которые надо ответить и я не могу
собраться на это дело, голова пустая
голова плохо видит, ноги плохо ходят
совсем я стала старуха.
Ваше письмо и карточку поздравительную
телеграмму получила своевременно. Вас
что благодарю и крепко всех вас
целую. Посылаю фотографию сделан
под Новый год 1968 й, я сижу
на лице у меня ранение
рефлекси от болезни
политравма
раслабление

Мустафа Ахмед
7 Square de la Fontaine
Chelles S. Marne
France

Бывал-ли вы в Париже? Как
бы я хотела с вами
встретиться, поговорить
о нашей жизни.
Крепко целую

3 9352 0672342 6 0

Родные мои Дети,
Папа, Таня и Миша, как провели
в эту чудесную зимнюю? Здоровы?
Слушаетесь по радио-ты и вас
наши знаменитые Колумбовские
слушаете дорогие. Будьте осторожны
ни, не переходите в школу малень
кого через сами в зимой дома.
Посылаю книгу Л. Т. Толстого
которая состоит из
почтовых марок, пронумеров
Антарктида, Белый медведь, Белый
Финляндия, Белый, Белый. Выше
Рыбки, и еще коллекция
по порядку, по порядку в свободное время
Не
Получил
Финляндия от Конец

DK908.863.C49 C49217
2001
Suzzallo/Allen Stacks

МАРИЯ ЧОКАЙ

Я пишу Вам
из Кожана ...